

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

№

ISSN 0132-1366

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНО ·
ВЕДЕНИЕ

1

2009

«НАУКА»

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

2009

ЯНВАРЬ ●

ФЕВРАЛЬ ●

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Содержание

СТАТЬИ

<i>Урядова А.В.</i> (Ярославль). Голод 1921 года и русская эмиграция в славянских странах ...	3
<i>Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.</i> (Брянск). Е.В. Спекторский в эмиграции (1920–1951)	14
<i>Петрушева Л.И.</i> (Москва). Русская эмигрантская школа в Европе	25
<i>Стыкалин А.С.</i> (Москва). К вопросу о российской белой эмиграции в межвоенной Венгрии и отношении к ней хортистской политической элиты	40
<i>Косик В.И.</i> (Москва). Русская культура в Словении XX века (русские имена в театре) ...	52
<i>Яковкина Е.В.</i> (Ставрополь). Польский национальный вопрос в контексте модернизационных процессов (на примере истории польских земель последней трети XIX – начала XX века)	62
<i>Яжборовская И.С.</i> (Москва). Современная Центрально-Восточная и Юго-Восточная Европа: проблемы социального положения и социальной политики.....	73
<i>Бухарин Н.И.</i> (Москва). Российско-польские культурные связи в начале XXI века	88

СООБЩЕНИЯ

<i>Рыжов И.В.</i> (Нижний Новгород). Косовский кризис и некоторые особенности политики государства Израиль в Юго-Восточной Европе	100
---	-----

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.</i> Российские и славянские исследования: научный сборник	105
<i>Белов М.В.</i> Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары	107
<i>Лескинен М.В.</i> В.А. Хорев. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки	111

<i>Березович Е.Л. И.А. Седакова. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родин- ный текст.....</i>	116
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Сератионова Е.П. Конференция «Карел Крамарж»</i>	122
<i>Лобачева Ю.В. Научная конференция «Опыт трансформации политических систем и об- щественных институтов в Центральной и Восточной Европе в XX веке»</i>	124

НЕКРОЛОГ

<i>Стыкалин А.С. Памяти Момчило Богдановича Ешича (1921–2007)</i>	126
---	-----

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
М.А. ВАСИЛЬЕВ, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ,
Р.П. ГРИШИНА, В.И. КОСИК, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, С.В. НИКОЛЬСКИЙ, В.Я. ПЕТРУХИН,
Л.А. СОФРОНОВА, А.С. СТЫКАЛИН, Б.Н. ФЛОРИЯ, В.А. ХОРЕВ, Т.В. ЦИВЬЯН

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *Адельгейм И.Е.* (отдел литературоведения),
Белова О.В. (отдел культурологии),
Стыкалин А.С. (отдел истории)

Зав. редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Авакова Л.А., Пономарева Е.В., Веслова И.Ю.*

*Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а, Телефон 938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru*

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2009 г.
© Редакция журнала “Славяноведение”
(составитель), 2009 г.

© 2009 г. А. В. УРЯДОВА

ГОЛОД 1921 ГОДА И РУССКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В СЛАВЯНСКИХ СТРАНАХ

Тема эмиграции первой волны в исторической науке одна из самых разрабатываемых на сегодняшний день. Однако так сложилось в отечественной и зарубежной историографии, что она изучается обособленно от истории советского государства и мировой истории. Лишь в последнее время (в конце 1990 – начале 2000-х годов) стали появляться работы российских и зарубежных авторов, пытающиеся исправить эту ситуацию. Если говорить о проблеме голода 1921 г. в России и отношения к нему эмиграции, то отдельных работ, посвященных этому вопросу, нет вообще.

Несколько страниц уделяет отношению русской эмиграции, проживавшей в Югославии, к голоду в России В.Д. Козлитин [1]. Он знакомит читателей с возникновением, структурой и деятельностью Объединения русских общественных организаций в Белграде по борьбе с голодом в России. К сожалению, автор не приводит точных данных о той материальной помощи, которую смог оказать этот комитет. Но, по сути, это единственное исследование по данной стране о помощи эмигрантов голодающим. Практически полностью повторяется данный материал (со ссылкой на В.Д. Козлитина) в работе И.П. Савицкого, что вызывает крайнее недоумение, поскольку работа посвящена эмиграции в Чехословакии, но о помощи голодающим эмигрантов, проживающих там, – нет ни слова [2]. Есть исследования, затрагивающие данную проблематику в других регионах.

В статье использован широкий круг источников, главными из которых явились делопроизводственные документы непосредственно самих комитетов помощи голодающим, созданных за границей, а также материалы других организаций, отражающие их отношение к голоду. Это неопубликованные ранее документы, хранящиеся в нескольких архивных фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ): Комитета помощи голодающим в России при Союзе русских студентов в Чехословакии (ф. 5920), Временного Варшавского комитета по борьбе с голодом в России (ф. 7004), Русского земледельческого комитета помощи голодающим в России в Праге (ф. 9110), Лондонского общественного комитета (ф. 5977), содержащего делопроизводственные документы Русского пражского земледельческого комитета помощи голодающим в Рос-

сии. Не все комитеты помощи стали фондообразователями, некоторые их документы вошли в другие фонды, но выделены в отдельные дела или сохранились в виде отдельных вкраплений в другие дела. Так, например, в ряде дел фонда редакции газеты «Последние новости» (ф. 6845) есть материалы Объединенной общественной организации в Белграде по борьбе с голодом в России и других эмигрантских организаций, созданных в этой связи. Кроме того, некоторые организации, не имевшие прямого отношения к помощи голодающим, принимали на своих собраниях документы, касавшиеся этого вопроса. Таковые есть, например, в фондах Русского национального комитета (РНК) (ф. 6096, 6790).

Следующая группа источников – научная эмигрантская литература (прежде всего экономическая) по вопросам голода. Примером может служить брошюра И.В. Емельянова [3], в которой не столько дается анализ произошедшего, сколько обращается внимание на то, что необходимо сделать для предотвращения повторения подобной ситуации. В ней автор обобщает мнения чехословацких и русских аграриев и экономистов. Подобные труды выходили не только отдельными изданиями, статьи экономистов публиковались в эмигрантской прессе, прежде всего в толстых журналах (см., например, [4]). При характеристике этой группы источников важно отметить, что в отличие от публицистики, традиционных выступлений докладчиков по вопросам голода, экономисты, по возможности, старались отойти от политической оценки событий, рассматривая их именно с точки зрения экономики и развития народного хозяйства. Но в целом таких работ было немного.

Гораздо шире представлена эмигрантская публицистика по вопросам голода. Это как отдельные брошюры (см., например [5]) на разных языках, так и статьи в периодической и непериодической (бюллетени) литературе (см., например, [6]).

Хронологические рамки данной статьи ограничены временем помощи русских эмигрантов голодающим 1921–1923 гг. и связаны со временем начала и окончания работы эмигрантских организаций, созданных с этой целью. Что касается географии, то несмотря на то, что в заголовке указано обобщающее понятие «славянские страны», найденные источники позволяют исследовать лишь отношение к голоду эмиграции проживавшей в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС), Чехословакии и Польше.

Прежде чем начать разговор собственно об этих странах, необходимо вкратце остановиться на отношении эмиграции к голоду в Советской России вообще. Первые статьи о катастрофе, которая может разразиться, появились за год – еще летом 1920 г. Тогда эмиграция узнала о недородах и высказывала мнение, что именно голод погубит большевиков, вынудив народ восстать. В марте же 1921 г. разговоры стали уже более предметными. Эмигранты не просто констатировали факт голода и перепечатывали о нем информационные материалы из советских газет, они пытались проанализировать его причины. Здесь, с одной стороны, они соглашались с большевиками, видя в голоде последствия войн, анархии первых революционных лет, нарушения традиционных рынков, связей, в том числе и с заграницей, двухлетней засухи. При этом такая причина, как экономическая блокада России иностранными державами, ставилась под сомнение: «...Самый неопытный, самый серый русский человек, давно уже понял, что дело что-то не так: ведь коли хлеб не вывозят за границу, так не голод от этого должен быть, а наоборот – общее довольствие» [7. С. 4]. Эмигранты считали, что блокада может повлиять прежде всего на работу фабрик и заводов, а на де-

ревне не должна отражаться, поэтому главная причина голода, по мнению русского зарубежья, – экономическая политика большевиков (прежде всего, в отношении крестьянства).

Эмигрант Д.О. Линский, анализируя запасы прошлых лет (Россия не вывозит хлеба с 1914 г.; все население при большевиках живет впроголодь) считал, что в стране должны были быть хлебные ресурсы, но их нет. Главной причиной чего (и как следствие голода) он видел в системе хозяйствования (в совхозах и Комиссариате продовольствия). С его точки зрения, совхозы отличались бесхозяйственностью, а Наркомпрод, как и все органы коммунистической власти, действовал «на основе принципа военного воздействия на хозяйственные процессы», поэтому его деятельность успешно протекала лишь в области «изъятия излишков», т.е. выкачивания урожая прошлых лет, чем парализовалась всякая активная продовольственная политика. В результате – нет заинтересованности крестьян в прибыли, так как, получая ее, он обрекает себя на реквизиции, поэтому крестьяне стали создавать минимум продуктов, что исключает возможность накоплений продовольственных запасов [8].

Тема голода волновала не только эмигрантов-экономистов, но и видных общественных и политических деятелей эмиграции. А.Ф. Керенский в июле 1921 г. чуть ли не ежедневно писал об этой трагедии в России [9]. Заметки о голоде появлялись практически во всех эмигрантских периодических изданиях (см. [10. Ф. 5877. Оп. 1. Д. 34]). Среди русских, проживавших за рубежом, развернулась дискуссия об участии (или неучастии) в деле помощи голодающим, раз-мерах, методах, формах этой помощи.

Кто-то полностью отрицал возможность такой помощи, полагая, что она только поможет советской власти. Некоторые предлагали использовать вагоны с продовольствием для переправки военных сил в Россию для борьбы. Часть эмигрантов голод убедил в мысли о необходимости новой формы борьбы с большевизмом – экономической. Большинству простых обывателей было и во-все не до проблем голодающих. Они были поглощены исключительно своим личным выживанием, устройством эмигрантского быта. Другие же самоустра-няясь, перекладывали дело помощи исключительно на иностранные благотвори-тельные организации и внутренние российские ресурсы. Так, например, бел-градская газета «Новое Время», предлагала «передать все дело помощи голода-ющим... в руки Святой православной церкви» (цит. по: [1. С. 108]).

Несмотря на полемику, которая развернулась в эмиграции по поводу извеч-ных русских вопросов: кто виноват и что делать, многие эмигранты все-таки по-нимали, что бедствие постигло не советское правительство (оно-то как раз бу-дет всегда сыто), а простых русских людей. Не будем забывать, что у многих в России оставались родные и близкие. Для этой группы эмигрантов вопрос по-мочь или не помогать не стоял, проблема была в другом – каким образом должно быть организовано дело помощи.

На начальном этапе, в мае – июле 1921 г., эмигранты могли отправлять свои посылки только через международные организации помощи. Это было не все-гда удобно (по финансовым или другим соображениям). Поэтому постепенно поддержка соотечественников, оставшихся на Родине, стала приобретать в эми-грации более организованный характер. На это повлияли также и некоторые перемены, произошедшие в РСФСР и в международной политике (создание в июле 1921 г. Всероссийского общественного комитета помощи голодающим (ВКПП); обращение в августе 1921 г. В.И. Ленина к мировой общественности с

просьбой о помощи; отклик на этот призыв мировой общественности). Эмиграция стала уже не просто размышлять абстрактно о голоде и теоретизировать по поводу возможной помощи, а приступила к практической деятельности по ее оказанию. Причем если в мае – июле, она носила еще не систематический, не организованный и не регулярный характер, то с конца июля – начала августа изменилась коренным образом благодаря созданию и деятельности эмигрантских комитетов помощи голодающим.

Первой организацией, возникшей в КСХС для помощи голодающим России стало Объединение русских общественных организаций в Белграде по борьбе с голодом в России (Объединенный комитет). В его состав вошли представители Красного Креста, Всероссийского союза земств и городов (Земгор), Русско-сербского общества врачей, Общества ученых, Союза русских инженеров и Союза русских агрономов, ветеринаров и лесоводов. Как связующее звено с «печатью» персонально был приглашен Е.А. Егоров. Состав общества постоянно менялся: уже в середине августа в связи с организацией другого общества с более широким представительством (о котором речь пойдет ниже) из него вышло Русско-сербское общество врачей, в конце марта 1922 г. оно вновь присоединилось к комитету, в конце сентября без объяснения причин вышел из состава объединения представитель печати Е.А. Егоров.

Впервые вопросы о необходимости создания комитета обсуждались на заседании РНК в Белграде еще 1 июля 1921 г. [10. Ф. 6096. Оп. 1. Д. 1. Л. 9–13]. Установки самого РНК в отношении голода были следующими. Он считал, что необходима оптимизация снабжения голодных районов. Для чего должны быть предприняты следующие меры: ремонт подвижного состава, организация базисных складов (Царицын, Козлов, Трицево, Рузаевка, Самара) для последующей поставки по районам, обеспечение продовольствия в портах военной охраной, передача всего дела распределения исключительно в руки иностранцев [10. Ф. 6790. Оп. 1. Д. 6. Л. 14–15]. Что касается организации комитета помощи, то к началу августа выяснилось, что среди эмигрантов существуют определенные разногласия относительно его структуры – создавать один или несколько комитетов, по персональному признаку или от организаций. При этом Земгор выразил мнение, что войдет туда, только если это будет единая организация, а если нет, то создаст свою собственную [10. Ф. 6096. Оп. 1. Д. 1. Л. 21]. Поэтому появился не один, а несколько комитетов¹.

29 июля 1921 г. было срочно созвано заседание ряда организаций для обсуждения доклада агронома А.А. Рышнина «О современном голоде в России и необходимости принятия мер по борьбе с ним», в котором приняли участие и представители Русского общества Красного Креста, и Всероссийского земского союза. На этом заседании было решено: «1) в срочном порядке выработать обращение общего характера, содержащее в себе призыв к оказанию немедленной помощи голодающему населению; 2) составить план деловой работы» организаций, принимавших в нем участие [10. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 3. Л. 86]. 1 и 8 августа состоялось два организационных заседания, в ходе которых были разработаны уставные документы и собственно создан сам Комитет². На учредительном со-

¹ Подобные разногласия существовали, например, и в Париже, где также было создано несколько комитетов помощи голодающим.

² В.Д. Козлитин дает более четкую датировку создания Комитета 5-м августа, однако ссылка на источники отсутствует [1. С. 246–247].

брании был избран Президиум в составе: председателя В.Д. Евреинова, членов А.И. Стебута, П.Ф. Иорданова, А.И. Щетинцева, секретаря Е.А. Егорова [10. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 3. Л. 86об.–87].

Вначале объединение имело своей целью выработку реальных планов по борьбе с голодом в России и подготовку личного состава из среды эмигрантов на тот случай, если их труд потребует для иностранных организаций по оказанию помощи России. Таким образом, главная задача объединения состояла в оказании «технического содействия иностранным обществам, взявшим в свои руки дело помощи русскому народу» [6. С. 30–31].

Позднее цели и задачи объединения были расширены, а именно: «1) изучение экономического строя заграничных стран; 2) выработка проектов и планов подъема будущей России; 3) познание себя, т.е. выявление среди беженцев экономически творческих и др. сил, необходимых для разрешения поставленных задач; 4) организация библиотек и вообще создание условий, при которых специалисты-эмигранты, опыт и знание которых потребуются для будущей России, не только не утрачивали своих знаний, но и имели возможность держать их на прежней высоте, а также развивать и усовершенствовать» [10. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 3. Л. 86об.]. Было решено, что в объединение будут входить те трудовые организации, которые, помимо помощи своим членам, ведут и работу общественного характера.

Деятельность Комитета не была распределена по секциям, как это было сделано в большинстве аналогичных структур в других странах. Их роль выполняли входящие в его состав организации. Российское общество Красного Креста объявило запись врачей, сестер милосердия и санитаров, чтобы иметь возможность при первой необходимости создать санитарные отряды. Земский союз занимался разработкой вопроса об индивидуальных посылках. Союз городов – вопросом помощи ученым и их семьям. Союз русских инженеров – подготовкой сотрудников, планировавших при первой возможности отправиться в Россию для восстановления и эксплуатации транспорта, его представители осматривали также санитарный поезд, подготовленный к отправке. Союз русских агрономов, ветеринаров, лесорубов вербовал своих членов для участия в продовольственных отрядах для деятельности в самой России, составил записку о посевной кампании 1921 г.

Общая работа объединения сводилась к следующему:

«1) На заседании Объединения обсуждались общие принципы работы по разрешению вопросов, касающихся помощи голодающим в России.

2) Был открыт прием заявлений от русских беженцев, желающих принять участие в работе по продовольствию [...]

3) Было принято обращение от группы Донских казаков рассмотреть (в связи с помощью голодающим) вопрос возможного вывоза семей беженцев из голодных мест России.

4) Поступило обращение от Лондонского, Варшавского аналогичных объединений (аналогичных по целям) с предложением вступить с ними в информационную связь» [10. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 3. Л. 88–88об.]

К концу сентября 1921 г. Комитет выяснил, что иностранные организации помощи голодающим не могут воспользоваться русскими добровольцами и послать их для распределения продовольствия и борьбы с эпидемиями в Россию, в связи с чем, встал вопрос о необходимости и целесообразности дальнейшей деятельности Объединения. Вопрос решился в пользу продолжения работы.

23 февраля 1922 г. состоялось заседание Объединения, на которое были приглашены особые гости, в частности архиепископ Нежинский Досифей, правительственные уполномоченные, секретарь Державной комиссии, Российский генеральный консул А.А. Башмаков, Е.К. Челнокова, проф. Плетнев, проф. А.И. Стебут, проф. А.Н. Челинцев, С.Г. Семенченко, В.П. Агапеев, Г.Г. Миткевич и другие лица (всего 52 человека) [10. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 3. Л. 82]. Основной темой собрания была международная Женевская конференция, обсуждавшая ситуацию в России. Архиепископ Досифей был на ней в качестве официального представителя КСХС по делам помощи голодающим. На конференции он встречался и беседовал с возвратившимися из России делегатами различных организаций по оказанию помощи. Поэтому на расширенном заседании Объединенного комитета Досифей сделал доклад, в котором затронул основные вопросы, обсуждавшиеся на Женевской конференции, положение в России, иностранную помощь и др. Доклад вызвал массу вопросов, на которые архиепископ с удовольствием ответил. Более того, он предложил русской эмиграции свою личную помощь: «Если у кого появляются опасения ухудшить положение лиц, кому посылаются посылки (например, лишение пайка, усиление надзора Чека и пр.), то предлагает все посылки и письма отправлять от имени его, архиепископа Досифея, ибо он был в России, учился там, любит Россию и считает своим долгом в пределах возможности оказывать помощь» [10. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 3. Л. 84об.]. Всего же за время существования Объединения было сделано одно обращение, девять докладов, до 40 осведомительных сообщений, создано 24 заседания [10. Ф. 6845. Оп. 1. Д. 3. Л. 89 об.–90]. Все доклады были направлены в периодическую печать и в крупные экономические центры.

Последние сохранившиеся протоколы Объединенного комитета датированы началом марта 1922 г. Известно, что она продолжила работу и позже, по крайней мере, до конца июля 1922. 14 июля 1922 г. на заседании РНК Н.Н. Салтыков доложил о решении Комитета объединенных организаций по борьбе с голодом в России обратиться к главе Американской администрации помощи (АРА) Г. Гуверу по поводу годовщины его плодотворной работы и снабдить его и другие гуманитарные организации материалами о действительном положении в России. На том же заседании был сделан доклад проф. А.Н. Челинцева о современной ситуации в России и видах на будущее [10. Ф. 6790. Оп. 1. Д. 18. Л. 31]. Судя по всему, об этом же комитете идет речь и на заседании РНК от 23 июля 1922 г., в котором говорится, что он постановил образовать следующие комиссии: «а) для выяснения размеров бедствия под председательством г. Соколова, б) для выяснения источников снабжения и денежных средств, под председательством Ф.И. Родичева, в) по вопросам транспорта, под председательством Е.А. Шателена, г) по распределению продовольствия под председательством Я.Д. Прядкина» [10. Ф. 6790. Оп. 1. Д. 1 Л. 47]. Таким образом, в конце июля 1922 г. комитет еще строил планы и не помышлял о своем закрытии.

Мы уже упоминали о том, что в КСХС был создан и другой комитет помощи голодающим. 12 августа 1921 г. по инициативе В.Н. Штрандтмана в Белграде состоялось совещание представителей эмигрантских организаций, находящихся здесь, посвященное помощи голодающим в России. На нем был создан Комитет помощи голодающим в Советской России (Общественный комитет), который поддержали более 20 русских организаций, находящихся в КСХС (исключение составили представители организаций, вошедших в Объединенный комитет) [1. С. 246–247]. На совещании было избрано Исполнительное бюро комитета в ко-

торый вошли: митрополит Антоний (Храповицкий) в качестве председателя, С.Н. Палеолог (тов. председателя), Т.В. Локоть, П.В. Скаржинский, А.Н. Шуберский и др. Работа велась по трем основным направлениям: 1) сбор информации о положении в России, ее анализ и доведение ее до сведения эмигрантов и местных жителей; 2) агитация и пропаганда; 3) сбор средств (с помощью митингов, концертов, благотворительных вечеров) [10. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 24 об., 70].

Обе созданные организации сами не занимались пересылкой помощи в Россию, а передавали ее через учреждения КСХС [11. 1922. 18 X, 25 X, 27 X, 1 XI, 11 XI, 29 XI, 19 XII]. Для урегулирования и согласования деятельности двух комитетов было создано общее бюро, в состав которого вошли президиумы обоих комитетов и представители Земгора [10. Ф. 6096. Оп. 1. Д. 1. Л. 15]. Это бюро решало наиболее актуальные вопросы. В большинстве комитетов помощи в других странах активно шел сбор средств методом самообложения. Бюро постановило воздержаться от такого способа, сочтя не целесообразным³. Но в основном, на бюро выносились проблемы, которые вызывали разногласия комитетов. Так, например, в конце сентября обсуждались следующие вопросы, по которым комитеты никак не могли прийти к единому мнению: а) с какими организациями помощи входить в общение; б) о кредите на дело помощи; в) о контроле по распределению продовольствия. В результате долгих споров были выработаны следующие решения: а) входить в общение с теми организациями, где нет большевиков; б) мнения разошлись – Объединенный комитет и Земгор высказались категорически против кредита советской власти, Общественный комитет допускал возможность товарного кредита, при условии передачи товаров непосредственно в распоряжение Международного комитета; в) первые две организации признали необходимость действительных гарантий по распределению помощи, Общественный комитет настаивал на оговорке, что требование гарантий не следует распространять на местные общественные организации в Советской России [10. Ф. 6096. Оп. 1. Д. 1. Л. 72].

Поддержали голодающих и эмигранты Чехословакии. Были установлены кружечные сборы в русских приходах, а 25 сентября 1921 г. прошел единовременный сбор пожертвований в пользу голодающих в России [12. 1921. 26 IX]. Попытки же организовать здесь Общественный комитет помощи голодающим ознаменовались рядом инцидентов, дошедших до применения физической силы и вмешательства местной полиции [10. Ф. 7004. Л. 24; 24. 1921. № 394]. Еще 5 августа 1921 г. Земгор опубликовал воззвание «На помощь голодающим», в котором в том числе приглашал принять участие в собрании по этому вопросу [13. 1921. 5 VIII]. Оно состоялось 7 августа [13. 1921. 12 VIII], однако возникли определенные сложности, и фактические выборы прошли лишь 13 августа [12. 1921. 22 VIII]. 14 августа состоялось второе собрание общественных деятелей и представителей групп и организаций для создания Комитета помощи голодающим в России, поскольку некоторые согласившиеся ранее на участие в комитете, сняли свои кандидатуры и отказались от руководящих должностей (А.С. Ломшаков, Л. Мегеровский, И. Емельянов). На этом собрании председателем комитета был избран В. Гуревич [13. 1921. 17 VIII]. Уже тогда разгорелись политиче-

³ Зарплата сборщиков должна была составить 2000 фр. в месяц [10. Ф. 6096. Оп. 1. Д. 1. Л. 74], денежные же сборы в русской колонии в КСХС к 9 XII 1921 составили всего 5120 фр. [10. Ф. 6096. Оп. 1. Д. 1. Л. 121].

ские страсти, и даже самим участникам собрания было понятно, что кроме партийной борьбы никаких реальных результатов такой комитет не даст. Это привело к тому, что 25 августа Совещание представителей русских общественных организаций постановило для выборов строго делового Русского комитета помощи голодающим призвать всех членов русской колонии к свободной подаче голосов, другими словами, устроить референдум. Поэтому окончательно Комитет был выбран именно так и только 8 сентября. По положению он являлся исполнительным органом русской колонии [10. Ф. 9110. Оп. 1. Д. 1. Л. 3]. В него вошли 25 человек (С.В. Маракуев, И. Емельянов, А.Е. Котомкин, А.Г. Винничук, В.И. Штейн и др.) – в основном интеллигенция, кооператоры, земледельцы, агрономы. Совещание признало, что действительной будет та помощь, которая, прежде всего, ставит себе целью «всемерное содействие возрождению производительности пустующих русских полей и их Хозяину Кормильцу России – русскому земледельцу, не исключая, однако, и других видов заботы о страждущем населении России» [10. Ф. 9110. Оп. 1. Д. 3. Л. 15]. Вследствие изложенного, Комитету было присвоено наименование Русского земледельческого комитета помощи голодающим в России [10. Ф. 5977. Оп. 1. Д. 13. Л. 143; 13. 1921. 8 IX]. Председателем был избран С.В. Маракуев, секретарем А.Г. Винничук. Первое, что сделал комитет – это послал приветственные, благодарственные телеграммы, а также письма с просьбой о помощи чехословацкому правительству и его первым лицам, обратился с воззваниями ко всем кооперативным организациям, призывая начать сбор пожертвований [10. Ф. 9110. Оп. 1. Д. 4. Л. 9; 13. 1921. 2 VIII]. Поддерживая голодающее русское и украинское население, Комитет считал, что помощь должна быть оказана не только деньгами и продовольствием, но и семенами, сельхозорудиями, медикаментами, обувью, одеждой и т.д. [10. Ф. 6057. Оп. 1. Д. 7. Л. 4]. Так же как и многие другие подобные комитеты, чешский не занимался переправкой собранного, а действовал через международные организации. Причем, в отличие от других, он выступал только в роли организатора, а не жертвователя [10. Ф. 5977. Оп. 1. Д. 13. Л. 142]. Еще одна особенность данной организации – приоритеты в помощи отдавались крестьянам.

Судя по некоторым данным, в Праге действовал и другой Российский комитет помощи голодающим, образованный 19 августа. В его президиум входили: председатель В.М. Вершинин, зам. пред. проф. Е.А. Ляцкий, тов. пред. Н.Е. Шаповалов и П.Л. Макаренко, казначей С.Ф. Шохорова, секретари В.Г. Архангельский и М.П. Звягин. О его деятельности известно лишь то, что он также обратился с телеграммой к президенту Чехословацкой республики и в его лице к чешскому народу по вопросу оказания помощи [13. 1921. 23 VIII].

Другой «профессиональной» организацией, созданной в Чехословакии, являлся Комитет помощи голодающим в России при союзе русских студентов. Он возник значительно позже аналогичных организаций – 5 февраля 1922 г., декларировав, как и все другие при этом, свою аполитичность. Задачами Комитета являлись: «а) собирание денежных и иных средств в пользу голодающих; б) организация и посылка в Россию врачебно-питательных, санитарных и эпидемических отрядов; в) содействие к устройству в России питательных пунктов, столовых, яслей, приютов, госпиталей и др. подобных учреждений; г) заготовка продовольствия, медикаментов и иных необходимых материалов для помощи голодающим; д) широкая пропаганда как среди русских беженцев, так и населения Чехословакии идеи помощи погибающему русскому народу; е) объединение деятельности помощи отдельных русских общественных организаций в Чехо-

словакии и содействия им в осуществлении тех специальных задач, которые могут быть выполнены ими успешнее, чем Комитетом; ж) исполнение в пределах Чехословакии поручений общественных организаций помощи голодающему населению в России существующих в других странах; з) содействие технической помощи русскому земледелию по запашке и обсеменению полей» [10. Ф. 5920. Оп. 1. Д. 1. Л. 1]. Понятно, что будучи небогатыми студенты могли оказывать лишь посильную помощь – отказывались от добавочного питания (выделяемого в рамках «русской акции» правительством Чехословакии), отправляли в Россию имеющийся у них инвентарь [10. Ф. 5920. Оп. 1. Д. 10. Л. 1]. Помогали комитету в сборе денег и профессора, и преподаватели. Так, например, 19 марта они перечислили 7 115 крон. С марта 1922 г. Комитет приступил к отправке посылок на родину, в основном это осуществлялось через Методическую миссию, которой была сформирована стандартная посылка стоимостью 500 чешских крон. Комитет совместно со всем студенчеством принимал активное участие в организации вечеров и сборов, посвященных помощи голодающим [14. 1922. № 1/2. С. 30; 1925. № 1. С. 39]. Известно, что с 1 мая по 1 декабря 1922 г. было отправлено помощи на сумму 122 500 чешских крон [10. Ф. 5920. Оп. 1. Д. 10. Л. 10] (то есть около 245 посылок). По некоторым данным Комитет продолжал свою деятельность и в 1923 г., вероятно, в этот год и закрылся.

Сбор средств в пользу голодающих вела и центральная русская газета в Чехословакии «Воля России». Он был начат 1 августа 1921 г. Уже за первый день было собрано 1 310 чешских крон [13. 1921. 2 VIII], а к 30 августа сумма составила 13 490,7 крон [13. 1921. 30 VIII].

В Польше сбор пожертвований вела газета «Варшавский голос» [10. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 41об.–42]: к 24 августа 1921 г. она собрала 90 826 марок 50 фен., 1 232 547 советских рублей, 138 рублей николаевских, 7 руб. 25 коп. серебром и 15 коп. медью [15. 1921. 24 VIII]. Редакция всячески защищала советское правительство, считая, что оно делало все для помощи голодающим (пошло даже на обращение к другим державам, а Белая армия пытается использовать голод в своих целях) [15. 1921. 19 VIII].

3 августа 1921 г. был организован (временный) Варшавский комитет по борьбе с голодом в России. Председателем был избран П.Э. Бутенко. Своей целью Комитет ставил «объединение русских общественных сил в Польше, а также организацию специалистов для совместной работы с русскими и международными организациями по борьбе с голодом» [10. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 23]. На первых порах было выбрано три приоритетных направления: 1) собственное устройство (пополнение комитета отдельными лицами и представителями русских организаций); 2) налаживание взаимоотношений с Польским комитетом⁴, а также с русскими комитетами по борьбе с голодом за границей на предмет совместных действий [10. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 6]; 3) регистрация квалифицированных специалистов по санитарной части, транспорту и продовольствию для вовлечения в дело помощи в России желающих поехать туда для работы⁵. Чле-

⁴ 5 августа 1921 г. было послано письмо Польскому комитету помощи голодающим. Через месяц пришел ответ, в котором говорилось, что совместная работа возможна, но ситуация в Польше не позволяет рассчитывать на большую помощь [10. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 38, 41].

⁵ Уже за первый месяц было зарегистрировано около 100 человек. Комитет полагал, что в случае предоставления реальной возможности работы в России, число желающих возросло бы [10. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 42].

нами комитета состояли бывшие члены Учредительного собрания и представители следующих русских организаций в Варшаве: Русского комитета, Общества помощи русским беженцам, Русского попечительского комитета, Академического союза и Союза студентов. Эти организации проводили и собственную работу по борьбе с голодом (например, Культурно-просветительская комиссия Русского комитета провела ряд лекций о голоде), при этом Комитет помощи голодающим, как правило, поддерживал эти мероприятия организационно и финансово. В Комитете были образованы четыре секции: по транспорту, медицинской, агитационной и административной.

К весне 1922 г. работа Комитета была перенесена в сферу борьбы с последствиями голода и эпидемиями. Изучив ситуацию в России, член комитета Йоселевич сделал вывод, что весной потоки голодных двинутся на западную границу России, а вместе с ними придут сюда и эпидемии. Другой член комитета Ю.А. Азаревич обследовал восточные границы Польши и убедился, что прибывающие сюда беженцы очень слабы, среди них наблюдается большая смертность. Еще осенью 1921 г. Земгор, узнав о начавшемся движении беженцев из голодных мест, предпринял ряд мер. Был намечен план по их встрече – питание и приют 1 000 человек в день в 22 пунктах приема. Весной он начал осуществляться, однако эта помощь была явно недостаточной, так как число беженцев было больше прогнозируемого, кроме того, в смету не входила медицинская помощь и одежда. Члены Комитета боялись распространения эпидемий в Европе, в связи с чем обратились к состоявшейся в марте 1922 г. в Варшаве Международной конференции, посвященной этим вопросам [10. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1об.].

На своих заседаниях члены комитета заслушивали доклады о положении дел в России, о мерах, предпринимаемых американскими организациями и Международным Красным Крестом для оказания помощи голодающим, и о переговорах этих организаций с советской властью. Интересно отметить, что Комитет не одобрил кандидатуру Нансена в качестве верховного комиссара по делам русских беженцев, ввиду «чрезмерно доверчивого отношения Нансена к Советам» [10. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 70]. Не был оставлен в стороне и вопрос об отношении к ВКПГ. Уже на втором заседании (26 августа) Б.А. Евреинов предложил выступить с декларативным заявлением о готовности к совместной работе с ним. Однако после прений, большинством было решено «излишним выносить в настоящее время определенное постановление по вопросу об отношении к Московскому комитету» [10. Ф. 7004. Оп. 1. Д. 1. Л. 22].

Для активизации дела помощи из-за границы была запланирована командировка членов ВКПГ в Европу. Интересно отметить, что надежды на приезд московской делегации были так велики, что в «Воле России» появилась даже статья о том, что такая делегация в составе С.Н. Прокоповича, Е.Д. Кусковой, А. Толстой, бактериолога проф. Тарасевича и бывшего председателя московского кооперативного банка Авсаркисова прислана за границу [13. 1921. 6 VIII]. Однако известно, что в Европу удалось приехать лишь одному представителю Московского общественного комитета П.И. Бирюкову, а позже ВКПГ и вовсе был разогнан. Вплоть до начала сентября многие эмигранты не верили в разгон ВКПГ. Несмотря на различное отношение русских за границей к его деятельности, это вызвало бурную реакцию у всех слоев эмиграции. Одни видели в этом нарушение советской властью своих обязательств и невероятные осложнения в деле помощи, другие – подтверждение своей точки зрения, что советской власти доверять нельзя. Анализируя ситуацию, эмигранты постепенно пришли к выво-

ду, что при создании ВКПГ большевики думали не о том, как он может помочь голодающим, а о том, как пустить «пыль в глаза» капиталистам, прокричать о своей аполитичности, получив за это как можно больше кредитов и признание, и еще одна цель – «поймать на удочку “гуманности” как можно больше крупных “акул капитализма”» [13. 1921. 6 IX], и как только помощь из-за рубежа стала реальностью, комитет перестал быть нужен, «передышка кончилась, началась игра» [13. 1921. 3 IX].

Распуск Комитета привел и к появлению среди эмигрантов неуверенности в своих силах в деле помощи. Анализируя разгон и репрессии над членами ВКПГ, эмигранты приходили к выводу, что это не было случайностью, а имело определенные политические цели, в частности: 1) повлиять на Европу, чтобы помощь оказывалась бесконтрольно, для чего необходимо было уничтожить всех, с кем бы хотела говорить Европа, показать силу власти; 2) показать, что в России только одна сила, советское правительство, а все инакомыслящие будут раздавлены, внушить колеблющимся, что они должны беспрекословно подчиниться [13. 1921. 6 VIII].

При все при том, они понимали – дело помощи должно быть продолжено [16. 1921. 2 IX], может быть даже на новом уровне, для чего необходимо объединить усилия эмигрантских комитетов. Такая идея возникла еще в августе 1921 г., однако проведение объединительного съезда или собрания для координации деятельности откладывалось в ожидании московской делегации. Когда же ВКПГ был распущен, завязалась переписка, продолжавшаяся в течение сентября – октября 1921 г., из которой можно проследить эволюцию идеи объединения усилий эмигрантов на поприще помощи голодающему. Пражский комитет предложил провести мероприятия в Праге, аргументируя это финансовыми и политическими соображениями [10. Ф. 5977. Оп. 1. Д. 14. Л. 1]. Однако уже на начальном этапе его подготовки стали возникать противоречия. К концу октября 1921 г. тема съезда постепенно исчезает из переписки комитетов. К ноябрю 1921 г. стало понятно, что попытки созыва съезда тщетны и он уже никогда состоится. Пик активности эмиграции в деле помощи голодающим был пройден, хотя сама помощь не прекращалась, продолжившись до конца 1922 – начала 1923 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.). Харьков, 1996.
2. *Савицкий И.П.* Прага и зарубежная Россия (очерки по истории русской эмиграции (1918–1938)). Прага, 2002.
3. *Емельянов И.В.* Помощь России – помощь Европе. Прага, 1921.
4. *Воронович Н.* Голод и сельскохозяйственный кризис // Воля России. Прага, 1924. № 14–15.
5. Голод. София, 1921.
6. Бюллетень Объединенного Комитета Российского Общества Красного Креста, Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов в Королевстве Сербов, Хорватов и Словенцев. Белград, 1921. Август.
7. Большевики и крестьянство. Прага, 1921.
8. *Линский Д.О.* Борьба с голодом // Голод. София, 1921.
9. *Керенский А.* Издалека. Сб.ст. (1920–1921 гг.). Париж, 1922.
10. Государственный архив Российской Федерации.
11. Новое время. Белград.
12. Огни. Прага.
13. Воля России. Прага.
14. Студенческие годы. Прага.
15. Варшавский голос. Варшава.
16. Голос России. Берлин.

© 2009 г. С. И. МИХАЛЬЧЕНКО,
Е. В. ТКАЧЕНКО

Е.В. СПЕКТОРСКИЙ В ЭМИГРАЦИИ (1920–1951)

Трудно найти обобщающее исследование по истории русской эмиграции 1920–1940-х годов, особенно на Балканах, в котором не упоминалось бы имени Евгения Васильевича Спекторского (1875–1951) [1–2]. Выдающийся отечественный ученый, чьи труды посвящены широкому спектру обществоведческих дисциплин: истории России, юриспруденции, культурологии, социологии, истории литературы [3. С. 513–521], Е.В. Спекторский в дореволюционный период прошел весь путь вузовского преподавателя от магистранта до ординарного профессора, ректора Университета св. Владимира в Киеве. Эмигрировав, Спекторский не только продолжил за границей активную научную работу, но стал одним из организаторов исследовательской и учебной деятельности русской диаспоры. Между тем, биография и творческое наследие Спекторского изучены пока совершенно недостаточно. Материалы, посвященные ему, представлены, в основном, некрологами [4], статьями в энциклопедиях и небольшими сочинениями, анализирующими отдельные стороны его творчества [5].

Задача настоящей статьи – охарактеризовать эмигрантский период жизни и деятельности ученого¹.

Евгений Васильевич Спекторский оказался в эмиграции в 1920 г. Его путь туда был несколько закономерным (сотрудничая с деникинским правительством, по сути, будучи его членом, он не смог бы выжить в Советской России), настолько и традиционным – на корабле из Одессы, затем – в недавно образованное Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС, с 1929 г. – Югославия).

Хотя большинство прибывших изгнанников были военными (прежде всего, казаками), особенно привечали югославские власти представителей интеллигенции (в этой связи весьма плодотворной представляется мысль В.А. Тесемникова, опровергающего распространенное положение о Белграде как центре исключительно белогвардейского офицерства в противоположность Парижу как центру политической эмиграции и Праге как центру литературной и ученой эмиграции [7. С. 213]). В межвоенной Югославии оказалось, в итоге, значитель-

Михальченко Сергей Иванович – д-р ист. наук, профессор Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского; Ткаченко Елена Викторовна – преподаватель Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

¹ Начальный период биографии Спекторского исследован в [6].

ное количество представителей умственного труда, среди которых около 120 профессоров, преподававших в различных высших учебных заведениях [2. С. 319]. К моменту образования КСХС в 1918 г. существовали только Белградский университет в Сербии и Загребский университет в хорватской части Австро-Венгрии. После образования КСХС были открыты университет в словенской Любляне, юридический факультет в воеводинской Суботице и философский факультет в македонском Скопье. За 12 лет число студентов возросло с 2 тыс. до 12 тыс. [8. Р. 533]. Для обучения этой массы студенчества у югославских властей не хватало преподавателей, так что появление в стране значительной прослойки русской профессуры оказалось очень кстати. В итоге, главным центром сосредоточения русских преподавателей стал Белградский университет (61 чел.), в Загребе работало 20 чел., в Любляне – 17, в Скопье – 8, в Суботице – 4 [9. С. 138].

Спекторский был принят на службу в Белградский университет. Первоначально он, как и другие иностранные подданные, был оформлен на работу в качестве «гонорарного профессора» (совместителя-почасовика) [10. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 3об.] по кафедре истории философии права. (Перевод русских профессоров в штат начался только с 1926 г., когда они смогли получить югославское подданство). Следует подчеркнуть, что юридическая специальность была очень популярна у студентов КСХС – «государство должно было готовить кадры для бюрократического аппарата». Интересной особенностью Белградского университета было то, что большинство студентов-юристов составляли выходцы из беднейших слоев: так как посещение занятий было необязательным, студенты зачастую появлялись в университете лишь ранним летом для сдачи экзаменов, постоянно проживая в деревнях [8. Р. 533].

Характерной чертой первой волны русской эмиграции XX в. было стремление сохранить свою обособленность от населения стран проживания. Отсюда – создание (или хотя бы попытка создания) многочисленных общественных организаций русских эмигрантов. Не остался в стороне от этого вида деятельности и Спекторский. Его опыт руководства факультетом и университетом в России здесь явно пригодился. Уже в апреле 1920 г. в Белграде образуется Общество русских ученых, через месяц председателем Общества был избран Спекторский [9. С. 137]. Некоторые обстоятельства создания второй академической группы описывает В.В. Зеньковский: «...Я состоял секретарем объединения русских ученых в Югославии (председателем состоял проф. Е.В. Спекторский). Моя деятельность заключалась в том, чтобы хлопотать за русских ученых перед властями в целях улучшения их материального положения... На одном из заседаний ученого общества, среди прений, проф. Антон Дм. Билимович, возражая мне по какому-то вопросу, вдруг в запальчивости заявил: “Я удивляюсь, как Вы, призвавший в свое время немцев на Украину и изменивший делу союзников, позволяете себе еще выступать здесь, в Сербии, так пострадавшей от тех немцев, которых Вы так любезно устраивали на Украине”. Он еще добавил какие-то слова о “немецком сапоге”, но за шумом, который раздался в комнате, я этих слов не расслышал. Грубые и оскорбительные слова Билимовича, не имевшие никакого отношения к тем спорам, которые у нас шли в Обществе, заделали не меня одного: в зале находились еще три человека, входивших в состав гетманского правительства (М.П. Чубинский, Ю.Н. Вагнер, Г.Е. Афанасьев), тут же был проф. Ф.В. Тарановский, входивший в состав Украинской академии наук. Меня поразили не столько грубые слова и наглый тон Антона Билимовича, сколько

то, что председатель собрания проф. Спекторский не считал нужным остановить Билимовича и извиниться передо мной. Я решил ничего не говорить, а просто уйти из собрания – что и сделал... Придя домой, я написал Спекторскому, что не могу больше выполнять обязанности секретаря, а через несколько времени целая группа ученых во главе с проф. Тарановским тоже покинула Общество – и мы создали вторую академическую группу в Белграде...» [11. С. 196–197]. По мнению В. Маевского, причиной разделения общества было некое выступление крайне правого профессора Н.А. Краинского. «Он был удален из состава. Потом вышли несколько человек, которые составили “Академическую группу” во главе со Спекторским [видимо, описка, правильно – Тарановским. – С.М., Е.Т.]. Но Краинского не приняли и туда» [12. С. 256]. Вскоре общество объединяло около 90 чел. Однако политические разногласия не позволили долго сохранять единство, и в сентябре 1921 г. из общества выделилась группа либеральной профессуры в количестве 20 чел. во главе с заместителем Спекторского Ф.В. Тарановским, создавшая так называемую Русскую академическую группу [2. С. 331]. Спекторский как сторонник более правых воззрений остался во главе общества.

Как свидетельствует сохранившаяся переписка ученого, в российской академической ойкумене Спекторский вскоре стал восприниматься как человек, реально могущий помочь в устройстве судеб преподавателей и студентов. И, хотя реальных рычагов влияния у Общества не было, Спекторский не отказывал никому из просящих хотя бы в совете. Так, вскоре после образования Общества к нему обратилась за помощью группа бывших русских студентов, вынужденная работать на железной дороге в Болгарии и желающая продолжить образование [10. Ф. 5837. Оп. 1. Д. 34. Л. 23–23об.]. 29 августа 1921 г. он отвечал: «Вы можете попробовать устроиться в Софийском университете. По этому поводу спишите с председателем Софийской академической группы проф. Иваном Александровичем Базановым (София, университет). В Сербию попасть трудно из-за виз, которых вообще не дают, особенно русским, находящимся в Болгарии». Далее следовали адреса союзов русских студентов в Сербии и Чехословакии [10. Ф. 5837. Оп. 1. Д. 34. Л. 5–5об.].

Первый тур преподавательской и научной деятельности Спекторского в КСХС был непродолжительным. Причиной этому послужило как нестабильное положение русской профессуры в сербских университетах, так и – вероятно, в первую очередь – приглашение от Учебной коллегии Комитета по обеспечению образования русских студентов в Чехословацкой Республике подавать заявки на вакантное (после смерти П.И. Новгородцева) место профессора по кафедре истории философии права на Русском юридическом факультете в Праге [10. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 1].

В отличие от КСХС, в Чехословакии были образованы специальные русские учебные заведения. Среди этих вузов был и Русский юридический факультет. Работавший по российским дореволюционным программам, он ставил своей целью подготовку студентов к работе как в России (в случае их возвращения туда), так и в Чехословакии [13–14].

Значительным отличием чехословацких реалий от ситуации в других странах было и осуществление так называемой Русской акции – масштабной помощи русской эмиграции, проводившейся руководством страны во главе с президентом Т.Г. Масариком (см. подробнее [15]).

Спекторский был рекомендован к избранию на вакантную кафедру известным юристом профессором Н.Н. Алексеевым. Алексеев знал Спекторского давно – он вместе с П.И. Новгородцевым был оппонентом при защите Спекторским докторской диссертации в 1917 г. Рекомендуя Спекторского, Алексеев отметил, что «в современной русской философии права проф. Е.В. Спекторский занимает совершенно особое и выдающееся место... В своих исторических сочинениях Е.В. Спекторский не шел ... чужими путями. Им был разработан материал доселе еще никем не исследованный. Это ставит Е.В. Спекторского в ряд совершенно оригинальных исследователей. Его научные работы изобилуют громадной, иногда изысканной начитанностью. Кроме своих сочинений, посвященных проблеме социальной физики, Е.В. Спекторский написал ряд других научных работ, как-то: изданные в Киеве лекции по энциклопедии права, книгу о государстве и многочисленные статьи, напечатанные в различных журналах. Во всех этих работах Е.В. Спекторский обнаруживает немало обширных познаний и блестящий дар изложения. Он принадлежит к числу авторов, умеющих ясно и с большим остроумием излагать отвлеченные и сухие научные темы. Все это делает Е.В. Спекторского выдающимся ученым и одним из ученых представителей современной русской философии права». Особенным образом Алексеев подчеркивал, что «помимо больших лекторских дарований Е.В. Спекторский обнаружил, как известно, и выдающиеся административные способности как ректор Университета св. Владимира в Киеве он был не только искусным администратором, но и честным заступником русских национальных интересов, с твердостью проводящим свои взгляды в жизнь». Естественным после таких высоких оценок был вывод Алексеева – «Привлечение Е.В. Спекторского в Прагу всегда было чрезвычайно желательным. Теперь же со смертью П.И. Новгородцева оно становится особенно необходимым. В лице Е.В. Спекторского освободившаяся за смертью П.И. Новгородцева кафедра истории философии права находит действительно достойного заместителя» [10. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 7–7об.]. Отзыв был составлен 12 мая, а уже 9 июня Спекторский благодарил факультет за избрание на искомую должность [10. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 8].

Спекторский работал на факультете в 1924–1928 гг. Вначале он был только профессором, а в июне 1927 г., когда декан факультета Д.Д. Гримм уехал на работу в Тарту, Спекторский был избран на эту должность [16. С. 17]. Как преподаватель он читал курсы лекций по истории философии права на втором курсе и по церковному праву на третьем. Кроме того, он читал курс истории политических учений в пражском Карловом университете на чешском языке, а также выступал с публичными лекциями (обычно на них собиралось по 30–40 слушателей) [16. С. 15–26, 29]. Среди тем публичных лекций: «Образование юридических понятий», «Место Бэкона в истории идей», «К характеристике Чаадаева», «Современные науки и религия», «Общество и государство», «Эволюция мировоззрения и христианство», «Славянский подвиг России», «Старый и новый спинозизм». Вообще, Спекторский был одним из наиболее популярных лекторов в Праге. Чаще всего он выступал в пражском Историческом обществе. В 1924–1927 гг. он также являлся председателем Русской академической группы в Чехословакии, унаследовав пост от П.Б. Струве [17].

Именно в Праге Спекторским был издан его крупнейший труд из написанных в эмиграции – «Христианство и культура», а кроме того, много важных для понимания мировоззрения ученого работ (например, «Заветы Петра Великого»

[18. С. 80–101] и «Заветы Пушкина» [19. С. 53–64]) и курс лекций по истории философии права [20].

К 1928 г. наметился кризис Русского юридического факультета. Количество студентов сокращалось, многие из зачисленных на факультет его не оканчивали (всего из примерно 1100 зачисленных окончили 384 человека [13. С. 209]. С дипломом факультета было довольно трудно устроиться на работу. Н.О. Лосский свидетельствовал, что один из выпусков факультета, зная судьбу старших курсов, организовал обучение малярному делу, после чего выпускники поехали во Францию малярами [21. С. 244].

Кроме того, начала сворачиваться «Русская акция». В этих условиях Спекторский принимает решение о возвращении в Белград. Факультет прощался с ним с сожалением. 30 июня 1928 г. совет факультета принял по этому поводу специальное решение, выражая «глубокую благодарность за... ценную работу на посту сначала зам. декана, а затем декана факультета» [10. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 9]. Как учебное заведение факультет прекратил свое существование с последним выпуском в 1929 г. Как профессорская корпорация, проводившая итоговые испытания и научные заседания, он, по мнению Н.Н. Алексеева, существовал до 15 июня 1932 г. Затем, вспоминал мемуарист, на факультете остался только секретарь П.А. Остроухов (как хранитель архива) [22. С. 222–223]. Вероятно, это не совсем так. Во всяком случае, 14 октября 1935 г. факультет отправил поздравительное письмо Спекторскому в честь его 60-летия за подписью декана А.А. Вилкова и секретаря Остроухова [10. Ф. 5765. Оп. 2. Д. 869. Л. 11]. Спекторский не порвал полностью отношений с пражским центром эмиграции. Он и позже приезжал туда для чтения лекций, публиковался в чешских изданиях. «В.А. Францев просил меня дать ему статью для сборника русского института в Праге. Даю свой пражский доклад о Чаадаеве [*Спекторский Е.В. К характеристике Чаадаева // Сборник Русского института в Праге. Прага, 1929. Т. 1. С. 47–68. – С.М., Е.Т.*]. Я хотел было приехать в феврале в Прагу и стал уже готовить доклады для ученых обществ, между прочим, и для философии (“Об этической онтологии”), – писал он 3 января 1929 г. литератору и психологу Н.Е. Осипову. – Но за отсутствием свободной наличности откладываю поездку на конец сентября... Скоро в Прагу вернется из Белграда Н.О. Лосский и расскажет Вам о нашем институте и о всех нас» [23. Ф. 2299. Оп. 1. Д. 419. Л. 1–2]. В «Воспоминаниях» Лосского отмечено, что в 1928 г. в Белграде «живое и приятное философское общение было у меня также с Евгением Васильевичем Спекторским, который устраивал беседы проф. Билимовича со мною по вопросу об основных понятиях естествознания» [21. С. 270].

Сразу по возвращении в Белград Спекторский включился в работу по созданию Русского научного института, ставшего самым крупным научным учреждением российской эмиграции в Югославии. Первое организационное собрание состоялось уже 23 июня 1928 г. Председателем правления института был избран Спекторский. К тому времени Обществом русских ученых вместе с Русской академической группой были разработан проект Устава института. Правительство КСХС утвердило бюджет института в размере 50 тыс. динар. Торжественное открытие института состоялось 16 сентября 1928 г. на проходившем в Белграде IV Съезде русских академических организаций за границей, при этом в речи на открытии Спекторским были определены основные задачи этого заведения – «1) разработка научных проблем с применением русских методов и традиций; 2) изучение прошлого и настоящего России» (цит. по: [2. С. 332–333]).

Следует отметить, что институт выполнил эти задачи (о деятельности института см., например, [24]). В него в 1930-е годы входило 50 действительных членов из числа русских ученых-эмигрантов и югославских профессоров, а также 48 (в 1938 г.) членов-сотрудников из числа молодых ученых. Пополнению кадров института способствовала возможность подготовки их из числа стипендиатов в первые годы существования института. Институт издавал «Записки», всего вышло 17 выпусков. «Обычно номер состоял из статей объемом до трех печатных листов..., нечетные номера были посвящены гуманитарным наукам, четные – естественным и точным наукам. Центральное место занимали научные публикации, тематически связанные с Россией и Югославией. Вместе с тем этот журнал отражал состояние русской науки за рубежом в целом... Редакция заботилась о широком распространении журнала – он рассылался по списку, включавшему 75 адресов русских заграничных университетов и различных академических организаций» [25. С. 172–173]. Сам Спекторский несколько раз печатался в «Записках», здесь, в частности, помещен его очерк о десятилетии Русского научного института (1939. Вып. 14) и обширная статья-некролог Ф.В. Тарановскому (1936. Вып. 13).

Спекторский возглавлял институт всего два года. Уже в 1930 г. его сменил его заместитель и старый друг Ф.В. Тарановский [26. С. 147–180]. Причина была в переезде Спекторского из Белграда в Любляну, где он получил кафедру в местном университете. В Словении Спекторский проработал 15 лет, вплоть до 1945 г. Проживал он в так называемом русском доме вместе с профессорами А.Д. Билимовичем, А.В. Маклецовым и др. [27. С. 44]. В университете он преподавал конституционное право, церковное право, историю философии права, по свидетельству Н.Н. Алексева, пользовался большой популярностью и любовью студентов [22. С. 220]. В Любляне он стал председателем Словенского общества философии права и социологии и председателем культурно-просветительской организации «Русская матица».

«Русская матица» («дети славянской беды», по выражению ее основателя А.Д. Билимовича) была основана в Любляне в 1924 г. (устав утвержден 30 апреля), а первое заседание состоялось 25 мая [28; 27. С. 49–55]. Заслугой матицы следует признать распространение знаний о России через чтение публичных лекций, издание книг.

Словенский период стал чрезвычайно плодотворным в научном отношении. Спекторский опубликовал несколько сотен статей и рецензий, в большей степени на сербском и словенском языках (3 января 1929 г. он писал литератору Н.Е. Осипову еще из Белграда: «Я теперь печатаюсь только по-сербски, ибо нет русских издателей» [23. Ф. 2299. Оп. 1. Д. 419. Л. 1]). Наиболее крупным исследованием была «История социальной философии» в двух томах на словенском языке («Zgodovina socialne filozofije» (Ljubljana, 1932–1933)). По-русски Спекторский опубликовал ряд исторических сочинений, причем тематика их была достаточно широкой – здесь и исследование внешней политики России: «Принципы европейской политики России в XIX и XX веках» (Любляна, 1936), и продолжение изучения течений общественной мысли: «Либерализм» (Белград, 1935). Но наиболее фундаментальным сочинением Спекторского 1930-х годов на русском языке следует считать историю Киевского университета св. Владимира, подготовленную им к 100-летию вуза: «Столетие Киевского университета св. Владимира» (Белград, 1935). Отсутствие доступа к архивам, конечно, не позволило создать полную историю. Однако особую ценность при-

дает этому сочинению участие автора в описываемых событиях, фактически книга носит полумемуарный характер.

Кроме того, Спекторский принял участие в создании ценнейших «Материалов к библиографии русских ученых трудов за границей», выпущенных в Белграде в двух томах в 1930–1941 гг. и до сих пор остающихся главным библиографическим справочником сочинений русской научной эмиграции.

Оценкой научной деятельности Спекторского стало награждение его орденом св. Саввы II степени и избрание 4 марта 1934 г. членом Сербской королевской академии наук [27. С. 48].

Политические взгляды Спекторского эмигрантского периода мало менялись со временем и были вполне антибольшевистскими. Но его участие в деятельности тех или иных общественных организаций, видимо, не выходило за пределы выступления с лекциями и опубликования статей на политические темы. В 1920-х годах Спекторский активно сотрудничал в эмигрантской периодической печати, в том числе в белградской газете «Новое время» и в редактируемом П.Н. Милюковым парижском «Возрождении». По данным составленной им же библиографии, было опубликовано около 50 его статей. Однако на политические темы всего несколько. Так, в статье «Белое движение» Спекторский писал, что жертвы, понесенные белыми, не напрасны и «на крови павших и замученных за Белое дело вырастет возрождение нашей родины» [29]. Он откликнулся на смерть генерала П.Н. Врангеля, сочувственно оценив его роль в истории страны [30], а также на 10-летие его смерти [27. С. 72]. Единственный пример организаторской деятельности Спекторского на политическом поприще приведен В.А. Козлитиным: в 1921 г. профессора В.Д. Плетнев, А.Л. Погодин, Е.В. Спекторский и М.В. Челноков основали в Белграде Национально-демократическое общество. Его целью провозглашалась «организация демократических элементов эмиграционной России путем объединения обществ, учреждений и лиц для активного сопротивления как резко левым, так и правым партиям». В состав общества вошли «представительство Всероссийского земского союза, Всероссийского союза городов, Российского общества Красного Креста, Общеказачий союз, группа офицеров Генерального штаба и умеренно-правая организация под руководством Мельникова». По мнению Козлитина, «существование общества было скорее декларативным. Развернуть активную практическую деятельность ему не удалось» [2. С. 226–227].

Сочинения Спекторского использовались в деятельности Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП) – радикальной организации, возникшей в 1930 г. По воспоминаниям функционера НТСНП Б.В. Прянишникова, Спекторский оказал помощь новой организации книгами «Либерализм» и «Начала науки о государстве и обществе» (наряду с И.А. Ильным и А.Д. Билимовичем) [31. С. 242].

С оккупацией Югославии в апреле 1941 г. положение русской эмиграции резко ухудшилось. «Вторая мировая война оборвала разом жизнь всех наших кружков и обществ», – вспоминала Л. Алексеева [32. С. 368]. На самом деле ситуация была не столь однозначной – часть организаций продолжала работать, но, конечно, явное предпочтение отдавалось германофильским [2. С. 377–390].

На территории южной Словении была создана так называемая Люблянская область, 3 мая 1941 г. вошедшая в состав Италии. Причем «итальянизация населения была отложена на более далекий срок, поэтому отношение оккупационных сил к словенскому населению характеризовалось большей мягкостью по

сравнению с немцами», оккупировавшими северную Словению. Была разрешена деятельность театра и университета, продолжали выходить словенские журналы. Управлялась область краевым советом, куда вошли словенские деятели культуры и искусства. Относительно либеральный режим продержался недолго – с расширением партизанского движения уже в 1942 г. репрессии усилились, а после капитуляции Италии в 1943 г. Любляна была оккупирована немцами, распространившими на нее обычные для них жесткие методы управления [33].

Выезд русских эмигрантов-антикоммунистов из сербской части Югославии начался уже осенью 1944 г., с приближением к Белграду Красной армии и войск И.Б. Тито. Многие из тех, кто остался в Белграде, впоследствии подверглись репрессиям. Освобождение же Словении от немцев произошло в результате наступления титовских войск только в мае 1945 г.

Видимо, Спекторский рассчитывал на то, что Любляна будет занята англичанами. Иначе трудно объяснить, почему он покинул ее в спешке. Его отъезд, по свидетельству современников, напоминал бегство, в результате чего были потеряны 1500-страничные «Воспоминания», ежедневные политические записи, ведшиеся на протяжении 15 лет, и готовое к печати «Введение в социологию». Вместе с женой, пройдя часть дороги пешком, он перебрался в Италию, где стал одним из многих тысяч ДиПи – displaced persons (перемещенных лиц). За 1945–1947 гг. Спекторские сменили девять лагерей [34. С. 133]. Официальное увольнение Спекторского из Люблянского университета состоялось только 10 августа 1945 г. [27. С. 48].

Русские эмигранты оказались в Италии в достаточно тяжелых условиях. Но большие проблемы, нежели бытовые условия, создавала висевшая дамокловым мечом возможность высылки (репатриации) в СССР. По договоренности, принятой лидерами великих держав на Ялтинской конференции, все советские граждане, оказавшиеся вне СССР в период войны, должны были быть возвращены. Эмигранты первой волны формально не попадали под действие этой договоренности, но реально это положение часто не соблюдалось (см. подробнее [35]). Главным желанием большинства эмигрантов было поэтому перебраться в третью страну, но удавалось это далеко не всем. Оставаться же в Италии также было достаточно проблемно – страна оказалась во власти левых, просоветских настроений и отношение к эмигрантам-антикоммунистам там было недоброжелательным [36. С. 258]. Стоит отметить, что, находясь в лагере, Спекторский не остался в стороне от реалий итальянской политики: в единственной опубликованной в «дипийский» период статье «Правительство и власть» Спекторский, наряду с теоретическими размышлениями, выразил отношение к отказу социалиста Ненни занять министерский пост в едином с коммунистами правительстве [37. С. 29].

Дипийская эпопея Спекторского длилась два года. По воспоминаниям В.В. Зеньковского, именно он способствовал вызволению своего бывшего коллеги по Киевскому университету из лагеря. Зеньковский написал графине А.Л. Толстой в США о положении Спекторского [38. С. 54]. Младшая дочь Л.Н. Толстого возглавляла фонд своего имени, основанный в 1939 г. Главной целью фонда была помощь русским эмигрантам. После Второй мировой войны Толстая инициировала сбор информации обо всех русских, находящихся в лагерях ДиПи. Поскольку въехать в США было довольно сложно, то фонд готовил гарантийные письма на проживание и работу, а после получения дипийцем визы

способствовал переезду в Америку на военном корабле [39. С. 307–312]. В 1947 г. Спекторский был приглашен в Нью-Йорк для преподавания (по сведениям А.Д. Билимовича – для участия в создании) в Свято-Владимирской духовной академии (по воспоминаниям Зеньковского, Спекторский вначале попал в США через фонд, а уже потом устроился на работу в Академию.). Это учебное заведение было открыто Русской православной церковью за границей в 1938 г. как Духовная семинария. Переезд в США после Второй мировой войны группы русских профессоров (Н.О. Лосского, Г.В. Флоровского, Г.П. Федотова, Н.С. Арсеньева и Спекторского) позволил преобразовать ее в академию. Первым ректором академии стал епископ Иоанн (Шаховской), также русский эмигрант [21. С. 324].

Переезд в США был спасением для Спекторского – теперь он мог посвятить время научной работе и преподаванию. Однако идеализировать жизнь русских эмигрантов «второй волны» в США не стоит. С 1946 по 1952 г. в США въехало около 150 тыс. бывших советских (и русских) граждан (из общего числа иммигрантов 434 тыс. человек), что создавало определенные проблемы в размещении и поисках работы [40. С. 166–176]. Несомненно, проблему создавал и возраст Спекторского – к моменту переезда ему было уже 72 года. Его современник, бывший ректор Московского университета М.М. Новиков, чья судьба похожа на судьбу Спекторского, вспоминал, что в Нью-Йорке его «встретили приветливо, но сдержанно; они сразу дали понять, что по американским условиям 73-летний ученый рассматривается как конченный человек» [41. С. 403]. Спекторский преподавал дисциплины в предметной области, которая в последний период жизни была ему наиболее близка: христианскую этику [42. С. 77–190], церковное право². Кроме того, ежегодно разрабатывал новые спецкурсы по русской истории и литературе, читал публичные лекции. Студентами академии были в основном этнические русские или украинцы, но многие, даже большинство, утратили русский язык – по свидетельству Лосского, из 42 студентов только шесть могли понимать лекции по-русски [21. С. 324]. Что касается спецкурсов, то их часто слушали всего несколько студентов (как писал И.А. Ильин, «прекрасный ученый и отнюдь не “левый” Спекторский читал лекции трем студентам-украинцам на курсах епископа Иоанна Бруклинского (Шаховского. – С.М., Е.Т.), нисколько не соответствующего по своему образу мыслей воззрениям Спекторского» [44. С. 142] – думается, что в последнем замечании Ильин ошибался).

Не прекращалась и научная деятельность Спекторского – после смерти остались неопубликованными рукописи следующих работ: «Церковное право», «Опыт христианской этики и социологии», «Религиозные мотивы в русской литературе», «История русской литературы», «История русской социальной философии», «Эпохи русской культуры», «Поэт Блок», «Национальность и национализм», «Кризис Европы», «Три типа реальности», «Проблема будущего и христианства». По свидетельству Билимовича, Спекторский пытался восстанавливать свои «Воспоминания», утраченные при бегстве из Словении [34. С. 133].

Большой заслугой Спекторского было участие в создании и затем председательствовании в Русской академической группе в США (русской секции Ассоци-

² Любопытно, что в одном из некрологов Спекторский был охарактеризован именно как «крупный специалист по церковному праву», остальные заслуги к 1951 г. в общественном мнении забылись [43. С. 16].

ации американских и иностранных ученых), существующей до сих пор. С началом выхода Записок группы в 1967 г., в них были опубликованы семь работ Спекторского, или вовсе не выходявших ранее, или до этого печатавшихся в малодоступных изданиях [45].

В декабре 1950 г. Спекторский стал организатором празднования 80-летия крупнейшего русского философа, также эмигранта Николая Онуфриевича Лосского [21. С. 329]. Самому Спекторскому в том же году исполнилось 75 лет. К юбилею была подготовлена статья многолетнего коллеги ученого по Киевскому университету и по эмиграции Антона Дмитриевича Билимовича [34. С. 129–134]. Однако пока статья готовилась к печати, жанр ее изменился – из юбилейной в некролог. Спекторский скончался 3 марта 1951 г. на 76-м году жизни. Несмотря на солидный возраст, смерть Спекторского была «случайной» – он упал, оступившись на лестнице в театре, ударился головой. Возникло кровоизлияние в мозг. Через несколько дней, не приходя в сознание, умер. «Траурные песнопения православной церкви проводили Спекторского к месту его вечного упокоения на чужбине» [34. С. 134].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Раев М.* Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994; *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах. 1920–1940. М., 2005.
2. *Козлитин В.Д.* Русская и украинская эмиграция в Югославии (1919–1945). Харьков, 1996.
3. Материалы к библиографии работ Евгения Васильевича Спекторского // *Спекторский Е.В.* Проблема социальной физики в XVII столетии. СПб., 2006. Т. II.
4. *Арсеньев Н.С.* Памяти Е.В. Спекторского // Возрождение. Литературно-политические тетради. Париж, 1951. Тетрадь 16; *Билимович А.П.* Памяти Е.В. Спекторского // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1970. Т. IV.
5. *Щеглов В.В., Щеглова Л.В.* Философский портрет Е.В.Спекторского // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1997. № 4; *Щученко В.А.* Некоторые идеи христианской культурологии Е.В. Спекторского в свете современного общественного развития // Православие в русской культуре. СПб., 1998; *Корнилов С.В.* Е.В. Спекторский – философ и культуролог // Проблемы русской философии и культуры. Калининград, 2002; *Костяев А.И.* Самоопределение идеи культуры: взгляд из русского зарубежья (Е.В. Спекторский, Н.С. Арсеньев, В.В. Зеньковский) // Культура русского зарубежья. М., 2003; *Ткаченко Е.В.* Государство и конституция в работах Е.В. Спекторского 1917 г. // Право: история, теория, практика. Брянск, 2006. Вып. 10; *Ткаченко Е.В.* Е.В. Спекторский о происхождении понятия «общество» и его дальнейшей трансформации // Право: история, теория, практика. Брянск, 2007. Вып. 11. *Ткаченко Е.В.* Е.В. Спекторский о русском анархизме // История государства и права. 2007. № 20.
6. *Михальченко С.И., Ткаченко Е.В.* Е.В. Спекторский и Варшавский университет в конце XIX – начале XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. 2007. № 8. Вып. 4.
7. *Тесемников В.А.* Русские профессора-слависты философского факультета Белградского университета (1919–1941) // Югославянская история в новое и новейшее время. М., 2001.
8. History of Yugoslavia. New York, 1974.
9. *Миленкович Т.* Общество русских ученых в Югославии. 1920–1941 // Русская эмиграция в Югославии. М., 1996.
10. Государственный архив Российской Федерации.
11. *Зеньковский В.* Пять месяцев у власти (15 мая – 19 октября 1918 г.): Воспоминания. М., 1995.
12. *Маевский В.* Русские в Югославии: Взаимоотношения России и Сербии. Нью-Йорк, 1966. Т. II.
13. *Ершов В.Ф., Курамина Н.В.* Российские образовательные учреждения за рубежом: опыт 1920–1930 годов // Исторические записки. М., 2004. Вып. 7 (125).

14. *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой республике (20–30-е годы). М., 1995. С. 125–126; *Ганин В.В.* Профессура и студенчество Русского юридического факультета в Праге (1922–1930-е гг.) // *Юридическое образование и наука.* 2005. № 3. С. 37–43.
15. Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. М., 2005.
16. Отчет о состоянии и деятельности Русского юридического факультета в Праге за 1926/27 уч. год с общим обзором его пятилетней деятельности (1922–1927). Прага, 1927.
17. *Бондарева Е.А.* Сотрудничество Пражского и Белградского русских научных центров // Т.Г. Масарик и «Русская акция» Чехословацкого правительства: к 150-летию со дня рождения Т.Г. Масарика. М., 2005.
18. Записки Русского исторического общества в Праге. Прага, 1927. Кн. 1.
19. Пушкинский сборник. Прага, 1929.
20. *Спекторский Е.* Пособие к лекциям по истории философии права. Прага, 1925. Т. II.
21. *Лосский Н.О.* Воспоминания: Жизнь и философский путь. СПб., 1994.
22. *Алексеев Н.Н.* Из Царьграда в Прагу. Русский юридический факультет // *Паушто В.Т.* Русские историки-эмигранты в Европе. М., 1992.
23. Российский государственный архив литературы и искусства.
24. *Тесемников В.А.* Деятельность Русского научного института в Белграде (1928–1941) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1991; *Тесемников В.А.* Организации и объединения русских эмигрантов в Белграде (1920–1941) // Актуальные проблемы славянской истории XIX и XX веков. М., 2003.
25. *Азаров Ю.А.* Диалог поверх барьеров: Литературная жизнь русского зарубежья: центры эмиграции, периодические издания, взаимосвязи (1918–1940). М., 2005.
26. *Михальченко С.И.* Историк права Ф.В. Тарановский // *Środkowoeuropejskie studia polityczne.* Poznań, 2004. Т. 1.
27. *Pulko R.* Ruski emigranti na Slovenskem. 1921–1941. Logatec, 2004.
28. *Билимович А.Д.* Русская матица. Люблина, 1924.
29. *Спекторский Е.В.* Белое движение // Возрождение. Париж. 19 XI 1926.
30. *Спекторский Е.В.* Памяти генерала Врангеля // Новое время. Белград. 1928. № 2104.
31. *Назаров М.* Миссия русской эмиграции. М., 1994. Т. 1.
32. *Алексеева Л.* Из воспоминаний о Белграде // Русский альманах. Париж, 1981.
33. *Габрич А., Чепич З.* Развитие словенской государственной идеи в 1941–1991 гг. // Словения. Путь к независимости. М, 2001. С. 56–57; *Kirk T.* Limits of Germandom: Resistance to the Nazi; Annexation of Slovenia // *The Slavonic & East European Review.* 1991. Vol. 69. № 4.
34. *Билимович А.Д.* Профессор Е.В. Спекторский // День русского ребенка. Сан-Франциско, 1952. Вып. XIX.
35. *Толстой Н.* Жертвы Ялты. Париж, 1988; *Тарле Г.Я.* Российская эмиграция в 1940–1950-е годы // Россия и современный мир. 1999. № 3 (24).
36. *Ширяев Б. (Альмов А.)* Ди-Пи в Италии: Записки продавца кукол. Буэнос-Айрес, 1952.
37. *Спекторский Е.В.* Правительство и власть // Записки Русской акад. группы в США. Нью-Йорк, 1968. Т. 2.
38. *Зеньковский В.* Мои встречи с выдающимися людьми // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1994. Т. XXVI.
39. *Ульянкина Т.И.* Русские ученые-эмигранты в лагерях Ди-Пи и Толстовский фонд (США) // *Нестор.* Ежеквартальный журнал истории и культуры России и Восточной Европы. СПб., 2005. № 9.
40. *Нитобург Э.Л.* Русские в США. История и судьбы. 1870–1970. Этноисторический очерк. М., 2005.
41. *Новиков М.М.* От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952.
42. *Спекторский Е.В.* Христианская этика. Лекции, прочитанные в Свято-Владимирской Духовной академии в Нью-Йорке в 1950/51 акад. году // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1980. Т. 13.
43. Посев: Еженедельник общественной и политической мысли. Франкфурт-на-Майне. 25 III 1951.
44. *Ильин И.А.* Собр. соч.: Письма. Мемуары (1939–1954). М., 1999.
45. Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1967–1980. Т. 1–5, 10, 13.

© 2009 г. Л. И. ПЕТРУШЕВА

РУССКАЯ ЭМИГРАНТСКАЯ ШКОЛА В ЕВРОПЕ

В условиях изгнания одним из важнейших факторов, способствовавших адаптации русских беженцев к чужой социокультурной среде, являлась возможность сохранения родного языка и традиций своей культуры, что можно было сделать через организацию национальных культурно-просветительских объединений и учебных заведений. Психологическая неподготовленность большинства эмигрантов к жизни на чужбине способствовала осознанному созданию обособленного мира, который получил название Зарубежная Россия. Организация русских школ для детей эмигрантов являлась одной из важнейших составных частей процесса интеграции в жизнь принимающих стран. Русская школа позволила спасти тысячи лишенных детства детей от гибели, обеспечив им не только обучение, но и крышу над головой, как это было на начальном этапе беженства, позволила определиться в жизни и продолжить образование в высших учебных заведениях.

Особую роль в создании русской школы за рубежом сыграли учителя, в большом количестве оказавшиеся в эмиграции. В этих тяжелейших условиях они не оставили своего благородного дела. Без их подвижнического труда, без их беззаветной преданности своему делу и долгу работа школ не могла состояться. Как сказал А.П. Дехтерев, воспитатель знаменитой Галлиполийской гимназии и один из участников педагогического съезда, состоявшегося в мае 1929 г. в Софии: «...Здесь не служба, но служение детям, служение национальному русскому делу» [1 Ф. Р-5785. Оп. 2. Д. 30. Л. 34].

Следует отметить, что в деле оказания помощи русским детям объединили свои усилия представители разных политических взглядов, считая это своим долгом. Созданию широкой сети русских школьных учреждений в разных странах Европы способствовала деятельность в этом направлении различных эмигрантских общественных и научных организаций, многочисленных объединений русских педагогов. Но наиболее весомый вклад сделали земско-городские объединения, восстановившие свою деятельность за рубежом. Это, прежде всего, Земско-городской комитет по оказанию помощи российским гражданам за границей (Земгор, ЗКГ), Всероссийский союз городов (ВСГ), Всероссийский земский союз.

Перспективы развития русского школьного дела зависели, главным образом, от иностранных источников финансирования, поскольку русские учебные

заведения не могли содержаться за счет самой русской эмиграции, испытывавшей большие материальные трудности.

Благодаря настойчивой и целенаправленной деятельности представителей Земгора и Российского общества Красного Креста (РОКК), удалось добиться того, чтобы помощь детям русских беженцев оказалась в центре внимания Лиги Наций. Забота о детях не являлась первоочередной задачей созданного в 1921 г. при Лиге Наций Верховного комиссариата по делам русских беженцев, но в то же время была одной из важнейших. Поэтому не случайно, что создатели русского школьного дела работали в тесном контакте с Верховным комиссариатом, а после его ликвидации с Международным бюро им. Нансена. При непосредственном участии Верховного комиссариата был осуществлен перевод русских детских учреждений, в том числе и школьных, из Турции в другие страны Европы. Решение этой задачи следует отнести к числу важнейших достижений, поскольку в Турции, первой принявшей огромную двухсоттысячную волну беженцев с юга России, не было политических и хозяйственных условий для длительного пребывания здесь русской эмиграции.

В результате, старейшая Константинопольская гимназия в конце 1921 г. была переведена в Чехословакию, в Моравскую Тржебову. Вторая Константинопольская гимназия, созданная на базе первой, была переведена в Болгарию и дала начало Шуменской и Дальне-Ореховской гимназиям. Галлиполийская гимназия, созданная военным командованием русской армии, также была переведена в Болгарию в Горно-Паничево, где продолжила свою деятельность до 1926 г. В Константинополе остались две, содержавшиеся английским благотворительным обществом «The British Relief and Reconstruction Fund» средние школы в Буюк-Дере (позднее Эренкее) и на острове Проти.

Особенно большую роль Верховный комиссариат, а затем Международное бюро им. Нансена сыграли в решении вопроса финансирования русских школьных учреждений. Особенно необходимой эта помощь стала в конце 1920-х–1930-е годы, когда большинство стран мира охватил экономический кризис. Безусловно, размеры оказываемой помощи, далеко не всегда безвозмездной, не могли удовлетворить потребности русских школьных учреждений, но позволили продлить деятельность многих из них даже в этот трудный период.

Создание русской школы в 1921–1923 гг. находилось в прямой зависимости от условий экономического и политического положения европейских стран. К середине 1920-х годов экономическое состояние большинства европейских стран стабилизировалось, уменьшилось стихийное передвижение беженских масс из одной страны в другую. Появились объективные условия для укрепления позиций уже существовавших эмигрантских школ.

По данным Земгора, в Париже в 1921 г. число русских детей в Европе составляло 19 526 человек [1. Ф. Р–9135. Оп. 1. Д. 9. Л. 8]. Из них число детей, обучавшихся в русской школе, составляло 12 000 человек, примерно 6–8 тысяч русских детей обучались в иностранных школах. В Европе насчитывалось около 110 русских учебных заведений.

Русские учебные заведения за рубежом по своему происхождению делились на две группы, одну из которых составляли «имперские школы», сохранившиеся на территориях государств, отделившихся от России, и созданные на базе старых дореволюционных школ, которые посещали дети коренного русского населения и дети эмигрантов. Вторую группу составляли беженские школы, созданные усилиями русских эмигрантов в странах, где они расселились.

Поскольку основные денежные средства на помощь русским беженцам находились в распоряжении парижского Земгора, преобладающее большинство детских учреждений, созданных в Европе, были организационно связаны с этим комитетом. Средства на их содержание Земгор получал от Совещания послов, от правительств славянских стран, от иностранных гуманитарных организаций. К сожалению, с середины 1920-х годов размеры этих средств постоянно сокращались.

В каждой из принимавших стран, где были созданы русские школьные заведения, имелись специфические особенности в их положении, связанные, главным образом, с отношением властей и общественных кругов к эмигрантам из России. Правительства таких славянских государств, как Чехословакия, Югославия и Болгария, играли весьма активную роль в поддержке созданных здесь русских эмигрантских школ.

Особое место среди этих стран занимала Чехословацкая Республика. Одной из важнейших составных частей плана по оказанию помощи русской эмиграции в Чехословакии, получившего название «русская акция», являлось предоставление возможности получения бесплатного образования тысячам русских детей и молодых людей, приехавших сюда из разных стран для обучения в средних и высших учебных заведениях. Правительство Чехословакии полностью содержало две русские средние восьмиклассные школы. Одна из них, созданная еще в 1920 г. в Константинополе, в 1922 г., как уже было сказано выше, была переведена в Моравскую Тржебову. В 1922 г. в гимназии обучалось более 500 русских детей. В 1929–1930 учебном году – 419 [1. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 49. Л. 4]. Гимназия находилась в ведении Министерства народного просвещения Чехословакии. В сентябре 1922 г. по инициативе пражского Земгора в Праге была открыта еще одна русская гимназия. Первоначально ее посещало 16 учеников. В 1924 г. в ней обучалось 230 русских детей, в 1929–1930 учебном году – 296 [1. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 49. Л. 3]. С 1928 г. гимназия также находилась в ведении Министерства народного просвещения. В 1935 г. обе гимназии были объединены в одну, которая стала называться Объединенной русской гимназией в Праге.

Русская школа в Чехословакии имела права соответствующих чешских государственных школ. Учителя русских школ состояли на государственной службе. Правда, следует отметить, что достаточно непрочным было положение русских учителей в Подкарпатской Руси, несмотря на очевидную в них потребность. Русские учителя могли устроиться на службу только по контракту сроком на один год, после чего следовала официальная отставка.

При активном и непосредственном участии известного в России и эмиграции политического и общественного деятеля Е.К. Брешко-Брешковской, в 1919 г. посетившей Подкарпатскую Русь, в Ужгороде было создано общество «Школьная помощь». Общество ставило перед собой задачу по оказанию помощи детям из беднейших слоев карпато-русского населения, по воспитанию их в духе любви к русскому языку и культуре. В результате, в ряде крупных городов и поселков были открыты приюты и интернаты, содержавшиеся на средства общества. Их воспитанниками были дети главным образом из отдаленных местностей. По данным общества «Школьная помощь», в 1921–1922 гг. оно содержало 121 воспитанника: в Ужгороде в интернате для мальчиков – 49 человек, в Мукачеве и Росвигове в интернате для девочек – 72 человека. В 1922–1923 гг. уже 250 детей смогли посещать средние школы [1. Ф. Р–5975. Оп. 1. Д. 783. Л. 31].

Е.К. Брешко-Брешковская сыграла огромную роль в поиске источников финансирования интернатов. Не случайно интернат в Ужгороде носил ее имя. Средства поступали от благотворительных организаций и даже ряда школьных учебных заведений США, с которыми Е.К. Брешко-Брешковской удалось установить тесные личные связи. В частности, материальную помощь оказывали учащиеся школы Вестковер (штат Коннектикут, США).

В рамках «русской акции» для детей русских эмигрантов в Чехословакии были созданы условия для получения ими не только школьного образования, но и высшего, при этом не только в чешских высших учебных заведениях, но и созданных здесь русских.

Необходимо подчеркнуть, что Прага являлась центром объединения всего зарубежного русского учительства. Здесь было проведено два съезда деятелей средней и низшей школы в 1923 и 1925 гг., три съезда Объединения русских учительских организаций за границей – в 1924, 1925, 1926 гг., съезд по дошкольному образованию – в 1927 г., съезд по внешкольному образованию – в 1928 г., три съезда русских студентов – в 1921, 1922, 1924 гг. Пражский Земгор издавал журнал «Русская школа за рубежом».

Правительство Чехословакии через Объединение земских и городских деятелей в Чехословацкой Республике выделяло денежные средства на поддержание русских гимназий в других странах, что позволило на какое-то время восполнить денежный дефицит, возникший при сокращении субсидирования русских школ Советским правительством.

Среди всех европейских стран, где расселились русские беженцы, первое место по числу обучавшихся и содержавшихся за счет правительства детей занимала Югославия. По данным Державной комиссии по делам русских беженцев, к 1924 г. в Королевстве проживало 5 317 детей, из них 4 025 человек были детьми школьного возраста, т.е. примерно половина от общего числа детей, обучающихся в русской школе в Европе [2. С. 26]. Численность русских беженцев в 1924 г. составляла 38 000 человек [1. Ф. Р-5764. Оп. 5. Д. 1. Л. 48].

За счет правительства Югославии содержалось большинство русских школьных учебных заведений, в том числе эвакуированные из России три кадетских корпуса (Крымский, Донской, Русский) и два девичьих института (Харьковский и Донской Мариинский). Всего в ведении Державной комиссии находилось семь русских учебных заведений. Часть детских учреждений была создана на средства Земгора. Эти учреждения находились в ведении уполномоченного Союза городов В.Д. Брянского. 14 учебных заведений субсидировались Державной комиссией и Земгором совместно. Права русских школ в Югославии были приравнены к правам государственных учебных заведений.

В 1927 г. в Югославии осуществляли свою деятельность следующие русские учебные заведения:

– Русский кадетский корпус в г. Бела Церковь (мужской интернат), вывезен из России в 1920 г., восьмиклассное учебное заведение, в ведении Державной комиссии. Число учащихся – 35 человек. Директор – генерал Б.В. Адамович.

– Русский Донской кадетский корпус в г. Горажда (мужской интернат), вывезен из России в 1920 г., восьмиклассное учебное заведение, в ведении Державной комиссии. Число учащихся – 32 человека. Директор – генерал Е.В. Перет.

– Крымский кадетский корпус в г. Бела Церковь (мужской интернат), вывезенный из России в 1920 г. восьмиклассное учебное заведение, в ведении Державной комиссии.

жавной комиссии. Число учащихся – 382 человека. Директор – генерал М.Н. Промтов.

– Русско-сербская гимназия в Белграде, создана в 1920 г., восьмиклассное учебное заведение, в ведении Державной комиссии. Число учащихся – 32 человека. Директор – И.М. Малинин.

– Харьковский девичий институт в г. Нови Бечее (женский интернат), вывезен из России в 1920 г., в ведении Державной комиссии. Число учащихся – 31 человек. Начальница – М.А. Неклюдова.

– Мариинский донской институт в г. Бела Церковь (женский интернат), вывезен из России в 1920 г., в ведении Державной комиссии. Число учащихся – 29 человек. Начальница – Н.В. Духонина.

– Русско-сербская девичья гимназия в г. Велика Кикинда (женский интернат), создана в 1921 г., восьмиклассное учебное заведение, в ведении Державной комиссии. Число учащихся – 29 человек. Начальница – Е.А. Абацьева.

– Белградская женская гимназия ВСГ, создана в 1920 г., восьмиклассное учебное заведение. Число учащихся – 31 человек. Начальница – С.И. Леднева.

– Поновическая гимназия в г. Храстовце, создана в 1922 г., в ведении ВСГ, семиклассное учебное заведение. Число учащихся – 19 человек. Директор – М.А. Павловский.

– Реальное училище в г. Нови Сад, создано в 1921 г. по инициативе ВСГ и ЗГК, восьмиклассное учебное заведение. Число учащихся – 113 человек. Начальница – В.Ф. Шкинская.

– Земунское реальное училище, основано в 1921 г. по инициативе ВСГ, семиклассное учебное заведение, в ведении Державной комиссии. Число учащихся – 62 человека. Директор – В.П. Малинина.

– Загребское реальное училище, основано в 1922 г. по инициативе ВСГ, семиклассное учебное заведение, в ведении Державной комиссии. Число учащихся – 39 человек. Директор – А.С. Лавров [1. Ф. Р-5785. Оп. 1. Д. 50. Л. 1–11].

Кроме того, в различных городах страны при Державной комиссии были созданы 14 детских домов.

В 1930-е годы финансовое положение русских учебных заведений ухудшилось. Председатель Державной комиссии А.И. Белич был вынужден настаивать на соблюдении договоренностей с ЗГК в Париже о том, чтобы 50% затрат на содержание русских школ, находившихся в подчинении ВСГ, производилось самими русскими организациями [1. Ф Р-5913. Оп. 1. Д. 426. Л. 1].

К 1924 г. численность русских эмигрантов в Болгарии достигала 34 000 человек, из которых 2,5–3 тысячи – дети. 84% из них имели возможность посещать русскую школу [2. С. 47].

Болгария в числе других славянских стран являлась центром размещения русских учебных заведений, которые переводились из Турции и Африки. Кроме того, в Болгарии имелись условия для создания еще ряда средних и начальных учебных заведений. Среди них такие крупные учебные заведения, как русские гимназии в Варне, Софии, Шумене, Пловдиве, Дольна-Ореховице, Пештере и других городах страны. На основании закона о народном просвещении русская школа пользовалась правами правительственных гимназий.

Несмотря на все предпринятые усилия и несомненные достижения в создании русских учебных заведений в Болгарии, в 1921–1923 гг. русская школа переживала тяжелейший финансовый кризис. Правительство страны по ряду причин экономического и внутривластного характера не отпускало на их со-

держание необходимых средств. Содержание школьной сети практически перешло к Земгору, который был вынужден приложить много усилий к тому, чтобы решить эту задачу. Положение усугублялось к тому же инфляцией. Вставал вопрос о частичном закрытии школ. О трудном положении русской эмигрантской школы в Болгарии представители ЗГК и ВСГ регулярно информировали Верховного комиссара по делам русских беженцев Ф. Нансена, рассчитывая на увеличение финансовой помощи со стороны Лиги Наций. В результате, представитель Лиги Наций в Болгарии Коллинс предложил разработанный Верховным комиссариатом план по переводу 200 учащихся младших классов во Францию и Бельгию для проживания в фермерских семьях. Вопрос о размещении детей во французских и бельгийских семьях обсуждался на заседании Объединенного комитета ВСЗ, ВСГ и РОКК в Болгарии, состоявшемся 17 января 1922 г., на котором это предложение было признано «нежелательным и неосуществимым» [1. Ф. Р-5923. Оп. 1. Д. 2. Л. 125]. Педагоги и общественные деятели, боясь того, что, быстро ассимилировавшись, дети перестанут ощущать себя носителями русской культуры, эту возможность использовали лишь в отношении детей старше 17 лет и сирот, которых не удалось поместить в учебные заведения и они оставались без присмотра.

В августе 1923 г. пришедшее к власти правительство А. Цанкова приняло решение о выделении регулярного пособия русской школе в 500 000 лев [2. С. 49]. И хотя оно покрывало лишь часть расходов, все же значительно улучшило положение русских учебных заведений. Была создана правительственная Комиссия по содержанию русских детей в Болгарии во главе с Г.Д. Цветиновым, мною сделавшим для поддержания русской беженской школы.

Трудности материального характера, а также уменьшение численности детей школьного возраста, привели к сокращению количества русских школ, в том числе путем их объединения. Так, в 1923 г. были объединены Галлиполийская и Петропавловская гимназии. Новая гимназия располагалась в г. Тырново-Сеймен и находилась в ведении ВСГ и ЗГК. В июне 1924 г. были закрыты технические курсы в г. Софии.

В мае 1929 г. в Софии состоялся съезд русских педагогов, созданный Обществом русских педагогов в Болгарии совместно с ВСГ. На съезде было отмечено, что положение русского школьного дела в Болгарии стабилизировалось и улучшились условия деятельности многочисленных русских школ и интернатов. Парижскому ЗГК удалось даже сократить размеры дотаций на русские школы в Болгарии, увеличив их в других странах.

В 1929–1930 гг. сеть русских школ в Болгарии выглядела следующим образом:

– Варненская англо-русская восьмиклассная школа, основана в апреле 1920 г. по инициативе группы преподавателей. С ноября 1923 г. в ведении ВСГ и ЗГК, с сентября 1928 г. в ведении представителя Лондонского благотворительного общества В. Черчуорда. Содержалась на средства правительства, ассигнования Лондонского благотворительного общества. В состав Попечительского совета входили члены Благотворительного общества В. Черчуорд (он же директор), мистер Коффе, уполномоченный ВСГ А.В. Арцишевский. Число учащихся – 125 человек.

– Шуменская русская восьмиклассная гимназия, основана в 1922 г., в ведении ВСГ и ЗГК. Содержалась на средства правительства и ЗГК. Обучение было

платным. Число учащихся – 199 человек. Директор – Н.А. Парманин. Ранее эту должность занимали А.А. Бейер, В.Ф. Коренев.

– Русское среднее шестиклассное сельскохозяйственное училище, основано в июне 1921 г. по инициативе Главного комитета ВСГ. Содержалось на средства правительства и ЗГК, в ведении ВСГ и ЗГК. Число учащихся – 23 человека. Директор – В.И. Люминарский. В 1931 г. училище было ликвидировано.

– Софийская русская восьмиклассная гимназия, создана в июле 1920 г. по инициативе Русско-болгарского культурно-благотворительного комитета. С 1925 г. в ведении ВСГ и ЗГК. Содержалась на средства правительства и ЗГК. Число учащихся – 171 человек. Директор – А.П. Стефанов.

– Крестовоздвиженская русская восьмиклассная гимназия в г. Пещера, основана в 1920 г. в Буюк-Дере, в 1922 г. переведена в Болгарию. Создана по инициативе сестры русского посла в Турции В.В. Нератовой. Содержалась на средства правительства и Благотворительного общества профессора Уиттимора. Председатель Попечительского совета – еп. Серафим, члены Совета – И.А. Базанов, Д.Н. Ермолов. Число учащихся – 160 человек. Директор – А.Н. Ермолов.

– Софийская школа В.П. Кузьминой, основана в 1924 г., состояла из начальной школы, детского сада, курсов иностранных языков, четырехклассной прогимназии. В школу принимались русские и иностранные дети. Число учащихся – 170 человек, из них русских детей – 60.

Кроме того, в этот период в Болгарии осуществляли свою деятельность дома, работавшие по типу детского сада с подготовительной группой. Среди них:

– Русский детский дом ВСГ и ЗГК в г. Бургасе, основанный в 1924 г. Содержался на средства правительства и ЗГК, обучение платное. Число воспитанников – 24 человека. Заведующая – С.А. Миргородская.

– Русский детский дом ВСГ и ЗГК в Пернике, основан в декабре 1924 г. по инициативе ВСГ и ЗГК. Содержался на средства правительства и ЗГК. Число воспитанников – 44 человека. Заведующая – В.П. Попова.

– Русский детский дом ВСГ и ЗГК в г. Софии, основан в 1920 г. по инициативе ВСГ. Содержался на средства правительства и ЗГК. Число воспитанников – 121 человек. Заведующая – К.В. Скоропадская.

– Варненский детский Дом ВСГ и ЗГК, основан в 1920 г. по инициативе ВСГ. Содержался на средства правительства и ЗГК. Число воспитанников – 48 человек. Заведующая – О.Н. Гайдовская-Потапович [1. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–14].

Характерной особенностью для государств, возникших на территории бывшей Российской империи, являлась политика руководства этих стран, направленная на сокращение существовавших здесь еще до революции русских национальных учреждений, в том числе и русских школ, которые могли посещать дети многочисленного русского населения, а также дети беженцев из России. Число открытых здесь русских беженских школ было незначительным.

Особенно быстро разрушалась сеть русских школьных учреждений в Бессарабии и Польше.

К середине 1920-х годов в Бессарабии смогли сохранить свое существование всего несколько частных русских школ. Вопрос о положении русских школ обсуждался на 2-м Съезде русских педагогов в Праге.

Проводимая правительством Польши политика выдавливания русскоязычного населения и, в частности, беженцев привела к их резкому сокращению. Число русских беженцев к 1925 г. составляла 60 800 человек [1. Ф. Р–5764. Оп. 5.

Д. 1. Л. 48]. Многочисленные русские начальные и средние школы не смогли нормально осуществлять свою деятельность без материальной поддержки, что привело к их массовой ликвидации. Сохранившиеся школы получили статус учебных заведений для русского национального меньшинства и назывались «школами с русским языком обучения». Лишь 1% от общего числа русских детей имел возможность посещать русскую школу. Заработная плата учителя русской школы была ниже прожиточного уровня. По данным съезда русских учителей, состоявшегося в Варшаве в 1925 г., к этому времени в Польше осталось не более 14 средних и три начальных русских школ [1. Ф. Р-5775. Оп. 1. Д 63. Л. 10]. Правовое положение педагога также было очень непрочным. Не имевший польского гражданства учитель независимо от его квалификации отстранялся от преподавания не только в правительственной, но и в частной школе.

Преобладающее большинство русских школ в Польше было частными либо находилось в ведении общественных организаций. Лишь во второй половине 1920-х годов, отдельным русским школам стала оказываться финансовая помощь со стороны ряда местных магистратов. Тем не менее, материальное обеспечение русских учебных заведений было явно недостаточным. В 1929 г. русская педагогическая общественность в Польше поставила вопрос о создании «Школьного фонда», который пополнялся бы путем «национального обложения», так как оплатить обучение детей могли далеко не все родители.

По сведениям Педагогического бюро по делам средней и низшей школы в Польше к 1927–1928 гг. имелись следующие учебные заведения, в которых обучались дети эмигрантов из России:

– Варшавская гимназия, восьмиклассное учебное заведение, основана в 1924 г. на базе гимназических курсов, созданных в 1919 г. Содержалась на субсидии парижского ЗГК и плату за обучение, в ведении Министерства народного просвещения. Число учащихся – 200 человек, из которых 40% – дети эмигрантов. Директор – И.Ф. Голубовский.

– Виленская восьмиклассная мужская гимназия, создана в 1922 г. по инициативе Русского благотворительного общества. Содержалась на субсидии ЗГК и плату за обучение. Число учащихся – 98 человек, из них 62 ученика – дети эмигрантов. Директор – Л.М. Белевский.

– Русская женская гимназия в г. Вильно, создана в 1921 г. по инициативе Л.И. Поспеловой. Содержалась на субсидии парижского ЗГК и плату за обучение, в ведении Виленского учебного округа. Число учащихся – 115 человек, из них 52 – дети эмигрантов. Директор – П.К. Герке.

– Русская смешанная гимназия Отдела Русского благотворительного общества в г. Бресте, основана в 1880 г. восьмиклассное учебное заведение. Содержалась на субсидии ЗГК и плату за обучение, в ведении Русского благотворительного общества. Число учащихся – 484 человека, из них 41 ученик из числа эмигрантов. Директор – А.Н. Федяй.

– Ровенская частная гимназия, создана по инициативе Ровенского благотворительного общества, в ведении общества. Содержалась на субсидии ЗГК, благотворительные пожертвования, плату за обучение. Число учащихся – 278 человек, из них – 137 учеников – дети эмигрантов. Директор – А.П. Юшкевич.

– Новогрудская частная смешанная гимназия, основана в 1916 г. Содержалась на субсидии Земгора, плату за обучение, пособия магистрата, в ведении Ро-

дительского комитета. Число учащихся – 201 человек, из них 18 учеников – дети эмигрантов. Директор – П.О. Скребец.

– Пинская частная русская реальная гимназия, основана в 1921 г., в ведении Пинского отдела Русского благотворительного общества в Польше. Содержалась на субсидии ЗГК, плату за обучение, благотворительные пожертвования. Число учащихся – 136 человек, из них 15 учеников – дети эмигрантов. Директор – А.И. Цибрук.

– Русская частная реальная гимназия в г. Лунинце, основана в 1919 г. Содержалась на субсидии ЗГК, плату за обучение, в ведении концессионера А. Полховского. Число учащихся 160 человек, из них 65 учеников – дети эмигрантов. Директор – З.И. Полховская.

– Луцкая частная гимназия, основана в 1898 г. В 1921 г. реформирована, с 1926 г. в ведении Луцкого отдела Русского благотворительного общества. Содержалась на субсидии ЗГК, плату за обучение. Число учащихся – 143, из них 35% – дети эмигрантов. Директор – С.И. Апошанский.

– Вилейская частная смешанная гимназия, основана в 1919 г. Содержалась на субсидии ЗГК и благотворительные пожертвования. Число учащихся – 91 человек, из них 30 % – дети эмигрантов. Директор – К. Велецкий.

– Начальная школа Русского комитета в Варшаве, основана в 1918 г. Содержалась на средства ЗГК и плату за обучение. Число учащихся – 65 человек, из них 60% – дети эмигрантов. Председатель Попечительского совета – Д.А. Бушен, заведующий школой – Б.И. Азаров.

– Виленская общественная начальная школа № 36 с преподаванием на русском языке для детей эмигрантов, основана в 1921 г. Содержалась на субсидии ЗГК, средства Виленского магистрата и Виленского учебного округа, в ведении Виленского учебного округа. Число учащихся – 104 человека, из них 50% – дети эмигрантов. Заведующая – Г.А. Добрынина.

– Виленская школа при православном приюте Филантропического общества, основана в 1923 г. по инициативе Русского попечительного комитета об эмигрантах в Польше. Содержалась на средства ЗГК, в ведении Виленского учебного округа. Число учащихся – 80 человек, из них 60% – дети эмигрантов. Заведующая – М.С. Евдокимова.

– Брестская русская начальная школа, основана в 1918 г. Содержалась на средства ЗГК и плату за обучение. Находилась в ведении инспектората школы. Число учащихся – 165, из них 35% составляли дети эмигрантов. Заведующая – А.Р. Васелюк.

– Приготовительная школа при православном детском приюте для девочек при Гродненском женском монастыре, основана в 1921 г. по инициативе доктора В.В. Ковалева. Содержалась на средства ЗГК и Гродненского магистрата. Число учащихся – 13 человек, все дети сироты из числа эмигрантов. Заведующая – Л.Н. Преклонская.

– Курсы закона Божия при Быдгощском обществе самопомощи русским беженцам в Быдгоще, основаны в 1926 г. по инициативе Т.С. фон Беренца. Содержались на субсидии ЗГК, в ведении Общества. Число учащихся – 32 человека, из них девять учеников – дети эмигрантов. Заведующий председатель правления Общества – Н.Н. Ходкевич [1. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 48. Л. 2–13].

Более благополучным признавалось положение русской школы в Финляндии, Латвии и Эстонии.

В Финляндии численность русских беженцев также сократилась по сравнению с 1921 г. В 1924 г. она составляла 14 314 [1. Ф. Р-5764. Оп. 5. Д. 1. Л. 48]. Дети русских беженцев посещали сохранившиеся русские школы. К середине 1920-х годов по инициативе церковных приходов и частных лиц возникли немногочисленные беженские школы. ЗГК субсидировал шесть средних школ и четыре начальных, т.е. 80% средних и 55% начальных, в которых обучалось 75% от общего числа учащихся.

В Финляндии к 1926–1927 учебному году продолжили свою деятельность следующие русские учебные заведения, которые субсидировал ЗГК:

– Териокское реальное училище, создано в 1913 г., в 1918 г. реформировано. Училище содержалось на средства ЗГК в Париже. Обучение было платным, в ведении Министерства учебных и церковных дел. Число учащихся – 92 человека. Директор – П.А. Янушкевич. В 1923 г. при училище был создан интернат, содержавшийся на средства ЗГК. Число воспитанников – 45 человек, все из числа детей эмигрантов. Заведующая – А.И. Миролюбова.

– Териокское начальное училище, основано в 1886 г. Содержалось на субсидии ЗГК и средства Териокского прихода. Число учащихся – 21 человек. Директор – В.Н. Абрамовская.

– Выборгская начальная трехклассная школа, основана в 1864 г., в 1919 г. реформирована по инициативе православного прихода. Содержалась на субсидии ЗГК. Число учащихся – 46 человек, из них 35% – дети эмигрантов. Директор – М.П. Петровская.

– Выборгский русский реальный восьмиклассный лицей, основан в 1883 г., в 1918 г. реформирован по инициативе православного прихода. Содержался на субсидии ЗГК, средства жертвователей и плату за обучение, в ведении Министерства учебных и церковных дел. Число учащихся составляло 103 человека. Директор – В.И. Рейхарт.

– Райвольская средняя русская школа, основана в 1918 г. по инициативе группы беженцев. Содержалась на средства ЗГК. Число учащихся – 63 человека. Директор – Н.А. Никулин. В 1921 г. при школе был создан интернат, также содержавшийся на средства ЗГК. Заведующая – М.Х. Смирнова.

– Райвольская начальная школа, создана в 1870 г. по инициативе Райвольского сельскохозяйственного общества, в ведении общества. Число учащихся – 34, из них 25% – дети эмигрантов. Директор – С.Т. Путилин.

– Келломякское приходское совместное реальное училище, создано в 1920 г. Содержалось на средства ЗГК и плату за обучение. Число учащихся – 33 человека, все они из числа эмигрантов. Директор – М.Г. Чистосердов.

– Куоккольская русская школа, создана в 1921 г. по инициативе приходского совета. Школа содержалась на субсидии ЗГК, в ведении приходского совета. Число учащихся – 16 человек, из них 62.5% – дети эмигрантов. Директор – С.В. Ладукас.

– Халильское реальное училище, основано в 1918 г. Содержалось на средства ЗГК. Число учащихся – 11 человек, из них 50% – дети эмигрантов. Директор – Н.В. Познийский.

Кроме того, в Финляндии в этот период продолжали существовать и другие русские гимназии, не связанные организационно с ЗГК:

– Гельсингфоргская Александровская гимназия, основана в 1870 г., число учащихся – 46 человек, из них 45% – дети эмигрантов. Директор – В. Попов.

– Хаминская русская народная школа, основана в 1877 г. Число учащихся – 7 человек. Все они из числа эмигрантов. Директор – П.Н. Успенский.

– Гельсинфоргское приходское начальное четырехклассное училище им. Н.И. Табунова, основано в 1864 г. Содержалось на средства Фонда Н.И. Табунова и находилось в ведении Гельсинфоргского прихода. Число учащихся – 67 человек. Директор – А.И. Воскресенский.

– Гимназия им. Святителя Алексия (мужская), создана в 1919 г. по инициативе Особого комитета по делам русских в Финляндии. Состояла в ведении Министерства церковных и учебных дел. Восьмиклассное учебное заведение. Число учащихся – 17 человек. Директор – А. Колокольцев.

– Вильманстрандская приходская русская начальная школа, создана в 1878 г. Содержалась на средства прихода. Находилась в ведении Министерства церковных и учебных дел. Содержалась на средства правительства и прихода. Число учащихся – шесть, из них три из числа эмигрантов. Директор – прот. А.В. Разумов [1. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 43. Л. 1–23].

В 1927 г. Александровская гимназия в Гельсинфорге, Келломьякское приходское реальное училище, Халильское реальное училище, Хаминская народная школа, Куокальская русская школа были закрыты.

В 1930-е годы в условиях экономического кризиса парижским ЗГК предпринимались попытки сохранить деятельность Териокского реального училища, для чего брались кредиты у ряда международных организаций.

По данным переписи 1925 г., общее число русских в Латвии составляло 231 658 человек. Число беженцев из России в 1920 г. составляло 15 640 человек, из которых 5 960 человек – дети [1. Ф. Р–5772. Оп. 1. Д. 61. Л. 3]. В 1919 г. по закону об организации школьных учреждений для национальных меньшинств русские школы должны были содержаться за счет правительства и органов местного самоуправления. Их права были приравнены к правам латышских школ при условии соответствия учебных программ. Дети эмигрантов посещали школы русского национального меньшинства. Но с 1922 г. политика правительства в отношении русскоязычного населения изменилась под предлогом защиты латышского населения от денационализации. С 1923 г. ликвидировались должности содержавшихся за государственный счет инспекторов русских школ. Их функции были переданы латышским районным инспекторам. С 1924 г. русские учителя должны были сдавать экзамены по латышскому языку. К 1923 г. в Латвии насчитывалось всего 30 русских средних школ, в которых обучалось 3 430 человек [1. Ф. Р–5772. Оп. 1. Д. 63. . 4].

В Эстонии к 1924 г. проживало 19 000 русских беженцев [1. Ф. Р–5764. Оп. 5. Д. 1. Л. 48]. Первоначально деятельность немногочисленных русских школ для детей эмигрантов поддерживалась Христианским союзом молодых людей (ХСМЛ). С 1922 г. их финансированием начал заниматься ЗГК в Париже. Очень много для создания сети русских беженских школ и поддержания работы русских учебных заведений, созданных до 1917 г., сделал Комитет русских эмигрантов в Эстонии, который возглавлял проф. В.А. Рогожников.

В 1929 г. сеть русских эмигрантских школ в Эстонии была представлена следующими учебными заведениями:

– Кукурская начальная четырехклассная школа с детским садом, создана в 1925 г. по инициативе Комитета русских эмигрантов на руднике Куккура. Содержалась на средства Комитета. Число учащихся – 20 человек. Директор – О.К. Черпай.

– Нарвская реальная гимназия с коммерческим отделением, основана в 1920 г. по инициативе Комитета русских эмигрантов. Содержалась на средства ЗГК и находилась в его ведении. Число учащихся – 212 человек. Директор – А.В. Васильев.

– Детский сад на руднике Кютте Йоуде (Kutte Youde), основан в 1927 г. по инициативе Комитета русских эмигрантов. Содержался на средства ЗГК. Число воспитанников – девять человек. Заведующий – Л.Ф. Моисеев.

– Начальная четырехклассная школа на Романовском руднике, создана в 1927 г. по инициативе дирекции рудника и Комитета русских эмигрантов. Число учащихся – 33 человека. Директор – А.И. Степанова.

– Дом русского ребенка в г. Ревеле¹ (шестиклассное начальное училище), основан 1 октября 1920 г. по инициативе Комитета русских эмигрантов, С.В. Колзаковой, А.В. Кузьмина, О.И. Немирович-Данченко. Содержался на средства ЗГК. Число учащихся – 53 человека. Директор – О.И. Немирович-Данченко.

– Русская начальная пятиклассная школа в г. Немме, создана в 1920 г. по инициативе Комитета русских эмигрантов. Содержалась на средства ЗГК, доходы от лотерей, благотворительных спектаклей, организованных администрацией школы, пособия местной церкви. Состояла в ведении Комитета русской эмиграции. Число учащихся – 39 человек. Директор – К.Н. Левашов.

Кроме того, дети русских эмигрантов в 1929 г. обучались также в сохранившихся русских учебных заведениях, созданных до революции:

– В Русской городской реальной гимназии в г. Ревеле (общее число учащихся – 311, из них 79 человек – дети эмигрантов, директор – А.С. Пешков).

– В Русской гимназии общества «Русская школа в Эстонии» в г. Ревеле (общее число учащихся – 82, из них 17 человек – дети эмигрантов, директор – Л.А. Андрушкевич).

– В начальном училище Общества «Русская школа в Эстонии» в г. Ревеле (общее число учащихся – 343, из них 91 человек – дети эмигрантов, заведующий Д.И. Селедец).

– На русском отделении 26-го городского начального училища в г. Ревеле (общее число учащихся – 149, из них 37 человек – дети эмигрантов, заведующий – Н. Зеллер).

– В частной начальной школе в г. Немме (общее число учащихся – 83, из них 14 человек – дети эмигрантов, заведующий – К.Н. Левашов).

– В Русской городской гимназии г. Юрьева (общее число учащихся – 105, из них 14 человек – дети эмигрантов, директор – И.М. Тофф).

– В 13-м городском училище г. Юрьева (общее число учащихся – 212 человек, из них 31 человек – дети эмигрантов, заведующий – Лупкин).

– В городской гимназии г. Нарвы (общее число учащихся – 207 человек, из них 23 человека – дети эмигрантов, директор – С.Н. Добрышевский).

– В 1-м городском начальном училище г. Нарвы (общее число учащихся – 241 человек, из них 32 человека – дети эмигрантов, заведующий – Н. Викторов).

– В 3-м городском начальном училище г. Нарвы (общее число учащихся – 259 человек, из них 52 человека – дети эмигрантов, заведующий – П. Иванов).

¹ Названия населенных пунктов приводятся так, как они зафиксированы в документах архивов русской эмиграции.

- В 4-м городском начальном училище г. Нарвы (общее число учащихся – 190 человек, из них 51 человек – дети эмигрантов, заведующий – П. А. Марков).
- В 7-м городском начальном училище г. Нарвы (общее число учащихся – 134 человека, из них 24 человека – дети эмигрантов, заведующий – А. Янсон).
- В Усть-Нарвском начальном училище (общее число учащихся – 40 человек, из них 11 человек – дети эмигрантов, заведующий – С. Покровский).
- В 1-м городском начальном училище г. Печоры (общее число учащихся – 177 человек, из них 24 человека – дети эмигрантов, заведующий – П. Листакин) [1. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 44. Л. 1–25].

Сохранению русских школьных учреждений в прибалтийских странах, в том числе и в Эстонии, придавалось большое значение как со стороны парижского Земгора, так и со стороны местных общественных эмигрантских организаций. Особенно важно это было сделать в условиях экономического кризиса 1930-х годов. В 1930 г. для русской гимназии в Нарве было приобретено здание. После выплаты кредита в 1935 г. здание должно было перейти в собственность парижского ЗГК, в ведении которого находилась эта гимназия [1. Ф. Р–6094. Оп. 1. Д. 27. Л. 94]. Решению финансовых проблем гимназии способствовали Верховный комиссариат по делам русских беженцев, затем Международное бюро им. Нансена и ряд международных кредитных и благотворительных организаций.

Русскую школу в Литве пришлось создавать практически заново. Большой ущерб школьным учреждениям был нанесен в годы Первой мировой войны, поскольку значительная часть русского населения была эвакуирована вглубь России. По переписи 1923 г. в Литве проживало 55 000 русских, в число которых входило около 2 000 беженцев из России, при общей численности населения 2 028 971 человек. Число детей школьного возраста составляло около 8 000 человек [1. Ф. Р–5772. Оп. 1. Д. 59. Л. 12]. Поскольку в Литве в этот период не было принято отдельно закона о национальных меньшинствах, русская школа в этой стране была предоставлена частной инициативе самих представителей русской диаспоры. По данным Министерства просвещения, в Литве имелось всего 11 начальных школ и одна средняя. Их посещали дети русского населения и дети беженцев. Из-за нехватки русских учебных заведений, по данным 1922 г., около 55% русских детей обучались в литовских школах [1. Ф. Р–5772. Оп. 1. Д. 59. Л. 12].

Одной из первых в 1920 г. в Литве была создана русская гимназия в Ковно (Каунас). Гимназия содержалась на средства Общества преподавателей и находилась в ведении Министерства просвещения. Обучение было платным. Директором гимназии был А.И. Тыминский. В 1925/26 учебном году в ней обучалось 238 человек. Из них 62 человека – дети эмигрантов. При гимназии были открыты курсы для взрослых и подготовительные курсы в младшие классы. В Каунасе был открыт и приют для русских детей.

В сеть русских учебных заведений входили также:

- Ковенская начальная школа № 22, основана в 1920 г., в ведении Министерства просвещения. Число учащихся – 136 человек, из которых 21 человек – дети эмигрантов. Директор – Л.В. Воробьев.

- Ковенская начальная школа № 38, основана в 1922 г., в ведении Министерства просвещения. Число учащихся – 102 человека, из которых 28 человек – дети эмигрантов. Директор – Н.И. Софронов.

– Кибартская русская начальная школа, в ведении органов местного самоуправления. Число учащихся – 83 человека, из которых 23 ученика – дети эмигрантов. Директор – Г.Ф. Кудрявцев.

– Жеймельская школа, в ведении органов местного самоуправления. Число учащихся – 60 человек. Директор – Исидорова.

– Ежеренская школа. Число учащихся – 70 человек. Директор – Э.Ф. Хохлов.

– Княжестокская школа. Число учащихся – 30 человек. Директор – А.Е. Таранчук.

– Поневежская школа. Число учащихся – 30 человек. Директор – Л.П. Фалеева.

– Абельская школа. Число учащихся – 37 человек. Директор – Г. Котова.

– Колайнская школа. Число учащихся – 30 человек. Директор – А.П. Кузнецов.

– Вилкомирская школа. Число учащихся – 32 человека. Директор – Ф. Адамчик.

Общее число учащихся русских школ в Литве в 1926–1927 учебном году составляло 1 000 человек [1. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–6].

Иным было положение и условия пребывания русской эмиграции в странах Центральной и Западной Европы. В своем большинстве они являлись странами так называемой вторичной эмиграции. К тому времени, когда в ряде стран этой группы смогли появиться большие потоки русских беженцев, средств хватало лишь на поддержание русских школ в Балканских странах и лимитрофных государствах. Немногочисленные средние школы были, как правило, частными и платными. Даже в таких крупных центрах русской эмиграции, как Германия и Франция было создано непропорционально малое по отношению к числу беженцев количество русских учебных заведений.

Как отмечалось на 2-м съезде педагогических организаций, состоявшемся в Праге в 1925 г., в славянских государствах с общим числом беженцев в 110 000 человек было открыто 42 школы, которые посещали 5 510 учащихся. В государствах Центральной и Западной Европы с численностью беженцев более 400 000 человек было открыто 17 школ с числом учащихся 620 человек [1. Ф. Р–5785. Оп. 1. Д. 18. Л. 18].

Примерно таким это соотношение оставалось и в конце 1920-х годов. Известный в эмиграции общественный деятель, много сил отдавший организации русской национальной школы, член парижского Земгора В.В. Руднев, выступая на съезде русских педагогов, состоявшемся 19–20 мая 1929 г. в Париже, отметил, что во Франции, где по его данным в этот период проживало около 150–200 тыс. эмигрантов, из которых 16–22 тыс. – дети школьного возраста, в русской школе обучалось всего 1500 детей. В то время как в славянских странах на одного ученика русской школы приходилось 14 беженцев, во Франции – 150 [1. Ф. Р–5785. Оп. 2. Д. 46. Л. 42].

В заключение необходимо еще раз подчеркнуть, что политика в отношении русской эмиграции со стороны правительств Чехословакии, Югославии и Болгарии являлась одним из важнейших факторов, повлиявших на создание широкой сети школьных учреждений для детей русской эмиграции в Европе в целом. Не случайно 2-й Съезд русских педагогов в своей резолюции выразил благодарность руководству этих стран за поддержку русского школьного дела. Большинство русских школ смогли продолжить свою деятельность до окончания Второй мировой войны.

Особо важное значение русские учебные заведения имели для многих тысяч русских людей, оказавшихся гражданами государств, отделившихся от Российской империи. В силу проводимой правительствами этих стран недоброжелательной политики, направленной на сокращение русских культурно-просветительских учреждений, вопросы сохранения национальной идентичности для представителей русских диаспор в этих условиях стояли очень остро уже с начала 1920-х годов. Сохранение русских школьных учреждений являлось первоочередной задачей для организаторов русского школьного дела, поскольку их постоянно уменьшающееся число не соответствовало потребностям русскоязычного меньшинства, права которого гарантировались конституциями этих стран и были поставлены под контроль Лиги Наций.

В западноевропейских странах, где дети проживавших здесь эмигрантов посещали иностранные учебные заведения, большую роль играло внешкольное образование по так называемым «русским предметам», а также поиск новых форм и методов национального воспитания молодежи, позволявших уберечь ее от денационализации. К числу достижений в этом направлении следует отнести проведение Дней русской культуры и Дней русского ребенка, общеэмигрантских праздников, оказавших огромное влияние на духовную жизнь не только молодого поколения, но и всей русской эмиграции.

Исторический опыт, так дорого давшийся нашим соотечественникам на чужбине, свидетельствует о том, что национальная школа являлась самым надежным способом в борьбе с денационализацией русской молодежи, центром национального воспитания нового поколения, родившегося в эмиграции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Российской Федерации.
2. Руднев В.В. Зарубежная русская школа. 1920–1924. Париж, 1924.

© 2009 г. А. С. СТЫКАЛИН

К ВОПРОСУ О РОССИЙСКОЙ БЕЛОЙ ЭМИГРАЦИИ В МЕЖВОЕННОЙ ВЕНГРИИ И ОТНОШЕНИИ К НЕЙ ХОРТИСТСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ*

На фоне детального, скрупулезного изучения в современной отечественной, да и не только отечественной историографии русской послереволюционной эмиграции в славянских странах, особенно в Чехословакии, Югославии и Болгарии (см. среди прочего: [1–4], следует отметить также ежегодно публикующиеся в журнале «Славяноведение» подборки статей по истории российской эмиграции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы), российская эмиграция в Венгрии остается белым пятном. Мало востребованы до сих пор материалы, хранящиеся в фондах ГАРФа, Российского государственного военного архива и др., слабо изучено отражение жизни русского зарубежья в Венгрии в российской эмигрантской прессе. Количество публикаций, а тем более отвечающих строгим научным критериям, измеряется единицами, следует выделить содержательную и во многом первопроходческую статью венгерского историка И. Халаса [5], основанную на документах Венгерского государственного архива, а также ГАРФа. А в биографиях тех немногих видных деятелей русской истории венгерский период жизни если хоть как-то отражен, то скупо и поверхностно (речь идет в первую очередь о генерале А.И. Деникине) [6–7].

Не слишком большой интерес историков к проблеме российской эмиграции в межвоенной Венгрии имеет под собой, надо признать, определенные основания. Конечно, Венгрия не относилась к числу важнейших пристанищ русской эмиграции и политических, культурных центров российского зарубежья (таких как Франция, Германия, Чехословакия, Югославия, Китай, США, Великобритания, Болгария, в течение некоторого времени Турция). Считается, что культурная жизнь не столь уж многочисленной русской диаспоры в Будапеште по своей интенсивности, размаху и творческому уровню не идет в сравнение с культурной жизнью в российско-эмигрантской среде Берлина, Парижа, Праги и даже Белграда, а созданные в Венгрии выходцами из России духовные ценности за небольшими, может быть, исключениями (такими как книга А.И. Деникина «Очерки русской смуты») не оставили заметного следа в истории русской куль-

Стыкалин Александр Сергеевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

* Работа выполнена в рамках программы Президиума РАН, проект «Миграция населения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы в XX в.».

туры. Кроме того, в отличие от Болгарии и Югославии в Венгрии русские эмигранты не внесли значительного вклада в развитие художественной культуры и науки принимающей страны, российская диаспора вообще была здесь гораздо менее заметна в культурном плане. В свою очередь и венгерские власти не предпринимали в отношении российской эмиграции каких-либо значительных политических и культурных инициатив, таких как, например, «русская акция» Т.Г. Масарика в соседней Чехословакии.

При всем периферийном положении Венгрии на карте российского зарубежья межвоенного периода, ее столица – Будапешт – все-таки играла в 1920-е годы определенную роль в качестве одного из центров притяжения именно военной эмиграции – это было обусловлено не в последнюю очередь типологической общностью правоавторитарного режима Хорти и белогвардейских диктатур 1918–1920 гг. Не надо в общем недооценивать и культурного потенциала российской эмиграции в Венгрии, учитывая постоянное присутствие выходцев из аристократических – княжеских и графских – родов (Голицыны, Оболенские, Волконские, а также отпрыски знатных родов балтийских немцев). Исследователям еще предстоит реконструировать политический и культурный облик русской диаспоры в межвоенной Венгрии, выявить все многообразие ее взаимоотношений с главными центрами русского зарубежья, изучить венгерские связи видных российских политиков, мыслителей, деятелей культуры, проживавших в других странах (это касается и евразийцев, особенно жившего в Вене известного филолога Н.С. Трубецкого, по некоторым сведениям, проявлявшего устойчивый интерес к истории и культуре венгров, пришедших в Дунайский бассейн из азиатских глубин). Обращение к венгерскому материалу тем более необходимо, что существующая неравномерность в изучении отдельных пластов в истории русского зарубежья до сих пор затрудняет написание как синтетических научных трудов, дающих целостную картину истории русского зарубежья 1920–1930-х годов, так и биографических, энциклопедических справочников.

Понимание специфики Венгрии как страны, принимавшей беженцев из России, невозможно в отрыве от внутри- и внешнеполитического контекста. Для хортистского режима прием русских эмигрантов и проведение определенной политики по отношению к ним явились в некоторой мере логическим продолжением связей с белым движением, установленных в 1919–1920 гг., и выработка определенной стратегии действий в отношении русской эмиграции, окружение Хорти принимало во внимание не только тех беженцев, которые находились в самой стране. При этом следует иметь в виду, что после разгрома Венгерской советской республики в августе 1919 г. венгерская контрреволюция становится образцом и примером для русских единомышленников; Хорти и его режим были весьма популярны в белогвардейской среде (особенно среди последовательных монархистов и сторонников жестких военных диктатур). Офицеры армий Деникина, а позже, в 1920 г., Врангеля питали надежды на военное сотрудничество с хортистами в интересах искоренения большевизма, что было утопией, поскольку находившийся во враждебном окружении соседей, переживавших бурный процесс государственного строительства (образованных в 1918 г. Чехословакии, Королевства сербов, хорватов и словенцев, а также обретшей себя в новых границах Румынии), режим Хорти был слишком озабочен своими внутренними проблемами, чтобы поспешить на помощь родственным белогвардейским диктатурам, а в 1920 г. консервативная политическая элита Венгрии пережила тяжелый стресс вследствие Трианонского мирного договора, сократив-

шего территорию исторической Венгрии втрое¹. К тому же территории, контролируемые белым движением, отделяло от Венгрии тысячекилометровое расстояние.

Попытки установления связей все же были предприняты, причем, что интересно, инициативу первой проявила венгерская сторона. Как известно из исследований И. Халаса, в ноябре 1919 г. приближенные Хорти, в то время пока еще не регента, а главнокомандующего венгерскими контрреволюционными войсками, разработали план посылки своих офицеров в ставку Деникина, чтобы прояснить позицию главкома Белой армией на юге России, а также его окружения, в отношении границ Российской империи после ее восстановления. В силу особой остроты венгерско-румынских отношений больше всего в Будапеште интересовались проблемой Бессарабии: намерено ли в перспективе российское монархическое движение вступить в войну с Румынией ради обладания ею. К сожалению, у нас нет никаких данных о том, состоялась ли поездка эмиссаров Хорти к Деникину [5. 538. о.].

Работа по установлению контактов была продолжена в 1920 г., уже после того как новым главкомом Белой армией на юге России стал барон П.Н. Врангель. В апреле 1920 г. представители венгерского посольства в Берлине связались с генералом Белой армии М.С. Комиссаровым, чтобы получить от него информацию об общем состоянии антибольшевистского движения в России и его конкретных военных планах. Проявляя интерес к такой информации, хортисты в 1920 г. еще надеялись на поражение большевиков вследствие синхронизации действий Войска польского с Запада и армии Врангеля с юга России. В свою очередь войско Врангеля остро нуждалось в оружии и боеприпасах, и в его ставке хотели взвесить гипотетическую возможность получения некоторой помощи из Венгрии. Контакты с Комиссаровым были продолжены в сентябре 1920 г. в Белграде, где генерала принял венгерский поверенный в делах Мадьяри [5. 544–545. о.]. К этому времени хортисты уже очень скептически оценивали перспективы Белого движения на юге России, к тому же у них не было полного доверия к генералитету армии Врангеля. На основании стекавшейся в Будапешт информации многие генералы и старшие офицеры этой армии все более воспринимались (и не без оснований) как франкофилы, т.е. союзники тех, кто сыграл решающую роль в подготовке Трианонского договора, воспринятого не только хортистской политической элитой, но подавляющим большинством венгров как

¹ В соответствии с Трианонским мирным договором 1920 г. Королевство сербов, хорватов и словенцев (с 1929 г. Югославия) получило Хорватию (обладавшую с 1868 г. автономией в рамках Королевства Венгрия) и Воеводину, Чехословакия – Словакию и Закарпатскую Украину, Австрия – самые западные районы Венгрии, образовавшие после 1920 г. австрийскую провинцию Бургенланд. Наиболее значительны были территориальные приобретения Румынии. Перешедшие в ее владение Трансильвания и прилегающие к ней области Банат, Парциум (согласно румынской терминологии – Кришана) и Марамуреш занимали площадь более 100 тыс. кв. км., что превосходило по территории Венгрию в ее новых границах (93 тыс.).

Территория нового венгерского государства, согласно Трианонскому договору, составила около 30% площади исторического Венгерского королевства. На ней в год Трианона проживал всего 41% населения довоенной Венгрии, при этом наряду с землями, где основное ядро населения составляли прежние национальные меньшинства (хорваты, сербы, румыны, словаки, закарпатские русины), к соседним странам отошел и ряд территорий с преобладанием венгерского этноса (в частности, в Южной Словакии и в Восточной Трансильвании, вдали от венгеро-румынских границ).

беспримерное национальное унижение². Контакты с генералом Комиссаровым оказались в общем безрезультатными. Хортисты осознали, что Белое дело в России проиграно, и средства, запрашивавшиеся Белым движением через этого генерала, будут выброшены на ветер.

Что касается самого Врангеля, то он, не питая больших надежд на помощь с венгерской стороны, счел вместе с тем нелишним обратиться из Крыма с письмом к адмиралу М. Хорти. Написанное на французском языке, оно датировано 14 июля 1920 г. В письме было высказано признание Хорти за его решительную и успешную борьбу с большевиками, выражена надежда, что в будущем два народа, которые ранее многое разделяло, станут ближе друг к другу. Хорти столь же вежливо ответил, что, и по его мнению, два государства, прежде находившиеся в противоположных станах, будут плодотворно сотрудничать на международной арене [5. 538. о.]. Впрочем, исследователи так и не установили, дошло ли ответное письмо Хорти до адресата. Никакое сотрудничество наладить не успели, к концу осени 1920 г. армия Врангеля потерпела окончательное поражение; остатки войска и часть поддерживавшего Белую армию гражданского населения покинули Россию и через Турцию расселились по разным европейским странам, включая соседние с Венгрией Чехословакию и будущую Югославию.

П.Н. Врангель не воспринимал Венгрию как страну, способную дать приют офицерам и солдатам его армии. Как писал он впоследствии в мемуарах, «в случае необходимости для нас оставить родную землю нам трудно было рассчитывать на сочувствие других стран. Ни одна из них, вероятно, не согласилась бы дать нам приют. Исключение могли составить лишь славянские страны, и прежде всего Сербия, столь многим обязанная Великой России» [8. С. 413]. Тем не менее в Венгрии осело несколько тысяч человек (в результате достигнутой с хортистскими властями договоренности особенно большая партия беженцев прибыла из Турции в течение 1922 г.). И после поражения Белого движения режим Хорти продолжал сохранять определенную популярность в российских консервативно-монархических кругах, теперь уже эмигрантских. Ветеранов Белой армии сближали с хортистской элитой общность консервативных политических идеалов, приверженность авторитарным методам. Разрабатывавшиеся представителями русской военной эмиграции доктрины борьбы с большевизмом отводили свою роль режиму Хорти. Так, обосновавшиеся в Софии генерал Кутепов и его окружение призывали венгерских военных экспертов приехать в Софию для разработки совместно с белогвардейскими генералами конкретных планов вторжения в Советскую Россию [5]. При этом консервативно настроенное русское офицерство не ограничивалось выражением восторгов в отноше-

² Вследствие Трианонского договора неизменно претендовавшая на ведущую роль на востоке Центральной Европы Венгрия была низведена до положения одного из малых государств (соседние Румыния, Чехословакия и Югославия, каждая в отдельности, превзошли Венгрию по площади и по численности населения). Внешняя политика хортистских правительств, направленная на ревизию трианонских границ, находила поддержку в весьма широких слоях венгерского общества, с немалым трудом психологически адаптировавшегося к новой геополитической ситуации. Особенно восприимчивыми к реваншистским, ревизионистским лозунгам оказались 3 млн венгров, волею держав-победительниц оторванных от матери-родины. С точки зрения внутренней политики лозунг ревизии Трианона имел огромное консолидирующее значение, будучи важнейшим инструментом достижения национального единства.

нии контрреволюционной Венгрии (в том числе в прессе), оно рассчитывало на ответные симпатии, просило у хортистов денег и оружия.

Наиболее удачливым оказался, пожалуй, генерал В. Бискупский, обратившийся еще в 1920 г. к венгерским властям с просьбой о финансовой помощи для осуществления антисоветских акций, и несмотря на отрицательный отзыв, поступивший через венгерскую агентуру от барона Врангеля, получивший примерно пятую часть запрошенной суммы [5. 542–544. о.]. Другие аналогичные попытки русских эмигрантов-монархистов вовлечь венгерских единомышленников в военные и политические авантюры антисоветской направленности заканчивались, как правило, неудачей. Хортистская Венгрия, с трудом привыкшая к новым границам страны и находившаяся к тому же в состоянии экономической разрухи, не была готова оказать серьезную материальную поддержку антибольшевистскому движению, ограничиваясь выражением моральной солидарности. Если же правящие венгерские круги и соглашались кому-то помочь реально, они нуждались в конкретной информации, хотели знать, на что будут потрачены деньги.

При этом следует иметь в виду, что по мере отката революционной волны в Европе, стабилизации международных отношений и консолидации самого хортистского режима (связанной с именем многолетнего премьер-министра графа И. Бетлена) ультраправые политики, склонные к политическому авантюризму, отодвигались на задний план, уступая место более умеренным и осторожным традиционным консерваторам (в первую очередь из аристократической среды). Эти люди не были склонны к поддержке явно авантюристических акций, предпочитая следить за развитием международной обстановки и выжидать удобный момент для предъявления территориальных требований Венгрии к соседним странам. Не получила, в частности, серьезной поддержки инициатива генерала Кутепова, который в начале 1922 г. через офицеров-эмигрантов Щегловитова и Краузе просил у венгерских властей не денег, а только содействия в покупке большого количества лошадей для Белой армии, которая была бы сформирована на Балканах для вторжения в Россию [5. 545. о.]. К 1922 г. фактически свертывается и работа по формированию в Венгрии белогвардейского легиона. Инициатор этой акции, в прошлом приближенный Н.Н. Юденича генерал Глазенапп хотел привлечь в этот легион белоэмигрантов, обосновавшихся не только в Венгрии, но также в Чехословакии и Польше, и ему действительно удалось в 1920–1921 гг. собрать под свои знамена около 1500 человек. Однако венгерские власти не только не считали русских белоэмигрантов серьезной военной силой, но не были особенно высокого мнения о Глазенаппе, воспринимали его как политического авантюриста, а потому со временем отказали ему в реальной поддержке. Кстати говоря, Глазенапп имел примерно такую же репутацию и в белоэмигрантской среде, в том числе благодаря связям с Б. Савинковым (см. [5. 548–549. о.; 9. С. 517–518]). Попытка Глазенаппа создать в Венгрии белогвардейское формирование была не единственной в своем роде. В начале 1920-х годов вооруженные отряды, состоявшие из белоэмигрантов, были сформированы также на юго-западе Венгрии, в районе Печа и Сомбатхея. Занимались этим офицеры войска Врангеля, поселившиеся в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Известно также, что в 1922 г. в Будапешт выехал из Парижа представитель Врангеля казачий полковник Небогатов для того, чтобы провести работу среди обосновавшихся в Венгрии 2000 казаков для учета и регистрации желающих записаться в антибольшевистскую добровольческую армию [9. С. 273].

Не чуждый наиболее влиятельным в 1920-е годы хортистским деятелям внешнеполитический прагматизм, заставлявший их сторониться явных белоэмигрантских авантюр, более всего проявился именно в отношениях с Советской Россией, а затем СССР. Хорти и его окружение с крайней враждебностью и страхом относились к большевизму, тем более что коммунистический эксперимент 1919 г. в их собственной стране воспринимался как одна из непосредственных причин краха исторической Венгрии в границах королевства «святого Стефана (Иштвана)». «Для человечества нет спокойствия, безопасности и счастья, пока не уничтожим Советы», – такова была позиция Хорти, изложенная в одном из писем Гитлеру [10. С. 292]. Однако при всей взаимной ненависти СССР и контрреволюционную хортистскую Венгрию сближали не только неприятие Версальской системы, но и общие территориальные претензии к Румынии, что создавало почву для конкретного сотрудничества. Уже начиная с 1922 г. происходят первые попытки сближения Будапешта и Москвы по дипломатической линии (см. [11]). С венгерской стороны был проявлен интерес и к становлению торговых связей (см. [12]). В дальнейшем на негативное отношение хортистской элиты к белой эмиграции (не только в самой стране, но и в более общем плане) повлиял наряду с более прагматическим отношением к СССР и еще ряд факторов. Во-первых, мощная белая эмиграция в КСХС поддерживала территориальные претензии молодого югославянского государства к хортистской Венгрии. Такую же позицию занимали в сущности и русские беженцы, поселившиеся на юго-западе Венгрии, в г. Печ и его окрестностях, которые до 1921 г. контролировались армией КСХС. Собственно говоря, они и осели в этих землях в расчете на то, что эти территории отойдут к КСХС.

Во-вторых, российские эмигранты-монархисты, поселившиеся в Венгрии, поддерживали более тесные связи с так называемыми легитимистами, т.е. той частью венгерской аристократии, которая выступала за реставрацию Габсбургов на венгерском троне. В 1921 г. последний из коронованных Габсбургов, Карл I (IV), в расчете на поддержку легитимистов дважды пытался восстановить свою власть в Венгрии. Однако регент Хорти и его окружение пресекли эти попытки, поскольку были уверены, что возвращение Габсбургов не только усилит сплоченность соседних молодых государств на антивенгерской платформе, но и осложнит отношения Венгрии с некоторыми другими державами (в том числе с Италией), затруднит выход хортистского режима из внешнеполитической изоляции. Ошибочный выбор русской монархической эмиграции в пользу легитимистов лишил их политического доверия хортистских властей и основной части правой венгерской элиты.

В-третьих, часть русских эмигрантов, проживавших в Венгрии, поддерживала определенные связи с непримиримо враждебной хортистам Чехословакией, а провозглашенная президентом Т.Г. Масариком «русская акция» помощи эмигрантам была воспринята в Венгрии с подозрением, как своего рода средство подкупа российских беженцев (не только в самой Чехословакии, но и за ее пределами) с тем, чтобы заставить их принять Версальскую систему, на пересмотр которой решительно была направлена вся внешняя политика хортистского режима. В 1930-е годы ситуация еще более усугубилась в глазах венгерской политической элиты. Когда ненавистная Хорти Чехословакия (по его выражению, «злокачественная опухоль Европы») стала ориентироваться на союз с СССР, а в 1935 г. заключила с ним договор, это дало регенту венгерского королевства основания в переписке с Гитлером сделать вывод о том, что славянство сейчас «почти идентично с большевизмом» [13. Ф. 077. Оп. 29. Папка 137. Д. 55. Л. 160].

Хотя среди российской политически активной эмиграции в Венгрии более приемлемые для властей германофилы однозначно преобладали над совершенно неприемлемыми франкофилами, полного доверия не было и к первым. В одном из документов (записке, подготовленной в венгерском министерстве обороны; введена в научный оборот И. Халасом), отмечалось: хотя в среде русских монархистов некоторые считают себя германофилами, но прежде всего они являются панславистами и будут поддерживать любую державу в той мере, в какой она будет способна оказать поддержку панславизму [5. 551–552. о.]. В Венгрии еще с середины XIX в. в силу исторически сложившихся обстоятельств (пророссийская ориентация значительной части национальных движений славян Дунайской монархии, решающая роль России в разгроме венгерской революционной армии и подавлении революции в 1849 г., столкновение интересов российской и венгерской политических элит на Балканах в последней четверти XIX – начале XX в.) панславизм традиционно воспринимался как главная угроза самим основам государственного существования (см. [14]). Стратегическую позицию венгерских правящих кругов, остававшуюся неизменной до конца Первой мировой войны, довольно откровенно выразила еще в 1860-е годы газета «Pesti Napló»: «Мы считаем, что не заслуживает права называться венгерским политиком тот, кто главной опасностью для Венгрии считает не русскую, кто не в естественных противниках русских видит естественных союзников Венгрии» (цит. по [15. S. 21]).

Таким образом, на отношение к русским эмигрантам были спроецированы традиционные антиславянские и антирусские комплексы и страхи венгерской (и не только консервативной³) политической элиты. Российский монархизм представлялся традиционным врагом, опорой центробежных национальных движений, приведших в конце концов историческую Венгрию к трианонскому краху. И дело в принципе не менялось от того, что некоторые монархисты при решении сиюминутных политических задач избрали себе в качестве временного союзника хортистский режим. Венгерские министерские чиновники также осознавали, что тяжелые жизненные условия вынудят эмигрантов принимать материальную поддержку независимо от своих убеждений [5. 552. о.]. Как явствует из вышеупомянутой записки, в министерстве обороны считали необходимым ограничивать не только деловую, но и светскую активность русских эмигрантов во избежание занятия некоторыми из них таких общественных позиций, которые дали бы им возможность вести разведывательную деятельность [5. 552. о.].

Итак, сближение хортистов и деятелей Белого движения, обусловленное общностью важных тактических целей, едва наметилось в 1919–1921 гг., но в сущности так и не состоялось. Планы использования эмигрантов против Советской России были отброшены в Будапеште в виду их нереальности, осталось лишь подозрение к людям, склонным к политическим авантюрам. По мере того, как на первый план в политической жизни Венгрии выдвигались не правые экстремисты, а традиционные консерваторы эпохи дуализма (со своими представлениями о приоритетах венгерской политики, своей системой ценностей, и

³ Первая мировая война, где главным противником монархии Габсбургов стала именно Россия, была в целом поддержана и на левом фланге венгерского общественного мнения. «Европейская культура вступает в борьбу с российским варварством... Падение России означает победу более высокой культуры и большей свободы», – писала 3 сентября 1914 г. социал-демократическая газета «Népszava».

отдававшие предпочтение привычным им методам), возвращалось и традиционное недоверие к России. Прагматический интерес и сочувствие властей к беженцам из России быстро сменились подозрением, что отнюдь не благоприятствовало и без того тяжелому положению русской диаспоры⁴.

Существовал ряд факторов, препятствовавших притоку русских эмигрантов в Венгрию. Во-первых, Венгрия не была славянской страной, а потому в данном случае отсутствовал такой мотив, как чувство славянской взаимности. Во-вторых, культурные связи до революции не были слишком интенсивными (см. [14]). В-третьих, нельзя сбрасывать со счетов такой фактор, как трудность языка. Французским, немецким и английским в той или иной степени владела значительная часть эмигрантов (во всяком случае тех, кто принадлежал к высшим слоям дореволюционного общества), тогда как славянские языки были более доступны. В-четвертых, враждебные отношения двух стран до 1918 г. и русофобия венгерской политической элиты, о которой речь уже шла выше. Факторами, способствовавшими притоку эмигрантов, были расположение страны в центре Европе, в соседстве с такими важными пристанищами эмигрантов, как Чехословакия и Югославия, относительная дешевизна жизни, а также относительная близость России (мотив этот играл определенную роль в начале 1920-х годов, когда многие надеялись на скорое возвращение на родину).

По количеству российских эмигрантов, проживавших на ее территории, Венгрия занимала довольно второстепенное место. Согласно цифрам, приведенным верховным комиссаром Лиги Наций по делам военнопленных и беженцев Ф. Нансеном в отчете за 1929 г., в Венгрии было зарегистрировано 4764 беженца из России, не имевших гражданства [1. С. 19]. Скажем для сравнения, что во Франции в это же время находилось 400 тыс., в Германии 200 тыс., в соседней с Венгрией Румынии 70 тыс. российских беженцев. Вместе с тем, согласно приведенным Нансеном данным, в Венгрии в 1929 г. было больше выходцев из России, нежели в Италии, Австрии, Швейцарии, Греции, Японии, Швеции, Испании и даже в это время в Турции, ставшей для многих из них первоначальным, временным пристанищем [1. С. 19]. В 1936–1937 гг. в Венгрии было зарегистрировано около 4000 российских беженцев с так называемыми «нансеновскими» паспортами (лиц без гражданства) [5. 546. о].

Таким образом, русские эмигранты не составляли значительного слоя, что заставило бы власти разработать определенную долгосрочную концепцию отношений с ними, подобно тому, как это имело место в соседней Чехословакии. Вместе с тем, как и в любой другой стране, здесь формируются свои механизмы защиты интересов выходцев из России. До 1921 г. права русских эмигрантов пытался отстаивать продолжавший проживать в Будапеште бывший консул

⁴ Необходимо отметить, что русская диаспора в межвоенной Венгрии не ограничивалась белоэмигрантами. К ней относились также те бывшие военнопленные, которые, выйдя на свободу из лагерей по инициативе правительства М. Каройи в конце 1918 – начале 1919 г., не захотели вернуться домой (большинство из них обзавелось семьями). Другая категория лиц, относившихся к русской диаспоре – это русские жены венгерских военнопленных, вернувшихся домой. Многие венгры, возвратившиеся на родину из российского плена, хорошо владели русским языком и охотно общались с беженцами из России, проявляя к ним весьма доброжелательное отношение. «Русский язык благодаря пленным очень распространен... Пленные венгры повезли с собой русских жен», – отметила в дневнике молодая жена генерала А.И. Деникина в период их жизни в Шопроне (цит. по [16. С. 100]).

Российской империи князь П. Волконский. Непризнание хортистами большевистского режима было для него аргументом в пользу сохранения собственных дипломатических полномочий. Однако, начиная с 1921 г., ввиду явной рудиментарности князя Волконского венгерские власти предпочитали иметь дело с полковником царской и генерал-майором врангелевской армии А. фон Лампе, одним из лидеров «Русского общевойскаского союза» (РОВС), довольно видной фигурой российской военной эмиграции (о деятельности фон Лампе в Венгрии см. [16. С. 94–96]). Представляя интересы Врангеля (как самопровозглашенного правителя России в эмиграции) в Берлине, фон Лампе часто навещался в Будапешт, где, по некоторым данным, в 1922 г. был принят самим регентом Хорти, давшим личное согласие разместить в Венгрии партию эмигрантов-врангелевцев численностью более 1000 человек, покидавших Турцию. В венгерской столице у фон Лампе, как и у Волконского, был собственный офис, в октябре 1924 г., впрочем, закрытый за неимением средств. С этих пор хортистские власти предпочитали решать проблемы, связанные с положением русских беженцев, с комиссаром ведомства Ф. Нансена А. Раймоном. В отличие от эмигрантов, проявивших себя как авантюристы, такие серьезные люди, как Волконский и фон Лампе, были вхожи в правительственные кабинеты и после того, как утратили свои официальные функции. Вместе с тем предпринятая фон Лампе в 1925 г. попытка добиться государственной аккредитации в качестве защитника интересов русских беженцев, натолкнулась на отказ – генералу было заявлено, что он претендует на полномочия, входящие в компетенцию ведомства Нансена.

При первой же встрече с А. Раймоном в ноябре 1924 г. уполномоченные венгерского правительства обязались гарантировать русским беженцам все права, прописанные в международном законодательстве, но заявили также о своей неспособности оказать им материальную помощь. Раймон инициировал создание специальной комиссии, которая занималась проблемами материального обеспечения русских беженцев, опираясь на поддержку частных лиц. Комиссия попыталась получить доступ к некоторым банковским счетам, сохранившимся со времен царского режима (прежде всего тем, которые находились в ведении имперского МИДа и были призваны поддерживать финансовое обеспечение российских дипломатических представительств за рубежом). Затея эта, впрочем, закончилась неудачей, поскольку не получила одобрения венгерского правительства.

В элитном слое русской эмиграции в Венгрии доминировали люди правых, монархических убеждений, в том числе, как уже отмечалось, выходцы из аристократических фамилий, сочувственно принятые венгерской аристократической средой, проявившей классовую солидарность. Лучше других интегрировались в высшее венгерское общество немцы из балтийских баронов, но определенное уважение было оказано и отпрыскам русских аристократических родов. Либералы, а тем более социалисты, как правило, предпочли Венгрии соседнюю Чехословакию, тем более что венгерские власти в свою очередь проявили больше охоты приютить консерваторов. Более всего они, как отмечалось, опасались, что российская эмиграция станет рассадником франкофильства и агентурой главного внешнего врага. С самого начала однозначно плохо относясь к левой и леволиберальной эмиграции, хортисты после негативного опыта с поддержкой легитимистского путча со все большей настороженностью поглядывали и на монархистов, поскольку среди них было не меньше авантюристов, чем в левоэмигрантской среде. Тем не менее в июне 1922 г. в Будапеште удалось провести съезд представителей белоэмигрантских монархических организаций

разных стран. В европейских белоэмигрантских кругах венгерская столица воспринималась исключительно как один из центров монархической эмиграции (информацию о некоторых представителях русской военной эмиграции в Венгрии см. [17]).

Отношения внутри русской эмигрантской элиты в Венгрии были сложными. За разногласиями в вопросе о престолонаследии стояли расхождения во внешнеполитических ориентациях. Часть монархистов (преимущественно германофилы) воспринимала в качестве главы императорского дома Романовых двоюродного брата последнего царя великого князя Кирилла Владимировича, другие (более франкофильски настроенные) ориентировались на дядю последнего царя, Верховного Главнокомандующего Российской армией во время Первой мировой войны великого князя Николая Николаевича. Имели место активные попытки скомпрометировать друг друга в глазах венгерских хозяев. Так, в конце 1923 – начале 1924 г. сторонники Кирилла, зная о том, что люди Врангеля в большей мере поддерживают Николая Николаевича, обвинили фон Лампе в том, что тот состоит на французской службе. Хортистские власти хорошо знали о трениях в эмигрантской среде, но, как уже отмечалось, проявляли определенное недоверие к обеим основным группировкам.

Самый авторитетный эмигрант, А.И. Деникин, как правило, сторонился активной общественной и светской жизни. «Здесь держит себя вдали от всяких дрязг с достоинством и большой простотой генерал Деникин», – отмечал в одном из писем бывший российский консул в Будапеште князь П. Волконский [16. С. 101]. Именно чувство собственного достоинства заставило Деникина отвергнуть предложение соратников по эмиграции добиться приема у Хорти – русский генерал и венгерский адмирал находились не в равном положении.

Деникин жил в Венгрии в 1922–1925 гг. – в Шопроне, Будапеште, но большую часть времени провел на озере Балатон, занимаясь не только литературным, но сельскохозяйственным трудом. Здесь была написана большая часть его известных мемуаров «Очерки русской смуты». Особого доверия власти к нему не проявляли, подозревая в профранцузских симпатиях и перлюстрируя письма (особенно во время пребывания в приграничном Шопроне – городе, на который претендовала также Австрия). Однако отъезд знаменитого генерала из Венгрии был мотивирован не политическими причинами, а намерением отдать подрастающую дочь в русскую гимназию во Франции, а также желанием активнее сотрудничать с русскоязычной прессой – во Франции было больше возможностей что-то заработать литературным трудом (подробнее о пребывании А.И. Деникина в Венгрии см. [16. С. 98–101]).

Даже выходцы из наиболее родовитых аристократических фамилий испытывали в Венгрии серьезные материальные нужды. Многим, однако, помогало совершенное владение иностранными языками – они устраивались в качестве преподавателей французского, немецкого и английского языков. Потребность в преподавателях русского языка была невелика. Известно, правда, что бывший царский дипломат М. Самсонов, хорошо говоривший по-венгерски, преподавал русский язык студентам-экономистам, а его статьи (в том числе о международном правовом статусе русских эмигрантов) публиковались в венгерских правоведческих научных изданиях [18].

Было бы, конечно, ошибкой сводить всю эмиграцию к выходцам из высших слоев общества. Довольно много было казаков. Они часто селились в сельской местности, занимались земледелием и со временем адаптировались не к город-

ской, а к сельской среде обитания. Адаптация к венгерским условиям происходила среди казачества быстрее в сравнении с другими слоями эмиграции, поскольку молодые казаки женились на венгерках.

Важным центром, вокруг которого объединялись эмигранты, была русская православная церковь в Будапеште, подчинявшаяся пребывавшему в Париже митрополиту Евлогию. Раскол в русской зарубежной церкви, связанный с противоборством сторонников Евлогия и карловацкого митрополита Антония, сказывался и на взаимоотношениях русских эмигрантов в Венгрии. Наиболее заметной фигурой среди русских священников, живших в Венгрии, был выходец из донских казаков доктор богословия и философии Михаил Попов, с 1941 г. в течение ряда лет епископ венгерской православной церкви, к которой относилось не только русское, но и украинское (русинское), сербское, румынское население. В этом качестве он был членом верхней палаты венгерского парламента⁵. История русской православной церкви в Венгрии должна стать предметом самостоятельного изучения⁶. Необходимо, однако, иметь в виду, что российская эмиграция в Венгрии не сводилась к православным, довольно высокий процент составляли лютеране, были и католики (имевшие польские корни). В первой половине 1920-х годов в течение ряда лет в Венгрии жил Вацлав Нижинский, который еще в 1913 г. женился на венгерской аристократке Р. Пульски [19]. В это время он был уже психически болен, не концертировал и не участвовал в светской жизни. В последний раз Нижинский посетил Венгрию вместе с женой в 1946 г., его приезд широко освещался в прессе.

Неподалеку от православной церкви действовала шестилетняя русская школа. При школе работала библиотека, так, генерал фон Лампе принес ей в дар несколько книг, изданных на русском языке в Берлине. Средней русской школы в Венгрии не было. Некоторые подростки получали образование в немногочисленных в межвоенной Венгрии немецкоязычных учебных заведениях. Но известны случаи, когда эмигранты, хотевшие дать своим детям среднее образование на родном языке, посылали их в русские средние школы Болгарии и Югославии. К середине 1920-х годов в шестилетней школе при церкви обучалось всего 15–20 детей, а потом она закрылась – обучение детей на русском языке становилось в Венгрии совершенно бесперспективным. Пресса на русском языке в Венгрии фактически не издавалась, но получали распространение некоторые газеты, выходившие в других странах, особенно в Германии.

Наряду с церковью и школой возникали и другие формы сплочения русского общества (например, русские балы). Большое внимание проявлялось к редким гастролям русских артистов, особенно Ф.И. Шаляпина. Часто собирались вместе, для того чтобы отметить свои традиционные праздники, выходцы из казачества.

⁵ Венгерское гражданство М. Попов, в 1930-е годы преподававший русскую филологию в Дебреценском университете, получил по ходатайству премьер-министра П. Телеки, с которым был знаком. В 1944 г. Попов, будучи главой венгерской православной церкви, вступил в конфликт с пришедшими к власти нилашистами и только по счастливому стечению обстоятельств избежал гибели. В 1947 г. М. Попов, к этому времени вернувшийся к университетской преподавательской практике, был арестован органами НКВД и в течение нескольких лет находился в заключении в СССР. После освобождения в 1950-е годы вернулся в Венгрию, преподавал иностранные языки. Умер в 1969 г. (см. о его судьбе [16. С. 91–92]).

⁶ Еще до Первой мировой войны была основана домовая церковь при российском генеральном консульстве в Будапеште.

Русское светское общество, однако, быстро изживало себя по мере того, как уходили в мир иной старшие поколения, переселялись в другие страны политически активные эмигранты и происходил неуклонный процесс ассимиляции.

Русская эмиграция в Венгрии была неравномерно представлена в географическом отношении. Помимо Будапешта ее важным центром, по уже названным причинам, стал Печ. К середине 1940-х годов численность эмигрантов заметно уменьшилась, многие стали жертвами лишений военного времени, некоторые, опасаясь преследований, по мере приближения Красной армии уезжали на Запад. Часть была арестована органами НКВД. Поскольку нансеновские паспорта остались в прошлом, некоторые выжившие приняли венгерское подданство, что, впрочем, в начале 1950-х годов не спасало их от не менее жестоких преследований собственной службы безопасности⁷. Можно, впрочем, привести и ряд примеров удачной адаптации к венгерским условиям и выживания после длительной полосы мытарств. Некоторым выходцам из эмиграции помогла найти себя в послевоенной Венгрии резко возросшая потребность в переводчиках и преподавателях русского языка. Так, в первые послевоенные годы единственным в Пече квалифицированным университетским преподавателем русского языка и литературы был врангелевский офицер Александр Ловягин, поддерживавший связи и с советскими коллегами, приезжавшими в страну [13. Ф. 077. Оп. 26. Папка 119. Д. 44. Л. 50–54]. Дальнейшая судьба его теряется в водовороте истории, как и судьбы многих других русских беженцев, оказавшихся в Венгрии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Серационова Е.П.* Российская эмиграция в Чехословацкой Республике (20–30-е годы). М., 1995.
2. *Косик В.И.* Русская церковь в Югославии (20–40-е гг. XX века). М., 2000.
3. *Йованович М.* Русская эмиграция на Балканах, 1920–1940. М., 2005.
4. *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? М., 2007. Ч. 1.
5. *Halász I.* Az orosz fehér emigránsok és Magyarország a huszas évek elején // *Ezredforduló – századforduló – hetvenedik évforduló.* Szerk. J. Újváry Zs. Piliscsaba, 2001.
6. *Козлов А.И.* Антон Иванович Деникин // *Вопросы истории*, 1995. № 10.
7. *Ипполитов Г.* Деникин (серия ЖЗЛ). 2-е изд. М., 2006.
8. *Врангель П.Н.* Воспоминания. 1916–1920. М., 2006.
9. Русская военная эмиграция 20–40-х годов. Документы и материалы. М., 1998. Т. 1. Кн. 2.
10. История Венгрии. М., 1972. Т. 3.
11. *Seres A.* Két dokumentum az 1922. évi berlini titkos szovjet-magyar tárgyalásokról // *Levéltári Szemle.* Budapest, 2000. № 1.
12. *Seres A.* A szovjet piac “meghódítása” és a magyar töke Trianon után. Iratok a szovjet-magyar vegyes kereskedelmi társaság történetéhez (1923) // *Századok*, 2006. № 1.
13. Архив внешней политики России МИД РФ.
14. *Стыкалин А.С.* Восприятие русской культуры в Венгрии в XIX – первой половине XX в. в меняющемся историческом контексте. Основные тенденции и этапы // Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа. Материалы международной научной конференции. М., 2004.
15. *Dioszégyi I.* Österreich-Ungarn und der französisch-preussische Krieg 1870–1871. Budapest, 1974.
16. *Аристов В.* Русский мир Будапешта и Венгрии. Будапешт, 2003.
17. *Рутыч Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и вооруженных сил юга России (Материалы к истории Белого движения). М., 1997.
18. *Samsonov M.* Az orosz emigráns nemzetközi státusa // *Jog-és Államtudományi Szemle.* 1936. 1. füzet.
19. *Нижинская Р.* Вацлав Нижинский. М., 1996.

⁷ Описание судеб некоторых россиян, эмигрировавших в начале 1920-х годов в Венгрию, см. в добросовестной книге петербургского журналиста и историка В. Аристова [16].

© 2009 г. В. И. КОСИК

РУССКАЯ КУЛЬТУРА В СЛОВЕНИИ XX века (русские имена в театре)

Внимательное изучение таких скучных выпусков, как «Репертуар словенских театров» за XX в. позволяет сделать ряд исключительно важных выводов. Разумеется, и до революций 1917 г. словенский зритель был знаком с русской пьесой, прежде всего с творчеством А.П. Чехова. С течением времени словенцы могли считать себя знающими русскую и советскую классику:

Академия театра, радио и телевидения – К.А. Тренев «Гимназисты» (1949) [1]; Ф.М. Достоевский «Кроткая» (1970) [2]; А.П. Чехов «Медведь» (1980), «Свадьба» (1980) [3].

Городской театр Любляны – А.П. Чехов «Чайка» (1955), «Дядя Ваня» (1957), «Платонов» (1965), Н.В. Гоголь «Женитьба» (1955), В.В. Шкваркин «Чужой ребенок» (1958), М. Горький «Мещане» (1956), Н.Н. Евреинов «Комедия счастья» (1957), В.П. Катаев «День отдыха» (1961), А.Н. Арбузов «Иркутская история» (1962) [1]; М.А. Булгаков «Собачье сердце» (1979), А.В. Вампилов «Утиная охота» (1982) [3]; А. Галин «В Москву и обратно» (1984), А. Гельман «Скамейка» (1987), А.П. Чехов «Три сестры» (1987) [4]; В. Кунин «Интердевочка» (1991), А.С. Пушкин «Моцарт и Сальери» (1991) [5].

Молодежный театр Любляны – Е. Шварц «Голый король» (1964) [1]; А.П. Чехов «Три сестры» (1992) [5].

Словенский драматический театр в Триесте – И.С. Тургенев «Чужой хлеб» (1918), Л.Н. Андреев «Анфиса» (1919), Н.В. Гоголь «Ревизор» (1919, 1951), «Женитьба» (1948, 1956), К.М. Симонов «Так и будет» (1946), «Русский вопрос» (1948), М. Горький «Васса Железнова» (1953), В.П. Катаев «Квадратура круга» (1956), А.П. Чехов «Чайка» (1957), «На большой дороге» (1961) [1]; А.П. Чехов «Три сестры» (1968), Л.Н. Толстой «Власть тьмы» (1970) [2]; А.П. Чехов «Вишневый сад» (1973), М. Горький «Варвары» (1975) [6]; А.Н. Арбузов «Иркутская история» (1978), М.А. Булгаков «Иван Васильевич» (1979), В.Э. Мейерхольд и Ю. Бонди «Алину» (1979), Н.В. Гоголь «Женитьба» (1982) [3]; А.П. Чехов «Дядя Ваня» (1988) [5].

Словенский Народный театр в Мариборе (драма) – А.П. Чехов «Медведь» (1919), «Дядя Ваня» (1921), «Три сестры» (1925), Л.Н. Андреев «Гаудеамус» (1919), «Мысль» (1921), «Дни нашей жизни» (1922, 1930), Л.Н. Толстой «Власть

Косик Виктор Иванович – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН.

тмы» (1920), «Плоды просвещения» (1926), «Живой труп» (1936), М. Горький «На дне» (1920, 1940), «Васса Железнова» (1951), Л.Г. Биринский, «Молох» (1925), Н.В. Гоголь «Ревизор» (1922, 1927, 1937, 1950), «Женитьба» (1923, 1931, 1946, 1966), М.П. Арцыбашев «Ревность» (1923), А.В. Сухово-Кобылин «Свадьба Кречинского» (1923), И.Д. Сургучев «Осенние скрипки» (1923), А.Т. Аверченко «Игра со смертью» (1927), А.Н. Островский «Гроза» (1933), «Лес» (1947), «Бесприданница» (1949), И.С. Тургенев «Месяц в деревне» (1934), В.П. Катаев «Квадратура круга» (1935), «Миллион терзаний» (1946), В.В. Шкваркин «Чужой ребенок» (1936), Л.М. Леонов «Нашествие» (1945), Г.К. Булгаков «Новый дом» (1946), Н.И. Шестаков «Путь далекий» (1946), В.Н. Билль-Белоцерковский «Жизнь зовет» (1947), В.В. Иванов «Бронепоезд 14–69» (1947), С.Я. Маршак «Кошкин дом» (1948), К.М. Симонов «Русский вопрос» (1948), Е.П. Петров «Остров мира» (1949), С.В. Михалков «Веселое сновидение» (1949), К.Г. Паустовский «Перстень» (1966) [1]; А.Н. Островский «На всякого мудреца довольно простоты» (1973), А.П. Чехов «Дядя Ваня» (1974) [6]; А.В. Вампилов «Прошлым летом в Чулимске» (1978), А.С. Грибоедов «Горе от ума» (1980), М. Горький «Васса Железнова» (1982) [3]; А.П. Чехов «Три сестры» (1987), М.К. Павлова «Карусель Музы Павловой» (1988) [5].

Словенский театр в Целье – В. Заложникова «Золушка» (1919), «Спящая красавица» (1919), «Янко и Метко» (1920), Л.Н. Андреев «Мысль» (1920), А.П. Чехов «Медведь» (1920), «О вреде табака. – Трагик поневоле. – Свадьба. – Юбилей. – Медведь» (1956), Л.Н. Толстой. «Живой труп» (1930), Н.В. Гоголь «Ревизор» (1946), Г.К. Булгаков «Новый дом» (1947), А.Я. Бруштейн «Катюша» (1947), А.Н. Афиногенов «Далекое» (1949), С.В. Михалков «Особое задание» (1949), «Дикари» (1960), В.П. Катаев «Квадратура круга» (1953), А.С. Пушкин «Каменный гость» (1956), Д.И. Фонвизин «Бригадир» (1956), М. Горький «Враги» (1957) [1]; М. Горький «Мещане» (1969) [2]; А.П. Чехов «Чайка» (1973), М.А. Булгаков «Зойкина квартира» (1975) [6]; А.П. Чехов «Три сестры» (1978), Н.В. Гоголь «Женитьба» (1979) [3]; А.П. Чехов «Дядя Ваня» (1984) [4]; А. Галин «Звезды на утреннем небе» (1991), М.А. Булгаков «Багровый остров» (1991) [5].

Словенский театр в Птуе – Л.Н. Толстой «Власть тьмы» (1925), И. Д. Сургучев «Осенник скрипки» (1925), В. П. Катаев «Квадратура круга» (1937, 1945), А.Н. Островский «Лес» (1941, 1946), В.В. Шкваркин «Чужой ребенок» (1945), «Экзамен на жизнь» (1948), В.П. Катаев «Миллион терзаний» (1947), В.Н. Билль-Белоцерковский «Жизнь зовет» (1948), С.В. Михалков «Особое задание» (1949), Н.В. Гоголь «Женитьба» (1950), М. Горький «На дне» (1953) [1].

Театр Словенского приморья в Копере – В.В. Шкваркин «Чужой ребенок» (1951), Н.И. Шестаков «Путь далекий» (1953) [1].

Словенский национальный драматический театр в Любляне – А.Н. Островский «Волки и овцы» (1974), С.А. Найденов «Дети Ванюшина» (1974), Ф.М. Достоевский «Сон смешного человека» (1975), М. Горький «Дети солнца» (1975), М.А. Булгаков «Бег» (1976) [6]; А.Н. Арбузов «Старомодная комедия» (1977), М. Горький «Дачники» (1978), Н.В. Гоголь «Ревизор» (1981), А.Н. Островский «Лес» (1982) [3]; А.П. Чехов «Чайка» (1982), «Вишневый сад» (1986), М.А. Булгаков «Мольер. Кабала святош» (1983), Н.В. Гоголь «Игроки» (1986), «Записки сумасшедшего» (1987) [4]; Ф.М. Достоевский «Дядюшкин сон» (1987), В.П. Аксенов «Цапля» (1988), И.С. Тургенев «Месяц в деревне» (1990), «Преступление и наказание» (1990) [5].

Словенский Приморский театр в Новой Горице – А.П. Чехов «Дядя Ваня» (1978.), И.С. Тургенев «Месяц в деревне» (1982) [3]; Н.Р. Эрдман «Мандат» (1983), Л.Г. Биринский «Вртоглавци» («Сумасброды») (1987) [4].

Позволю себе здесь три коротких заметки. Во-первых словенский зритель смотрел не только «классического» Чехова и других «нотаблей» русской и советской драматургии, но и знакомился с творчеством М.К. Павловой, «самиздатское» искусство которой было «чуждо» официальной советской Москве. Во-вторых, взлет советских пьес, написанных такими авторами, как Афиногенов, Леонов, Симонов, пришелся на первые годы после войны, когда авторитет Москвы и ее дружба с Белградом были сильны. В-третьих, на сценах словенских театров ставились сочинения, написанные эмигрантами, осевшими в югославских странах, в том числе и в Словении.

Теперь о красавице, любимице Любляны Марии Николаевне Наблоцкой (Бориславская-Наблоцкая) (1892, по данным П.В. Борисова: 1890–1969, Любляна) и режиссере Борисе Николаевиче Путяте (ок. 1872, Москва у В.Н. Чувакова; у Н.М. Вагаповой –1871, Швейцария; по уточненным данным П.В. Борисова: Монтре, – 08.04.1925, Панчево), связанному с Марией Николаевной отношениями больше чем профессиональными.

Итак, актриса Наблоцкая. Когда Мария Николаевна ушла из жизни, точнее для нее, из своего любимого театрального мира, то проводить ее на кладбище «пришла почти вся Любляна» [7. С. 18]. Это было последним признанием в любви к великой актрисе.

Была ли она счастлива? На сцене, конечно. В жизни сложнее, ради театральных подмостков она оставила семью, что говорит об исключительном влечении, о страсти к этой вечной игре со зрителем, с собой, с действующими лицами, которыми живешь/играешь несколько часов, и так всю жизнь.

Она родилась в театральной семье: мать была актрисой [8. S. 10], отец – антрепренером, держал театры в Омске, Томске и Иркутске, Уфе [8. S. 67–68]. Воспитывалась дедом, который был решительным противником, чтобы его внучка стала бы актрисой. Но театр, видимо, был в крови. Уже в детстве, воображая себя актрисой, она проговаривала вымышленные ею же диалоги, что послужило поводом прозвать ее Попприциным, который отличался тем же «даром». Таковы были ее «первые театральные шаги». Театр посещала во время летних каникул [8. S. 10, 12]. В Одессе вышла замуж семнадцати лет за К.К. Балиоца, имела двух сыновей – Якова и Ивана [9. S. 125]. Через четыре года уехала в Киев, где встретила Путяту, который, видя ее талант, начал учить артистическому ремеслу. Свою первую роль она сыграла в 1916 г. на киевской сцене в пьесе Бярятинского «Карьера Наблоцкого», откуда и возник ее псевдоним, ставший фамилией. Потом была Москва, театр Корша, затем Харьков, выступления в труппе Н.Н. Синельникова [8. S. 13, 14]. Именно он тогда защитил ее игру от поправок режиссера, сказав: «Оставьте ее! Она все делает по своему... и в этом ее привлекательность» [8. S. 35]. 22 августа 1922 г. уехала из Тифлиса в Любляну, куда ее звал Путята [8. S. 15]. Тогда он как раз завершал драматизацию «Идиота» Достоевского и с нетерпением ждал ее приезда, чтобы вместе работать над ролью Настасьи Филипповны [10. S. 28]. Приехав в Любляну 21 сентября [9. S. 123], она в ноябре играла уже на словенском [8. S. 100], которому училась у знаменитого поэта Отона Жупанчича [8. S. 88].

Ее дебют был блестящим. Она произвела огромное впечатление на театралов «не только замечательной игрой, но и своей очаровательной внешностью»

[10. S. 29]. И хотя русский акцент у нее остался, но «некоторым зрителям он нравился» [10. S. 29]. Мария Николаевна играла не только в спектаклях русской классической драматургии, но и в пьесах национальных авторов, ради примера назову Ивана Цанкара, Мирослава Крлежу; в постановках мировой классики. Ее первым словенским режиссером был знаменитый Осип Шест [8. S. 90].

Имя русской красавицы не сходило с театральных афиш. Историк словенского театра Д. Моравец писал, что Мария Николаевна Наблоцкая, будучи «подлинной художницей», рисуемых ею на сцене различных женских характеров, обладала даром, умением «перешагнуть ту грань, за которой актерское искусство теряет свой «репродуктивный» характер и становится самостоятельным творчеством» [11. С. 87, 88]. В театре ее любили, особенно женская часть труппы, за ее теплоту в общении, любовь к ближнему [10. S. 29]. Судя по воспоминаниям П.В. Борисова, Наблоцкая не только выступала на сцене Люблянско-го театра, но и играла в нескольких словенских фильмах [12]. Так, в 1953 г. снялась в фильме «Высочки» [8. S. 99]. Добавлю, что глуховатой Наблоцкой приходилось играть на сцене без суфлера [12]. Летом 1947 г. на праздновании театральной Любляной 25-летия сценической деятельности на словенской сцене на нее обрушился шквал поздравлений и прочувствованных, искренних слов. Так, Франце Водник назвал ее в числе трех великих актрис словенского театра, вместе с Марией Верой и Шаричевой. Певец Юлий Беттето писал, что она представляла настоящего человека без мудрствований [8. S. 64]. Знаменитый словенский поэт Отон Жупанчич в своем письме, вспоминая ее роли Настасьи Филипповны, шекспировской Беатриче, подчеркивал, что в представленных ею на сцене ликах она открыла также и тайну своей женственности, человечности и светлого, теплого искусства [8. S. 65]. В 1949 г. была награждена орденом Труда 2-й степени [8. S. 112]. За одиннадцать послевоенных сезонов, начиная с сезона 1945/46 г., у нее было 479 выступлений [8. S. 119].

Личная жизнь после ухода из жизни тяжело болевшего Путятты, казалось, складывалась хорошо. Она вышла замуж за студента и была счастлива, пока он не погиб в автокатастрофе. Потерю она глубоко переживала, пыталась забыть-ся... [10. S. 29]. Время вылечило, помогла и любимая работа. Закончила свои выступления в 1950-х годах играя в пьесе Жана Жироду «Безумная из Шайо».

Теперь о Борисе Николаевиче Путятте, который, получив военное, потом юридическое образование, предпочел солидной карьере адвоката актерство, играя в различных театрах.

По Москве говорили, что он сменил профессию из-за любви к красивой актрисе.

В 1920 г. из Севастополя через Царьград он эмигрировал в Королевство СХС и обосновался в Любляне. Словенским театрам Путятта запомнился не только как блестящий актер, игравший главные роли во многих спектаклях русской классики, национальных авторов, мировой драматургии, но и в должности режиссера, воспитателя. Театровед Наталья Вагапова пишет, что в 1930-х годах писатель Юш Козак утверждал, что Борис Николаевич «распахнул нашему театру окно в большой мир» [11. С. 84]. Такого же мнения придерживается П.В. Борисов, который пишет, что Путятта «на развитие люблян[ского] драматического театра оказал большое влияние, режиссировал также классическую и современную комедию. Помог художественному развитию и воспитанию люблян[ского] драматического театра. Драматизировал Достоевского романы «Идиот» и «Село Степанчиково», а также «Анну Каренину» Толстого» [12].

Жупанчич писал о Путяте «как о словенском режиссере и словенском актере [8. S. 99].

Еще одно мнение, теперь словенского поэта и драматурга Павла Голия: «Это мастер искусства по милости Божией знает как совершенно слиться с играемой им ролью», мастер владеющий исключительно богатыми пластикой, дикцией, вокалом [8. S. 101].

Но не всегда русское имя означало аншлаг. Так, на люблянском театральном горизонте в начале 1920-х годов «промелькнула» труппа под руководством М. Муратова. Ее история еще не вполне прояснена. Актеры открыли свои выступления в 1920 г. русской драмой «Анфиса» Л.Н. Андреева (2 сентября), потом последовали «Пигмалион» Б. Шоу (25 сентября), «Женитьба Фигаро» Ж. Бомарше (27 октября) и др. Почти вся труппа была принята в Народный театр. Однако словенские артисты, выступавшие за «словенскость» драмы, воспротивились и 1 ноября начали забастовку, которая длилась 12 дней и была прекращена после вмешательства функционеров из Белграда. Против забастовки выступил Путята, не признававший «забастовки в искусстве». Для него она выглядела «некультурной и неколлегиальной» По его мнению, словенскому театру не доставало особенно «техники коллективного творчества», поэтому труппа Муратова, писал он, «на очень скромных условиях» приняла предложенный ей ангажемент, хотя намеревалась ехать в Прагу. Труппа, подчеркивал Путята, желала привнести в молодой словенский театр 200-летнюю культуру русского театрального творчества [13. S. 82]. Тем не менее актерского союза не получилось и русские комедианты вскоре покинули сцену Любляны.

Русские имена были привычны и в оперных спектаклях, балетах, прежде всего в качестве композиторов. На сценах словенских театров XX в. звучала музыка П.И. Чайковского, М.П. Мусоргского, А.П. Бородина, М.И. Глинки, Н.А. Римского-Корсакова, С.С. Прокофьева, И.Ф. Стравинского, Д.Д. Шостаковича, С.В. Рахманинова, Б.В. Асафьева, Р.К. Щедрина, А.П. Петрова.

Первенство здесь держал Чайковский: с 1919 по 1992 г. было около четырех десятков представлений – опер, балетов. Первое место занимала опера «Евгений Онегин», исполнявшаяся 14 раз, второе – «Пиковая дама» – шесть раз, третье – «Лебединое озеро» – пять раз [1–6].

Музыка Н.А. Римского-Корсакова игралась с 1921 по 1970 г. в спектаклях: «Моцарт и Сальери», «Царская невеста», «Майская ночь», «Снегурочка», «Золотой петушок», «Шехерезада», «Испанское каприччио». Больше всего – пять представлений – выдержала «Шехерезада» (1921, 1937, 1945, 1948, 1955) [1–3].

С «импрессионистом» И.Ф. Стравинским словенцы знакомились по спектаклям «Петрушка», «Игра карт», Рихард», «Жар-птица», «Аполлон-Мусaget», «Весна священная», «Пульчинелла», «История солдата», исполнявшимися с 1935 по 1983 г. [1; 6]

М.П. Мусоргский был известен прежде всего по музыке к «Борису Годунову». Эта опера была поставлена семь раз (с 1938 по 1992). Потом шла «Хованщина» – четыре раза, «Картинки с выставки» (1928), «Сорочинская ярмарка» (1949, 1967), «Ночь на Лысой горе» (1974) [1–6].

Если А.П. Бородин для словенцев ассоциировался с оперой «Князь Игорь», поставленной на словенских сценах в 1930, 1945, 1958, 1965 гг. [1; 3], то М.И. Глинка – с оперой «Иван Сусанин» (1947) [1].

С.В. Рахманинов с «Рапсодией на тему Паганини» был представлен словенскому зрителю только один раз – в 1984 г. [4]

Музыка С.С. Прокофьева звучала в спектаклях «Любовь к трем апельсинам» (1927, 195), «Золушка» (1959, 1980, 1984), «Каменный цветок» (1963), «Классическая симфония» (1954), «Обручение в монастыре» (1960, 1966), «Петя и волк» (1961), «Ромео и Джульетта» (1981, 1987) [1–4; 6].

Опера «Катерина Измайлова» Д. Д. Шостаковича шла в 1936 и 1970 г. [1].

С творчеством Б.В. Асафьева словенцы были знакомы по «Бахчисарайскому фонтану», показанному в 1956, 1961, 1969, 1987 гг. [1–2; 5].

Знаменитую «Кармен» Родиона Щедрина словенцы увидели в 1976 г. [6], а «Сотворение мира» А.П. Петрова в 1977 г. [3].

Переходя к режиссуре, назову несколько фамилий. В начале 1920-х годов работал на люблянской сцене бывший драматический тенор Мариинской оперы Севастьянов, режиссер таких спектаклей, как «Кармен» Ж. Бизе (1922), «Мадам Баттерфляй» Дж. Пуччини (1922), «Пастушка Дженуфа» Л. Яначека (1922), «Севильский цирюльник» Д. Россини (1922), «Никола Шубич Зрински» И. Зайца (1923), «Миньон» Т. Амбруаза (1923), «Евгений Онегин» П.И. Чайковского (1923), «Царская невеста» Н.А. Римского-Корсакова (1924), «Травиата» Дж. Верди (1924) [1]. Несколько раз в Любляне выступала его жена, по внешности и игре «очаровательная женщина, обладательница очень красивого драматического сопрано». По признанию Петра Сергеевича Грессерова-Головина, она была незабываема в роли Манон в одноименной опере Массне. Будучи еврейкой, она потом уехала в Израиль, куда за ней последовал и муж [10. S. 28].

Пробовал себя в опере в привычной роли режиссера и уже знакомый Б. Путья, поставив «Бориса Годунова» М.П. Мусоргского (1921) и «Майскую ночь» Н.А. Римского-Корсакова (1924) [1].

В конце 1920-х – начале 1930-х годов на столичной сцене словенской оперы режиссером работал Борис Кривецкий (1883, Одесса – 1941, Париж). Ранее он ставил оперы и оперетты в хорватской столице. В Любляне с его именем связаны спектакли «Евгений Онегин» П.И. Чайковского (1929), «Черные маски» М. Когоя (1929), «Шванда Дудак» Я. Вайнбергера (1929), «Эрнани» Дж. Верди (1929), «Богема» Дж. Россини (1930), «Валькирия» Р. Вагнера (1929), «Норма» В. Беллини (1930), «Лоэнгрин» Р. Вагнера (1930) [1]. Тогда же он режиссировал балетную пантомиму Й. Ипавца «Мужичок» [1].

И еще две русских фамилии. 5 мая 1925 г. в «Аиде» пел «экзаменационную» арию Радамеса знаменитый драматический тенор Д. Орлов. Критика к нему была благосклонна, и он был принят в оперную труппу столичного театра. Правда, выступал недолго и уехал вновь в Германию, где его ждала жена-немка [10. S. 30, 31]. Зимой 1930 г. в «Борисе Годунове» выступал знаменитый драматический баритон Бакланов, входивший в тройку, наряду с Шаляпиным, лучших исполнителей партии царя Бориса. Безукоризненно спел партию Мефистофеля в «Фаусте» [10. S. 65].

Из хореографов в Словении звездой первой величины был Петр Сергеевич Грессеров (псевдоним – Головин) (01.04.1894, Москва – 09.08.1981, Торонто), танцовщик, педагог, хореограф, балетмейстер. В 1912 г. завершил классическую гимназию в Москве. В годы гимназической учебы посещал одновременно музыкальную школу и учился балетному мастерству в школе у Ольги Некрасовой. Потом была учеба в Московском политехническом институте, затем в Николаевском кавалерийском училище (Москва). Участник Первой мировой войны. Имел пять наград и два ранения [10. S. 163]. Продолжил техническое образование в Любляне, совмещая учебу с выступлениями в театре. В 1924 г. плясал

на сцене Народного театра гопака в «Майской ночи» Римского-Корсакова. В 1925 г. пробовал себя в балете. Успешно окончил университет, но «своих» электротехников в Словении было достаточно и Петр Сергеевич Грессеров, имевший к тому времени некоторый опыт работы и знакомства в театральных кругах Любляны, решил по совету «своего» же профессора Сернеца «уйти» на сцену [10. S. 22–23]. В 1928 г. был приглашен занять место хореографа и балетмейстера в Народном театре. В том же году поставил хореографию в «Фаусте» (Вальпургиева ночь) Ш. Гуно и в оперетте Ф. Зуппе «Боккаччио».

С 1947 г. был начальством перемещен в Мариборский оперный театр для улучшения его деятельности, обновления балетного и оперного репертуара. В 1949 г. был откомандирован в Сараево для постановки оперы Пуччини «Мадам Баттерфляй». В 1951 г. уехал в Канаду. Тем не менее он не оставлял без внимания деятельность оперно-балетных трупп в Любляне и Мариборе, приезжая время от времени в Словению. В 1971 г. был награжден главой СФР Югославии И.Б. Тито орденом «За заслуги перед народом» за вклад в словенский балет [10. S. 163–164].

С 1930 г. преподавал семнадцать лет в оперной школе в Любляне. Среди его известных учениц были: Анита Мезетова, Елка Игличева, Нада и Богдана Стритареви. Из мужчин упомяну Янеза Липушчека (лирический тенор), долгое время выступавшего в Люблянской опере [10. S. 49].

За тридцать с лишним лет Грессеров-Головин ставил хореографию в десятках спектаклях, например в «Красавице Виде» словенского композитора Р. Савина (1928), в «Джонни наигрывает» Э. Кшенека (1928), в «Черных масках» словенского композитора М. Когоя (1929), в «Князе Игоре» А.П. Бородина (1930), в «Снегурочке» Н.А. Римского-Корсакова (1931), в «Пиковой даме» П.И. Чайковского (1933), в «Хованщине» М.П. Мусоргского (1934) [1], и многих других.

Добавлю, что обладая хорошим голосом, он пел арию Альтоума в опере Пуччини «Турандот» [10. S. 170].

Хореографию ставил и для многочисленных оперетт, например, П. Абрахама, Р. Штольца, Я. Бенеша, Ф. Легара, И. Кальмана [1].

Известен как режиссер в «Риголетто» Дж. Верди (1946), в «Иване Сусанине» М.И. Глинки (1947), в «Севильском цирюльнике» Дж. Россини (1946) [1] и др.

Сочетал режиссерскую работу с хореографией в «Дон Жуане» Моцарта (1944), «Князе Игоре» А.П. Бородина (1945), «Снегурочке» Н. А. Римского-Корсакова (1945), в «Волшебном стрелке» К.М. Вебера (1945 г.) [1] и др. В Мариборе также был занят как режиссер и хореограф в «Русалке» А. Дворжака (1947), «Паяцах» Р. Леонкавалло (1949), «Травиате» Дж. Верди (1949), «Фаусте» Ш. Гуно (1951) [1].

Ставил хореографию и в балетах, например в спектакле «Figurine» Л. Шаффранека-Кавича (1931) [1], работал режиссером в балетной картине «Svatovac» И. Зайца и К. Барановича (1930), в балете «Икарус» (сценарист М. Кирбос) (1941) [1]. Режиссер и хореограф в танцевальной поэме О. Недбала «Сказка за сказкой» (1934), в «Петрушке» И.Ф. Стравинского (1935), в «Шопениане» (1942), в танцевальной сюите Э. Грига «Пер Гюнт» (1944), в «Болеро» М. Равеля (1944), в «Шехерезаде» Н.А. Римского-Корсакова (1945) [1]. В Мариборе ставил «Шехерезаду» (1948) и «Пер Гюнта» Э. Грига (1948) [1].

В 1933 г. , когда в Любляну приехал композитор А. Черепнин, сын знаменитого сочинителя музыки, и предложил поставить его одноактную оперу «01–01»,

то, как вспоминает Грессеров-Головин, она была дополнена балетом его отца «Очарованная птица», который он и поставил [10. S. 71].

В 1938 г. на сцене Народного театра состоялась премьера его оперетты «Галатея», поставленная режиссером О. Шестом [10. S. 77]. В 1941 г. на люблянской сцене была поставлена его музыкальная сказка «Принцесса и змей» (текст П.С. Грессерова-Головина, музыка Я. Грегорца) [10. S. 81].

Надо подчеркнуть, что работа балетмейстером была связана с определенными затруднениями. Нужны были годы и годы, не только для того, чтобы танцовщицы и танцовщики достигли нужной техники для самостоятельных номеров, но и для того, чтобы публика, видела в балете самостоятельный художественный акт, творчество. На балет та же театральная критика смотрела свысока, покровительственно, но тем не менее, не особенно разбираясь в нем, желала ему добра [10. S. 60]. Немалое значение имели деньги, которых не хватало: в первую очередь они шли на драму и оперу. Грессеров-Головин вспоминал, как театральным администратор предложил заплатить из своего кармана гонорар приглашенным танцовщикам из его учеников; только с помощью директора оперы М. Полича и режиссера О. Шеста ситуация была урегулирована. Но «битва за финансы» продолжалась вместе с развитием балета [10. S. 61]. Разумеется, свой немалый вклад в его самостоятельность в Народном театре Любляны внесли и словенские мастера. Среди них – Татьяна Ремшкар, Майда Шкерьянц, Мерседес Добршек [10. S. 61].

Завершая экскурс в труды П.С. Грессерова-Головина, скажу, что ему принадлежит хореография в 50 балетах, режиссура в 31 опере и в 15 опереттах, хореография в 83 операх и в 61 оперетте, постановка танцев в 35 балетных представлениях [10. S. 164–170].

В историю Словенского балета, наряду с П.С. Грессеровым-Головиным, вошло имя замечательного балетмейстера Марии Александровны Туляковой, ранее работавшей в Осиеке. При ней в балетной труппе была введена твердая дисциплина, увеличилось число занятий, возросли требования к артистам. Упомяну, что в 1925 г. она ставила хореографию в «Лицитарском сердце» К. Барановича, «Приглашение к танцу» К.М. Вебера, в пантомиме-бурлеске Т. Сигетинский «Ночь фавна». А в 1926 г. – в «Испанском каприччио» Н.А. Римского-Корсакова [1]. В том же году работала над операми В.А. Моцарта «Свадьба Фигаро» и Ф. Галеви «Жидовка» [1]. Известна ее хореография и в опереттах, например в «Марице» И. Кальмана (1926) [1]. В 1927 г. она неожиданно уехала в Белград. П.С. Головин-Грессеров, вспоминая ее, писал, что М.А. Тулякова дала молодежи «твердые основы балетной техники», и ее вклад в становление словенского балетного искусства велик [10. S. 38].

В сезоне 1927/28 г. ее заменил чех Вацлав Влчек, а прима-балериной стала ученица Маши Свободовой, отличная классическая танцовщица Лидия Висякова. К сожалению, как пишет П.С. Грессеров-Головин, она танцевала только один сезон и уехала в Париж, где выступала и в знаменитой Орега Comique [10. S. 47, 48]. Однако в годы Второй мировой войны, как вспоминает Грессеров-Головин, она опять выступала на словенской сцене, преподавала в оперно-балетной школе [10. S. 47, 60, 74, 80, 87, 90, 106]. Однако какого-либо развернутого отзыва о выступлениях балерины у него я не нашел.

Балетная знаменитость Елена Полякова, прежде чем покорить Белград, немало поработала на столичной словенской сцене, в частности поставила хореографию в опере Л. Делиба «Лакме» (1922 г.) [1]. Небольшой штрих: ее муж так-

же был близок к балету, если можно так сказать: он шил балетки, взяв за образец те, которые были у жены [10. S. 24].

С 1 декабря 1922 г. в балетной труппе Народного театра в Любляне стала танцевать Вера Кальченко [10. S. 25].

И, наконец, Маргарита Фроман. Много сделавшая в области хореографии для оперы и балета в Хорватии, она в 1931 г. выступила как режиссер и хореограф в «Коштане» П. Коньовича [1]. Грессеров-Головин с гордостью писал, что она весьма лестно отозвалась о его ученицах, заметив, что словенки в два раза быстрее овладели сложностями фольклорного танца, нежели ее загребчанки [10. S. 72]. В 1937 г. поставила (режиссер и хореограф) «Шехерезаду» [1].

Еще одно имя – звезда балета Ольга Орлова. В 1953 г. она поставила хореографию к опере К.В. Глюка «Ифигения на Тавриде» [1].

Свой вклад в театральное искусство внес замечательный декоратор Василий Митрофанович Ульянищев (30.01.1887, Бобров, близ Воронежа – 11.09.1934, Любляна). Он пришел в искусство, оставив химию, которой учился в Санкт-Петербурге. Сначала занимался живописью в Воронеже, потом в Москве. Окончил знаменитое Училище живописи, ваяния и зодчества. До 1917 г. жил и работал в Воронеже декоратором. В Гражданскую войну был офицером-артиллеристом у Врангеля. На новой славянской земле вернулся к любимому занятию. В сезоне 1921/22 г. работал театральным художником в Сплите, потом – с 1922 по 1928 г. в Хорватском народном театре в Загребе. Затем обосновался в Любляне. В частности, в столицах этих стран был автором декораций к «Фаусту» Гюно и «Соловью» Стравинского. Успешно решал задачи, от которых отказывались его коллеги [14. S. 170]. Добавлю, что в Загребе, где он преимущественно работал в сфере оформления драматических произведений, нежели в области балета и оперы, сохранились не все его 77 работ [15. S. 294]. Эта цифра только по столице Хорватии позволяет представить себе тот громадный объем работы, его вклад в искусство, которому он отдал жизнь. В Любляне его имя связано с такими операми, как «Князь Игорь» А.П. Бородина (1930, сценограф и костюмер), он был автором сценографий в оперных спектаклях «Сила судьбы» Дж. Верди (1930), «Снегурочка» Н.А. Римского-Корсакова (1931), «Луиза» Г. Шарпентье (1931), «Моряк-скиталец» Р. Вагнера, вместе с О. Шестом (1931), «Фиделио» Л. Бетховена (1931), «Коштана» П. Коньовича (1931), «Кармен» Ж. Бизе (1931), «Робинзонада» Ж. Оффенбаха (1932), «Турандот» Дж. Пуччини (1932), «Пиковая дама» П.И. Чайковского (1933), «Самсон и Далила» К. Сен-Санса (1933), «Парсифаль» Р. Вагнера (1933), «Андре Шень» Умберто Джордано (1933), «Галька» С. Монюшко (1933), «Катя Кабанова» Л. Яначека (1934), «Хованщина» М.П. Мусоргского (1934, 1937), а равно с опереттами, например, – «Фиалка Монмартра» И. Кальмана (1931), в джаз-оперетте «Эрика» Я. Грегорца (1932), «Джим и Джил» Эллис Вивьен и Майерс Р. (1933), «Die blume von Hawaii» П. Абрахама (1933), «Бал в Савое» (1934), упомяну и балет «Figurine» Л. Шафранека-Кавича (1931) [1].

Завершая свой очерк хочу сказать следующее. Небольшая страна, входившая в европейскую католическую цивилизацию, не была привлекательным местом для русских изгнанников, стремившихся «найти свое место под солнцем» в православной Сербии, связи которой с Россией были сильнее и крепче, нежели со Словенией. И тем не менее в ней осели, нашли свой дом немногие русские люди, в том числе из мира искусства. И русская культура органично воспринималась в славянской Словении, чему свидетельство уже русская и мировая дра-

матургия, опера, балет на сценах страны. Хочу подчеркнуть и то, что искусство русских мастеров сцены было востребовано в европейской Словении. И если русское театральное искусство в Сербии связано прежде всего с режиссером Юрием Ракитиным и художником Владимиром Жедринским, в Хорватии – с семьей Фроман, то в Словении – с хореографом, балетмейстером Петром Грессеровым, волшебницей сцены Марией Наблочки, режиссером и актером Борисом Путяттой. Их имена вошли в историю словенского театра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Repertuar slovenskih gledališč 1867–1967 popis premier in obnovitev. Ljubljana, 1967.
2. Repertuar slovenskih gledališč 1967–1972. Ljubljana, 1973.
3. Repertuar slovenskih gledališč 1977–1982. Ljubljana, 1983.
4. Repertuar slovenskih gledališč 1982–1987. Ljubljana, 1987.
5. Repertuar slovenskih gledališč 1987/88–1991/92. Ljubljana, 1992.
6. Repertuar slovenskih gledališč 1972–1977. Ljubljana, 1978.
7. Новое русское слово. 1975. 17 VIII.
8. *Nablocka M.* Izpovedi. Ljubljana, 1959.
9. *Kalan F.* Hvalnica igri. Gospa iz Astrahana. Ljubljana, 1980.
10. *Gresserov-Golovin P.* Moja Ljuba Slovenija Spomini na moje delo v slovenskih operah od 1924 do 1951. Ljubljana, 1983.
11. *Vaganova H. M.* Русская театральная эмиграция в центральной Европе и на Балканах. М., 2007.
12. Письмо П.В. Борисова автору от 9 VIII 2007 г. // Архив автора.
13. *Moravec D.* Slovensko gledališče od vojne do vojne (1918–1941). Ljubljana, 1980.
14. *Puškadija-Ribkin T.* Emigranti iz Rusije u znanstvenom I kulturnom zivotu Zagreba. Zagreb, 2006.
15. *Medarić M.* Doprinos ruskih emigranata Hrvatskoj likovnoj kulturi – slikarstvu, kiparstvu, arhitekturi, fotografiji i filmu // *Oko književnosti – osamdeset godina Aleksandra Flakera.* Zagreb, 2004.

© 2009 г. *Е. В. ЯКОВКИНА*

ПОЛЬСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В КОНТЕКСТЕ МОДЕРНИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

(на примере истории польских земель последней трети XIX – начала XX века)

Начиная со второй половины XIX в. одним из важнейших в европейской истории становится национальный вопрос.

Для стран Центральной Европы, большинство которых не имело в рассматриваемый период собственной государственности, нерешенность данной проблемы являлась одной из особенностей политического процесса. В польских землях поиск возможных путей достижения независимости определял характер политической жизни вплоть до 1918 г. – времени создания независимого Польского государства.

Между тем если отойти от традиционных историографических подходов и попытаться рассмотреть польский национальный вопрос в рамках модернизационной парадигмы, то на первый план, на наш взгляд, выходят две проблемы. Во-первых, – это вопрос о том, каким образом складывались взаимоотношения между обществом (в лице населения польских земель) и властью (в лице государств-разделителей) и какие это имело последствия с точки зрения направленности модернизационных процессов в польских землях. Особый интерес в этой связи имеют альтернативные революционным способы решения национального вопроса, поиск которых интенсивно шел после поражения восстания 1863–1864 гг. Во-вторых, – это изучение взаимосвязи между включением польских земель в процесс капиталистической реконструкции и ростом политической активности крестьянства.

Прежде чем перейти к анализу интересующих нас вопросов, рассмотрим в общих чертах социально-экономическую и общественно-политическую ситуацию в польских землях в последней трети XIX в.¹ (период, когда активизировались трансформационные процессы, связанные с развитием капиталистических отношений) до начала XX ст. – времени зарождения массовых движений, становления массовых политических партий, что изменило характер национально-освободительной борьбы.

Яковкина Екатерина Владимировна – канд. ист. наук, старший преподаватель Ставропольского государственного педагогического института.

¹ Нижнюю хронологическую границу можно установить и более точно: подавление восстания 1863–1864 гг. в Царстве Польском.

Неравномерность развития польских земель в рассматриваемый период в определяющей степени была обусловлена ходом и степенью развития капитализма в государствах-разделителях.

Благоприятная экономическая ситуация сложилась на землях, отошедших к Пруссии (и вошедших позже в состав Германской империи), где проведение аграрных реформ привело к постепенному увеличению в сельском хозяйстве товарного производства.

Последняя треть XIX ст. прошла для польских земель, находившихся в составе Российской империи – Царства Польского – под знаком начавшейся индустриализации и аграрной реформы 1864 г., в результате чего уже к концу столетия эти земли приобрели аграрно-индустриальный характер. При этом оставался ряд нерешенных проблем, главными из которых были малоземелье и растущая парцелляция земельных наделов.

Наиболее отсталыми в экономическом отношении являлись польские земли, находившиеся в составе империи Габсбургов. Галиция даже накануне Первой мировой войны имела самую примитивную структуру землевладения, огромное число безземельных и малоземельных крестьян, а также практически неразвитую крупную промышленность. Низкий уровень экономического развития привел к тому, что за этими землями закрепился статус поставщика сырья и дешевой рабочей силы.

Новым для всех польских земель явлением, непосредственно связанным с перестройкой системы хозяйствования на капиталистический лад, становится экономическая миграция. В течение всего XIX ст. и вплоть до образования в 1918 г. независимого государства польские земли были одним из основных «экспортеров» эмигрантов в мире. Начиная с 1870-х годов основную массу мигрантов составило крестьянство (см. [1. С. 421])². Масштабы крестьянского миграционного движения были настолько велики, что его, зачастую, называли «социальной эпидемией».

Таким образом, в последней трети XIX ст. польские земли, в большей или меньшей степени, оказались вовлечены в процессы, связанные с капиталистическим развитием.

Что же касается общественно-политической ситуации, то она складывалась следующим образом.

В Царстве Польском и польских землях Германской империи основным направлением государственной политики стало «слияние» их с метрополией, выразившееся, в том числе, и в усилении национального гнета. Подавление восстания 1863–1864 гг. имело своим непосредственным следствием русификацию административного аппарата, судебных органов, системы образования. Ряд мер был направлен и против католической церкви. В германской политике, начиная с 70-х годов XIX в., польский вопрос рассматривался как «центробежный фактор» [2. С. 353], а католицизм – как духовная основа опасного сепаратизма. В 1871 г. под лозунгом «культуркампфа» в Германии началось наступление на католическую церковь. На польских землях, в рамках этой политики, административная, судебная, школьная системы подверглись германизации. Ситуация осложнялась еще и тем, что с 1866 г. функционировала так называемая Колони-

² Первая волна миграционного движения пришлось на 1890–1892, вторая – на 1899–1903, третья – на 1911–1913 гг.

зационная комиссия, целью которой стало вытеснение поляков с их земель и замена немецкими поселенцами. В 1894 г. с этой же целью было создано «Объединение немцев восточных провинций», широко известное как Гаката. Подобную ситуацию английский историк Э. Хобсбаум характеризует следующим образом: «Государственный национализм [...] был опасным оружием для тех, кто им пользовался. Мобилизуя в политическом отношении одних жителей страны, он способствовал отчуждению других – тех, кто не принадлежал (или не хотел принадлежать) к нации, признанной «государственной». Другими словами, он способствовал формированию национального сознания у людей, исключенных из официально признанной национальности, путем выделения общин, сопротивлявшихся, по тем или иным причинам, утверждению официального государственного языка и идеологии» [3. С. 222].

Отечественный исследователь И.С. Яжборовская, анализируя процесс формирования национальной идеи в Польше и специфику ее содержания, подчеркивает, что на рубеже XIX–XX вв. и, особенно, перед воссозданием польского национального государства энергично эксплуатировались идеологемы и мифологемы исторического содержания, призванные воспитывать народ в духе мобилизации национальной идеи на дело интенсификации освободительной борьбы. «Патриотическое воспитание *volens polens*, – пишет Яжборовская, – базировалось на своеобразии польской истории, на мобилизации нации на борьбу за освобождение от угнетения соседних государств, особенно Российской и Германской империй» [4. С. 230].

В отличие от экономического, в политическом отношении наиболее благоприятным было положение Галиции. К 70-м годам XIX в. эти земли получили статус автономии. Польский язык был введен в систему образования (включая университеты, где, кстати, преобладала польская профессура), а также признан официальным в деятельности административных и судебных органов. Все это, по словам русского историка А.Л. Погодина, делало из Галиции «единственную страну, где польская национальная жизнь приобретает полную возможность для всестороннего развития» [5. С. 52].

Очевидно, что в середине XIX в. содержание польской национальной идеи составлял культ вооруженной борьбы, общезначимое нравственное предписание положить жизнь на алтарь Отечества [4. С. 229]. Однако, как известно, все попытки завоевания независимости и объединения польских земель вооруженным путем потерпели сокрушительное поражение. Национально-освободительные восстания 1830–1831, 1846, 1848, 1863–1864 гг. были подавлены. После преобразования в 1867 г. Австрийской империи в дуалистическую монархию, лишившего поляков венгерского союзника, и поражения пропольски настроенной Франции во франко-прусской войне 1870–1871 гг., окончательно были утрачены надежды на иностранную помощь в решении национального вопроса. Кроме того, участники освободительных восстаний зачастую не учитывали интересы основных слоев населения, что подорвало лидирующие общественные позиции польского дворянства. Окончательно утрачивает свою силу и значимость понятие «шляхетский народ», являвшееся основным в польской национально-освободительной идеологии, начиная с середины XVIII ст., и опиравшееся, в первую очередь, на критерии не этнические, а социально-политические (см. подробнее [6]). Наконец, вопрос достижения государственной независимости отошел на второй план по сравнению с проблемой денационализации в условиях проводимой российским и немецким правительствами активной ассимиляторской поли-

тики. Важное значение имели и социально-экономические преобразования в польских землях. Как отмечает немецкий историк Х. Ханн, «модернизационные изменения создали в польских землях специфическую ситуацию. Началось соперничество не только в вопросе о том, кто извлекает пользу, но и в том, кто инициирует и реализует программу социально-экономической модернизации: правительства государств-захватчиков, стремящиеся к интеграции, а на самом деле, ассимиляции поляков, или польское общество, которое должно возглавить эти преобразования, чтобы избежать грозящей ему гибели» [7. S. 291]. Совокупность всех этих факторов повлияла на массовое сознание польского общества и привела к пересмотру польской политической и интеллектуальной элитой методов решения «национального вопроса».

Поиск новых общественных сил, способных справиться со стоявшими перед польским обществом проблемами и заменить сходящую с политической сцены шляхту, привел к тому, что начали набирать силу социалистические и националистические идеи. Сторонники последних возлагали свои надежды на крестьянство как основу польской нации. Польские политическая и интеллектуальная элиты постепенно пришли к осознанию того, что крестьянство может и должно стать социальной основой национального единства³. Именно с признанием важной роли крестьянства в жизни польской нации и государства был связан интерес польской интеллигенции к проблемам деревни, что нашло выражение в создании разного рода кооперативных организаций, призванных улучшить экономическое благосостояние крестьянства (организация крестьянских банков, сельскохозяйственных ассоциаций для ввоза и закупки техники, семян, скота, коммерческих ассоциаций для продажи сельскохозяйственной продукции и т.д.); в активизации фольклорно-этнографических исследований, цель которых в определяющей степени была обусловлена стремлением сохранить и возвеличить духовные ценности своего народа и показать его героическое прошлое; позже – в попытках предложить решение проблемы крестьянской эмиграции, в которой многие видели угрозу польским национальным интересам, путем создания специальных товариществ помощи крестьянам-мигрантам. И хотя идеи силового решения польского вопроса не утратили своей популярности, подтверждением чему может служить деятельность таких тайных организаций, как «Союз сынов отчины», Лига польская, Лига народова (см. подробнее [9]), польское общество все же попыталось перестроиться, приспособиться к изменившейся политической и социально-экономической ситуации. Можно констатировать, что нерешенный национальный вопрос во многом стимулировал, используя терминологию современных теоретиков модернизации, появление «новаторски ориентированных и нацеленных на создание условий для процветания убеждений и установок» или создание «позитивной ментальной модели» [10. С. 257].

Идеологические ответы на вызовы модернизации имели различные формы, что во многом определялось сложившимся в польских землях характером взаи-

³ Подобное отношение сохранилось и после создания независимого польского государства. Так, отечественный полонист Г.Ф. Матвеев указывает, что даже в начальный период независимости Польши основными аргументами в пользу признания за крестьянством особой роли в государственной жизни и права на помещичьи земли было, в том числе, и «подчеркивание его особых заслуг в сохранении нации и государственной территории» (см. [8. С. 222]).

моотношений между обществом и властью⁴, но в целом строились в русле программы так называемой органической работы («*praca organiczna*», «теория малых дел», «позитивная работа»), получившей распространение на территории всех польских земель. Суть ее сводилась к пропаганде среди всех слоев польского населения (и прежде всего в среде крестьянства) повседневного кропотливого труда, накопления материальных богатств и укрепления позиций поляков в освободительной борьбе за счет развития экономики, образования, науки, культуры, улучшения уровня жизни.

Изначально идеи и практика «органического труда» получили свое развитие в Великой Польше, где появление их было связано с именем врача К. Марчинковского. В 1841 г. он создал Общество научной помощи и «Польский базар», ставший центром политической жизни Познани. Была организована кредитно-ссудная система, открывались библиотеки, издавались газеты и журналы. Подобный курс был ориентирован на сохранение и развитие всего польского. При этом нужно заметить, что не исключались и другие формы борьбы за сохранение поляков как нации. Именно в прусской части Польши идея движения к независимости путем наращивания экономической мощи была осуществлена максимально возможно⁵, а в ее реализацию были вовлечены все социальные слои – от крупных землевладельцев, предпринимателей, священников до крестьян и рабочих [9. С. 102]. Весьма успешное развитие экономики польских районов Германской империи, обеспечивавшее достаточно высокий уровень жизни значительной части поляков, во многом позволило им противостоять экономическому и политическому наступлению германизации. Политика германского правительства по отношению к польскому населению имела безусловно негативные последствия для самой Германской империи, но если говорить о ее влиянии на самих поляков, то представляется более верным применить формулировку «восприятие через отрицание», ведь альтернативой идеалу поляка-революционера стал именно сформировавшийся в славянском мире образ немца как человека расчетливого, педантичного, бережливого и прилежного, для которого неаккуратность в одежде считается таким же грехом, как небрежная работа (подробнее см. [11. С. 98–102]). Да и сама идея «органического труда» очень напоминает польский вариант протестантской трудовой этики, адаптированный, так сказать, «для внутреннего пользования».

Что касается функционирования принципов «теории малых дел» на других польских землях, то свою интерпретацию они получили в движении «станчиков» и людовском движении в Галиции и у позитивистов Царства Польского.

В Галиции сторонники ненасильственных методов отстаивания польских интересов сосредоточили свои усилия на политической деятельности. «Станчики» были участниками восстания 1863–1864 гг., близкими к его умеренному крылу,

⁴ Например, в Галиции существовали возможности для ведения политической деятельности, в Царстве Польском и Великой Польше, где создание любого рода политических и даже просветительских польских организаций находилось под запретом, единственной легальной сферой деятельности была экономика.

⁵ В 1886 г. в Познани был основан Земельный банк, в 1890-е годы возникли Народные банки в Бытоме и Ольштыне, сбережения которых направлялись на поддержку польского ремесла и торговли и противодействие немецкой колонизации. Крестьянство широко участвовало в скупке парцелляционной земли, и в итоге к концу столетия полякам удалось отстаивать свои права на землю.

так называемым белым, еще в ходе восстания высказывавшимся о неэффективности и вреде вооруженной формы борьбы за свободу. После подавления восстания «станчики», среди которых были не только политические деятели (например, неоднократно назначавшийся наместником Галиции граф А. Голуховский), но и интеллигенция (университетские профессора Ю. Шуйский, С. Тарновский, М. Бобжинский) попытались выработать новую политическую программу на основе анализа польской истории. Не разделявшие ни ценностей шляхетской демократии, ни идей политических движений, занимавшихся социальной агитацией в необразованных слоях общества, «станчики» видели главную ценность в государстве и считали, что если уж власти Австро-Венгрии склонны к уступкам в польском вопросе, то и поляки должны идти на компромиссы, поддерживая монархию и принимая активное участие во внутренней политике. Методы же отстаивания польских интересов должны носить исключительно парламентский характер [2. С. 361–362].

Именно в Галиции с ее относительно благоприятными для поляков условиями участия в общественной и политической жизни зародилось, как организованное политическое движение польского крестьянства, людовское движение. Начало ему было положено еще в 1870-е годы деятельностью ксендза С. Стояловского, который издавал газеты «Wieniec» («Венок») и «Pszczółka» («Пчелка»), где пропагандировались националистические идеи, а также создание агрономических кружков и экономное хозяйствование. Решающую же роль в формировании программных концепций этого движения сыграла деятельность Б. Выслоуха и его сторонников в среде демократической интеллигенции. Выслоух полагал, что борьба за польскую национальную независимость должна вестись прежде всего культурно-идеологическими методами, а не насильственным свержением существующего режима. Будучи убежден, что достижение независимости Польши невозможно без опоры на трудящихся (главным образом – крестьян) – «люда», которые составляют большинство нации, Выслоух, посредством издаваемых им журналов «Przegląd społeczny» («Общественное обозрение», 1886–1887) и «Przyjaciel ludu» («Друг народа», 1889–1902), пытался политически активизировать крестьянство, привлечь его к участию в политической борьбе посредством участия в выборах, создания крестьянских избирательных комитетов. Деятельность Выслоуха и его сторонников имела определенный успех: на выборах в июле 1889 г. в галицийский сейм были избраны четыре крестьянских депутата [9. С. 100–102; 12. С. 180–182]. А в 1895 г. была создана и первая политическая партия крестьянства – Крестьянская партия («Stronnictwo ludowe»). В 1897 г. людовцы, а также сторонники С. Стояловского, объединившиеся в Христианско-крестьянскую партию, довольно успешно участвовали в выборах в рейхсрат.

Несмотря на очевидное различие позиций «станчиков» (с характерным для их взглядов консерватизмом) и активистов людовского движения, объединяет их одно – признание законных, легальных средств и способов борьбы и стремление добиваться поставленных целей именно этими способами, главным из которых является политическая деятельность. Как представляется, жизнеспособность подобной позиции во многом обеспечивалась самой метрополией за счет предоставления Галиции автономии, возможности участвовать в работе парламента и т.д. Не случайно и польские исследователи отмечают, что «наличие гражданских и национальных прав способствовало формированию галицийского крестьянства как самостоятельной политической силы» [2. С. 360].

Если говорить о Царстве Польском, то здесь альтернативой идее достижения независимости путем вооруженной борьбы стала программа позитивизма, нацеленная на ускоренное развитие капитализма и приспособление польского общества к новым социально-экономическим условиям. Невозможность проводить открытую политическую деятельность привела к тому, что главной стратегической задачей для позитивистов стало не столько создание независимого польского государства, сколько формирование единой, сплоченной польской нации. Варшавские позитивисты (в том числе А. Свентоховский, Б. Прус, Г. Сенкевич), призывали к «политическому реализму», «органической работе» (в первую очередь – в крестьянской среде) ради прогресса и демократизации общества. Основными ценностями позитивисты считали экономическое развитие и науку, в которых видели элементы прогресса. Наука, по их мнению, должна была служить преобразованиям в области экономики. Повышение уровня жизни населения сгладило бы социальные противоречия. Просвещение и культ знаний должны были способствовать сплочению низших слоев населения в рамках единой национальной общности. Правда, к 1880-м годам эта идеология либеральной буржуазии приобрела более умеренный характер, сосредоточившись, главным образом, на достижении уступок культурно-языкового характера и распространении на Царство Польское либеральных реформ, осуществленных в России. Однако позитивистские идеи, несомненно, повлияли на общественное настроение, прежде всего на идеологию зарождавшегося в Царстве Польском крестьянского движения. Известно, что большой популярностью пользовались такие периодические издания, созданные прогрессивной интеллигенцией, как газеты «Zorza» и «Gazeta Świąteczna», издававшиеся специально для села. В начале XX в. идейным и организационным центром активизировавшегося крестьянского национального движения стала газета «Zaranie», занимавшая радикально-демократические, антиклерикальные позиции. По оценкам уже упомянувшегося А.Л. Погодина, успехи в области промышленности и торговли Царства Польского после подавления восстания 1863–1864 гг. объясняются во многом именно тем, что «романтические веяния в польском обществе сменились очень трезвыми настроениями» [5. С. 51].

К началу XX ст. теория «позитивной работы» как политическая стратегия постепенно уходит в прошлое под влиянием программ, выдвигаемых новыми политическими партиями. Однако концепция «органического труда» оказала существенное влияние на идеологию таких набравших силу к началу XX в. политических течений, как польский социализм и национализм (особенно это касается национализма), сторонники которых, не порывая с традициями повстанческой идеологии, критикуя позитивистскую тактику политической пассивности и выступая за активные действия, направленные на достижение национального освобождения, подчеркивали, тем не менее, необходимость в первую очередь экономического и культурного развития польской нации, видя главную национальную задачу в самоорганизации польского общества, в достижении способности к успешному экономическому и культурному соперничеству с другими нациями [2. С. 363–365].

Традиции «теории малых дел» нашли свое очевидное отражение и в идеологии крестьянских партий и движений, для которых вопросы восстановления национальной независимости, демократизация общественной и политической жизни, защита интересов крестьянства были не отделимы от идей просвещения и прогресса в сельскохозяйственном производстве, в крестьянском хозяйстве.

Отсюда вытекали лозунг всеобщего бесплатного обязательного обучения на польском языке и практика создания культурно-просветительских обществ, агрономических школ, курсов, кружков, кооперативов.

Таким образом, очевидно, что переориентация польского общества после поражения восстания 1863–1864 гг. на осуществление идеи «органической работы» означала одновременно и его включение в процесс «самомодернизации»⁶. Подобная деятельность, направленная на осознание и решение наиболее трудных – экономических и социальных – проблем, была не менее важна (особенно с точки зрения перспектив дальнейшего развития и преуспеяния нации), чем борьба за восстановление единого независимого польского государства. Более того, после создания в 1918 г. независимой Республики Польша на смену освободительному содержанию национальной идеи приходит именно задача консолидации польского общества с целью реализации концепции лучшего будущего для всего народа. А содержание польской национальной идеи составили не только национально-исторические интересы государства, но и национально-религиозные добродетели [4. С. 231].

Но возникает и другой важный вопрос: почему выдвинутая политической и интеллектуальной элитой идея «органического труда» (которую можно расценивать не только как альтернативу вооруженной борьбе за независимость, но и как способ «приближения к Западу», т.е. как стратегию не только политическую, но экономическую и идеологическую, сохранившую свое действенное влияние и на протяжении XX ст.) была воспринята польским обществом, нашла в нем отклик и оказалась весьма своевременной именно для того социального класса, который расценивался одновременно и как объект, и как субъект ее реализации, т.е. крестьянства? На него невозможно ответить без учета социокультурных факторов и выявления тех изменений, которые произошли в системе ценностей и установок польского крестьянства в процессе становления на польских землях индустриального общества.

Еще в первой четверти XX ст., когда крестьянство становится и объектом анализа молодой социологической науки, на эти изменения обратили внимание авторы фундаментального исследования «Польский крестьянин в Европе и Америке» [14], инициированного американским социологом В. Томасом и осуществленного при непосредственном участии польского философа и социолога Ф. Знанецкого. Несмотря на то, что выводы авторов базируются, главным образом, на оценке ситуации в Царстве Польском (хотя привлекается и материал по Галиции и Великой Польше), представляется, что они могут быть экстраполированы и на другие польские земли (разница, как и в случае с социально-экономическими и политическими процессами, лишь в степени интенсивности проявления этих новых социокультурных явлений). Авторы, в частности, делают вывод о том, что в результате процессов индустриализации, урбанизации, миграции, в которые вовлекается польское крестьянство с 70-х годов XIX в., в крестьянском социуме не только появляются новые ценностные ориентации – стремление к индивидуализации и преуспеваю⁷ – и изменяется отношение к

⁶ Ср.: Отечественный исследователь Р.П. Гришина, подчеркивая значимость такого фактора, как «сознательный выбор направления мобилизационных усилий общества», приводит в пример ситуацию в Дании после ее поражения в войне с Пруссией в 1864 г. [13. С. 42–43].

⁷ Современные исследователи определяют их как «ценности самовыражения» [15. С. 111].

таким базовым ценностям хозяйственной культуры, как труд, собственность, богатство, предприимчивость, что свидетельствует о формировании нового типа крестьянина, близкого по своей сути к классическому «*homo oeconomicus*», но и происходит трансформация самого этого социума: ранее замкнутое в границах большой семьи, общины, прихода, крестьянское сообщество постепенно становится частью того, что определяется как «*the wider community*», «более широкое сообщество» (например, кооперативное объединение), а в конечном итоге – и «большого общества» в лице польской нации (см. [14. Vol. II. P. 1117–1467]).

Современные историки, социологи, культурологи сходятся во мнении, что национальное самосознание, отсутствие которого является одной из характерных черт традиционной культуры, составляет необходимый элемент высоко развитых культур, является индикатором зрелости культуры. Так, польский историк Я. Вержбицкий подчеркивает, что процесс формирования национального самосознания в среде польского крестьянства на ментальном уровне проявлялся в сочетании эмоционально-окрашенного понятия «малая родина» («*private fatherland*») с понятием «Родина» («*ideological fatherland*»), отражавшим восприятие себя как члена макрообщества, что было новым для большинства крестьян. Подобная самоидентификация была преимущественно результатом развития коммуникаций, специфическим выражением взаимодействия между различными индивидами, живущими в рамках одной социальной системы и способных передавать друг другу новые идеи. Процесс развития национального самосознания в крестьянской среде, отмечает Вержбицкий, необходимо рассматривать как закономерный результат эволюции личности крестьянина [16. S. 181–184, 190, 198–199]. Хотя, несомненно, не следует преувеличивать степень развитости национального самосознания польского крестьянства. Зачастую отношение к «чужому» носило еще вполне традиционный характер, и крестьянин проявлял себя в первую очередь как член крестьянского коллектива, думающий о сохранении традиционной системы отношений [14. Vol. II. P. 1134–1265].

Еще на заре формирования модернизационной парадигмы, в начале 1960-х годов, один из ее ранних представителей – У. Ростоу, в частности, указывал, что на второй стадии общественно-экономического развития («переходное общество»), когда в обществе создаются предпосылки для подъема и появляется новая элита, возникает и национализм, который является реакцией на влияние более развитых стран и становится движущей силой перемен, средством превращения модернизаторских идей элиты в реальную общественную силу [17. С. 6]. У. Ростоу определял это как «реактивный национализм». Другие авторы, не меняя содержания, употребляли термин «модернизирующий национализм» [18. С. 195]. Пожалуй, именно с таким явлением мы сталкиваемся применительно к польской истории рассматриваемого периода. И, дополняя выводы марксистской историографии о том, что «...национализм стал формой оппозиции польской буржуазии чужеземной государственной власти и главным ее идейно-политическим направлением» [19. С. 99], можно сказать, что для поляков национализм (который в разумных своих формах означал стремление к созданию независимого государства) смог стать еще и «рычагом социальных изменений», идеологией модернизации, объединить польское общество, несмотря на существовавшие внутри его социально-экономические противоречия. Нерешенность национального вопроса и фактически отсутствие диалога между властью в лице государств-разделителей и польским обществом (причем польское общество

хотело его едва ли намного больше, чем официальные власти⁸), как ни парадоксально, стимулировали изменения в экономической (в случае западных польских земель и Царства Польского) и политической (в случае Галиции, где формируются организованные политические движения) сферах.

Однако нельзя утверждать, что польские земли являются примером исторической закономерности. Ведь не смогли же идеи «борьбы за объединение целостного народа» стать подобным «толчком» для балканских стран (ср. [13. С. 40–41; 20]). Да и национализм, как показывает историческая практика, вполне может стать и отражением традиционалистской идеологии (национализм как неотрадиционализм), и служить средством провинциализации, закрепления отсталости (ср. [3. С. 228; 21. С. 162–164; 22]). Думается, здесь мы опять должны учитывать влияние неосязаемой, но очень ярко себя проявляющей, сферы социокультуры. Об этом говорят сегодня и историки, и философы, и социологи, подчеркивая, что модернизация требует наличия социального контекста, способного обеспечить ее осуществление. С учетом этого становится возможным ответить и на вопрос, почему удался польский «национальный проект» – видимо, во многом благодаря наличию благоприятного социокультурного контекста. Иными словами, польское общество (и прежде всего – крестьянство) было «социокультурно-адекватно»⁹ тем идеям, которые выдвигались политической и интеллектуальной элитой. С другой стороны, и элита вовремя осознала и попыталась решить свою главную задачу – выразить предпочтения общества, предложить возможные стратегии их реализации, а не пытаться их игнорировать или навязывать взамен другие. В случае с польскими землями эти два условия в рассматриваемый период благоприятно совпали (чего не скажешь, например, о ходе отечественного исторического развития¹⁰), а национальная идея выступила как фактор интеграции общества, обеспечив относительный «классовый мир», и одновременно как способ инкорпорирования крестьянства в «большое общество», что было особенно важно в условиях прогрессирующей капиталистической модернизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Historia chłopów polskich. Historia chłopów polskich: Opracowanie zbiorowe pod redakcją S. Inglota. Warszawa, 1972. Т. II.
2. Тымовский М., Кеневич Я., Хольцер Е. История Польши. М., 2004.
3. Хобсбаум Э. Век империи. 1875–1914. Ростов-на-Дону, 1999.
4. Яжборовская И.С. Национальная идея в Польше: история и современность // Национальная идея на европейском пространстве в XX веке. М., 2005.
5. Погодин А.Л. Краткий очерк истории славян. М., 1915.
6. Липатов А.В. Европейское Просвещение и концепция национальной культуры в Польше XVIII в. (к постановке проблемы) // Формирование национальных культур в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.

⁸ Например, даже говоря о таких либеральных общественных деятелях, как позитивисты А. Свентоховский и Б. Прус, польские исследователи отмечают, что они «...считая неприемлемым соглашательство с российскими властями ... не могли и не хотели идти даже на незначительные компромиссы» [2. С. 362].

⁹ Термин М.Н. Кузьмина [23. С. 64].

¹⁰ Ср.: «Русское общество хотело модернизации, но плохо умело использовать свои собственные предпосылки для ее осуществления» [22. С. 115].

7. *Hahn H.H.* Przymus modernizacyjny i ucisk integracyjny – rola państwa w kształtowaniu mentalności politycznej Polaków w drugiej połowie XIX wieku // *Ideologię, poglądy, mity w dziejach Polski i Europy XIX i XX wieku.* Poznań, 1991.
8. *Матвеев Г.Ф.* “Третий путь”? Идеология аграризма в Чехословакии и Польше в межвоенный период. М., 1992.
9. *Общественное движение на польских землях. Основные идейные течения и политические партии в 1864–1914 гг.* М., 1988.
10. *Фэйрбенкс М.* Преобразуя сознание нации: о ступенях, ведущих к процветанию // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу.* М., 2002.
11. *Мельникова Е.В.* Культура и традиции народов мира (этнопсихологический аспект). М., 2006.
12. *Краткая история Польши: С древнейших времен до наших дней.* М., 1993.
13. *Гришина Р.П.* Модернизация по-балкански: диктует матрица (конец XIX – середина XX в.) // *Славяноведение.* 2004. № 3.
14. *Thomas W., Znaniecki F.* The Polish Peasant in Europe and America. New York, 1927. Vol. I–II.
15. *Ингльгардт Р.* Культура и демократия // *Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу.* М., 2002.
16. *Wierzbicki J.T.* The Development of National Consciousness in the Polish Peasant // *Rural Socio-Cultural Change in Poland.* Wrocław, 1977.
17. *Модернизация: зарубежный опыт и Россия.* М., 1994.
18. *Крупина Т.Д.* Теория модернизации и некоторые проблемы развития России конца XIX – начала XX в. // *История СССР.* 1971. № 1.
19. *Политические системы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. 1917–1929.* М., 1988.
20. *Гришина Р.П.* Предисловие // *Человек на Балканах: социокультурные измерения процесса модернизации на Балканах (середина XIX – середина XX в.) / Сб. статей.* СПб., 2007. С. 10–11; *Шемякин А.Л.* Традиционное общество и вызовы модернизации. Сербия последней трети XIX – начала XX в. глазами русских // *Русские о Сербии и сербах.* СПб., 2006. Т. 1. Письма, статьи, мемуары. С. 664–666.
21. *Козловский В.В., Уткин А.И., Федотова В.Г.* Модернизация: от равенства к свободе. СПб., 1995.
22. *Федотова В.Г.* Модернизация “другой” Европы. М., 1997.
23. *Кузьмин М.Н.* Переход от традиционного общества к гражданскому: изменение человека // *Вопросы философии.* 1997. № 2.

© 2009 г. И. С. ЯЖБОРОВСКАЯ

СОВРЕМЕННАЯ ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

С существенными социальными проблемами большинство стран Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы столкнулись и пытались их решать еще в 50–80-е годы XX в., когда они проходили через этапы кризисов, вынуждавших преодолевать негативные последствия социально-экономических просчетов путем проведения необходимых реформ. Для населения региона становились привычными снижение жизненного уровня и рост бедности, падение уровня потребления, появление безработицы и утрата многих социальных гарантий. В 1970-е годы в продвинутых по пути реформирования Венгрии и Польши возникли Комитет по защите бедных (SZETA) и Комитет защиты рабочих (KOR). Массовое протестное движение достигло апогея в начале 1980-х годов в Польше, обретя вызвавшее огромный резонанс в среде трудящихся всего региона название «Солидарность».

На рубеже 80–90-х годов XX в. в странах региона произошли изменение и обострение характера социальных проблем. Уже на начальном этапе экономической трансформации национальный доход на душу населения еще более снизился, хотя первыми вступившие в ЕС страны (Венгрия, Польша, Словакия, Словения и Чехия) имели достаточно высокий стартовый уровень социально-экономических реформ, а Венгрия и Польша сохранили возможность удовлетворять базовые потребности населения. За обвал «реального социализма» и довольно болезненный перевод на рыночные основы, связанный с разрушением прежней малоэффективной административно-командной системы и заменой ее новой, основанной на совершенно иной хозяйственной логике рыночной системы население платило высокую социальную цену, переживая девальвацию общественных и индивидуальных ценностей, подрыв убеждений, потерю ориентиров, социальную и экономическую незащищенность [1. С. 11].

При выборе рядом стран региона неоллиберальной концепции развития форсировалась модель преобладания частного сектора в структуре экономики и ограничения общественного сектора только некоторыми ее отраслями. Глубокая экономическая рецессия, лимитирующие социальные расходы внешние

долги и коррупция ограничили бюджетное финансирование социальных программ и стали причиной социальных трудностей.

Социальные расходы государства, уровень социального обеспечения и качество жизни населения (жилищные условия, уровень медицинского обслуживания, продолжительность жизни, качество и доступность образования) повсеместно и существенно снизились, хотя и в различной степени. Независимо от того, какими темпами шли преобразования, показатель реформирования социальной политики оставался более низким, чем показатели реформирования экономики, функций государства, права и банковской системы. Падение жизненного уровня и рост безработицы стали повсеместными.

С нарождающимися проблемами национальные государства могли справиться лишь частично, и национальная социальная политика все больше входила в компетенцию международных организаций.

Глобализация и трансформация региона, меняя проводимую в жизнь социальную политику и приоритетность ее задач, делали ставку на сокращение социальных услуг. Они смещали центр проводимой социальной политики одновременно вниз, на местный уровень, и, диктуя сжатие роли национальных государств, сужение государственного участия в решении социальных проблем и передачу ряда их функций вверх, на наднациональный, глобальный уровень.

Трансформационный перелом 1989 г. ознаменовался мощным давлением на страны Центрально- и Юго-Восточной Европы со стороны ряда международных организаций – Всемирного банка, Международного Валютного Фонда, Европейского сообщества (с 1992 г. – Европейского Союза) и Международной Организации Труда, стимулирующих скорейшее проведение системных преобразований в социально-экономической, законодательной и политико-институциональных сферах.

Между тем рост не подотчетных законодательству транснациональных корпораций расширял сферу безответственности в отношении социального обеспечения граждан. Социальная сфера все более задвигалась на задний план, схема социального обеспечения становилась менее эффективной, хотя была призвана взять на себя предотвращение угрозы для проведения перемен в области внедрения рыночной экономики и демократизации общества [2. С. 323–327].

Преобразование разных областей социально-экономической жизни было нацелено на то, чтобы, принеся жизненный уровень населения в жертву росту ВВП, освободить государство от обязанности финансирования многих выплат и перенести эти расходы на население и в определенной степени на предприятия. Это происходило в ситуации, когда спад производства и национального дохода был наиболее высоким, что усилило измеряемое дифференциацией доходов ощущение социальной несправедливости. Оно было весьма обременительно ввиду особенно большого масштаба существенных и трудных для трансформирующихся экономик проблем, решаемых срочно и одновременно.

Завершение в основных чертах формирования рыночных институтов не разрядило, но даже ухудшило социальную ситуацию в регионе и не остановило накопления негативных социальных эффектов. Социальная сфера в большинстве случаев еще не приспособилась к новым социально-экономическим реалиям. В большинстве стран социальные преобразования носили неорганизованный, стихийный и хаотичный характер. В здравоохранение и образование внедрялись элементы рыночной экономики. Изменения в пенсионной схеме и шаги к адресной социальной политике не были системными, льготы или сокращались, или

**ВВП на душу населения в трансформирующихся странах в 1994 г.
и их место в мире согласно показателю HDI [4]**

Страна	ВВП на душу в долларах США	Место в мире согласно показателю HDI
Словения	10.404	35
Чехия	9.201	39
Словакия	6.389	42
Венгрия	6.437	48
Польша	5.002	58
Россия	4.828	67
Болгария	4.533	69
Эстония	4.294	71
Литва	4.011	76
Латвия	3.332	92

вообще ликвидировались. Даже при том или ином сохранении социальных гарантий их реальное содержание резко снижалось.

Ситуация в Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе в первые годы рыночных преобразований продолжала ухудшаться. Начавшийся экономический рост не трансформировался в адекватное повышение реальной заработной платы. Оплата труда резко упала. В 1991 г. реальная зарплата оказалась относительно высокой в Польше, превышая аналогичный венгерский показатель на 10%, Чехословакии – на 15%, Болгарии, Румынии и Югославии – примерно на 50% [3]. Через два года в большинстве стран жизненный уровень еще больше снизился (кроме Польши и Чехии – в последней он даже вырос). Покупательная способность средней заработной платы упала в Венгрии на 15%, в Словакии на 30%, в Болгарии и Румынии на 50%.

Поскольку наиболее распространенным индексом уровня жизни является размер национального дохода (ВВП) в пересчете на душу населения, но более точным – используемый в Программе развития Объединенных наций (UNDP) общий показатель развития HDI (Human Development Index), учитывающий среднюю продолжительность жизни, доступ к образованию и достойный уровень жизни, мы приведем оба показателя итогов для первого пятилетия преобразований (см. *Табл. 1*).

В 1994 г. 20–30% жителей Вышеградской группы и около половины населения остальных стран региона имели доходы ниже прожиточного минимума. Только в Польше и Венгрии населению удавалось компенсировать тяготы за счет быстрого проведения преобразований и в большей степени путем увеличения доли социальных расходов в ВВП. Баланс между двумя тенденциями был достигнут примерно в 1996 г., с перемещениями политического маятника влево и приходом в ряде стран к власти посткоммунистов.

Со второй половины 1990-х годов в тех странах, которые преодолели трансформационный спад в экономике, заработная плата стала расти, превысив дореформенный уровень в Чехии, Польше и Словении. Однако в Юго-Восточной Европе она по-прежнему отставала. В Болгарии, например, она была в два раза ниже, чем до начала реформ.

В большинстве стран доля социальных выплат (кроме пенсий) сократилась (особенно в образовании и здравоохранении) в два и более раза. Некоторое по-

вышение доли пенсий в социальных выплатах связано со старением населения, увеличением численности пенсионеров из-за сокращения возможностей трудоустройства для пожилого населения. Если Лиссабонская Повестка дня ЕС (март 2005 г.) ориентирует на занятость 70% населения, то даже в относительно благополучной Венгрии работу имеют только 57% населения в возрасте 15–65 лет. Молодежь поздно входит в трудовой возраст, редко совмещает обучение с работой, вынуждена много месяцев искать работу и соглашаться на низкие ставки [5. Р. 11].

Резко сократилось государственное финансирование высшего, среднего и среднего специального образования. Развитию высшего образования в этой ситуации способствовал растущий спрос динамично развивающейся экономики на специалистов, который удовлетворяется за счет рыночного спроса населения на данный вид услуг (выпускников гуманитарных специальностей поразила безработица). Ситуация в особенно успешно реформируемых странах Вышеградской четверки позволяет государственным структурам тратить на образование более 5% ВВП, а на здравоохранение более всего расходует Чехия – 6% [1. С. 14].

К этому времени четко выявились две разнонаправленные тенденции перемены. Господствующая в Центрально-Восточной Европе и Словении тенденция была нацелена на ускорение экономических преобразований, на борьбу с инфляцией, на уменьшение дефицита бюджета и иностранного долга, на проведение приватизации и выстраивание финансовой системы с банками и фондовыми биржами.

В целом, ситуация венгров, поляков, словаков, словенцев, чехов по сравнению с периодом кануна трансформации улучшилась, и особенно существенно для выигравших от преобразований групп населения. Однако основными проблемами требующего оптимизации жизненного уровня населения региона, определяющими социальную ситуацию и перспективы развития стран, по-прежнему оставались ширококомасштабная бедность и углубляющаяся дифференциация доходов.

В Юго-Восточной Европе тенденция сохранения status quo под давлением прежних групп интересов, старой номенклатуры, бюрократического аппарата ориентировала на торможение приватизации, на обновление старой системы или включение в новую систему элементов командно-административной экономики, на защиту клановых интересов – восстановление льгот и привилегий элиты, в том числе на лечение, на субсидии, материальную помощь и т.д. Там, где эта тенденция оказалась сильнее, преобразования были весьма растянуты во времени, общее обнищание углублялось, а темпы развития и уровень жизни населения восстанавливались медленнее (см. [6. Р. 165–166]). Из-за огромного роста социального неравенства реальные доходы более уязвимой части населения (80%) оказались сокращены приблизительно наполовину [7. Р. 217].

Оказавшиеся за чертой бедности слои населения вынуждены были исходить из абсолютного приоритета материальных потребностей и сфокусировать все свои жизненные интересы на проблемах выживания. В ситуации так называемого «избыточного неравенства», когда общество не может обеспечить приемлемый уровень жизни нуждающимся в социальной поддержке группам населения, такие люди, будучи не защищены от духовного и даже физического вырождения, лишаются пассионарности и практически не способны к сколь угодно эффективной защите своих элементарных интересов. Их пассивность показывает, насколько нищета парализует волю человека. Опускаясь ниже

черты бедности, он деградирует. При разрастании таких слоев социальная энергия общества стремится к нулю. Спад за границу бедности – это выходящая далеко за рамки экономики социальная катастрофа, грозящая политической нестабильностью [8].

В 1997 г., со сменой экономической конъюнктуры, страны региона выстроились по показателям ВВП на душу населения в долларах США (согласно обменному курсу национальной валюты) по нисходящей несколько иначе, чем раньше, а именно: Словения, Чехия, Венгрия, Хорватия, Польша, Словакия, Россия, Эстония, Латвия, Румыния, Союзная Республика Югославия, Болгария и Албания. По данным на 2003 г. отношение ВВП на душу населения к среднему уровню по 15 государствам ЕС составило по паритету покупательной способности валют в Венгрии – 55%, Польше – 42%, Словакии – 50%, Словении – 70%, Чехии – 59% (в Болгарии и Румынии – не выше 28%) [9. С. 199].

Со второй половины 1990-х годов в тех странах, которые преодолели трансформационный спад в экономике, заработная плата стала расти, превысив в Чехии, Польше и Словении дореформенный уровень. В Юго-Восточной Европе она по-прежнему весьма низкая.

Если разрыв доходов между отдельными социальными группами в начальный период реформ составлял 2,5–3 раза между 10% самых богатых и 10% самых бедных, то в первые годы нового века он увеличился в вошедших в ЕС странах до 4–5 раз, а в некоторых балканских государствах – до 10 раз. В известной мере это было следствием избавления от «уровниловки», стимулирования роста качества труда и развития предпринимательства. Но только не допустившие столь резкой дифференциации по уровню доходов страны Центрально-Восточной Европы сумели предотвратить критическое разрастание зоны бедности. В результате в Чехии и Словении оказалось всего 1% бедных [10. С. 283–288].

Во всех странах региона левые силы с момента развертывания системной трансформации решительно высказались за сохранение социального государства, за социальную рыночную экономику.

Как повлиять на создание оптимальной совокупности рынков товаров, услуг, труда и капиталов, а также общественных социально-экономических институтов – отношений собственности на экономические ресурсы и продукты, хозяйственного права и органов его реализации, механизмов государственного регулирования экономики и особо пострадавшей социальной сферы?

Очень скоро стало ясно, что решение этой задачи входит в противоречие с основными тенденциями «зигзага» в общественном развитии. Ближе к началу нового века в рамках общего процесса рыночных преобразований усилились проявления национальных особенностей отдельных стран, их социальная неоднородность, различные возможности, специфики той или иной фазы политического развития и, соответственно, обнаружилось своеобразие социальной политики тех или иных политических сил.

Образцом создания программы социальной рыночной экономики, социальной оптимизации трансформации стала выработанная премьер-министром Г.В. Колодко польская экономическая программа на 1994–1997 гг. «Стратегия для Польши» (см. [11]), подготовленная им в противовес неолиберальным Вашингтонскому консенсусу и плану польского министра финансов Л. Бальцеровича (см. [12]). Согласно этой программе государство исполняло роль арбитра, разрешавшего общественные конфликты, споры между работодателями и ра-

ботниками, а в результате гармонизировало экономический рост. Результатом быстрого экономического роста и более справедливого, чем в предшествовавший период, распределения национального дохода становилось улучшение условий жизни населения, особенно рост уровня потребления, восстановление чувства социальной безопасности, потеря которого была основной причиной неудовлетворенности и раздражения общества. Повышению чувства социальной безопасности служила также реформа социального обеспечения. Была принята программа активного противодействия безработице.

«Стратегия для Польши» учитывала необходимость соблюдения общественного консенсуса и сыграла важную роль в стабилизации польской экономики, хотя с неизбежностью социальная цена реализуемых мер оказалась весьма высока. «Стратегия для Польши» сыграла весьма позитивную роль, но с приходом к власти правых сил реализация этого курса была остановлена.

Решение социальных проблем было тесно связано с изменениями социально-политического устройства стран региона. Заметно различались масштабы, темпы, глубина и соотношение экономических, институциональных и социальных перемен, стратегия реформирования каждой из этих сфер и их соотношение, последовательность и комплексность. От этого зависели социальная политика, оптимизация механизмов финансирования и функционирования всей системы социальной защиты населения, в том числе образования и здравоохранения, состояние системы социальных пособий и льгот, переход к адресной социальной поддержке наименее защищенных слоев населения, мера сохранения государственного патронажа и т.д.

В Юго-Восточной Европе при затянувшейся приватизации и высокой инфляции предпринимались попытки формально сохранить ряд прежних социальных завоеваний, чему препятствовали распад прежних государственных структур и неэффективность вновь созданных – в Македонии, а также в Боснии и Герцеговине.

К настоящему времени большинству специалистов региона стало очевидно, что экономика каждой страны, ее рынок, прямо или косвенно должна регулироваться государством, особенно если оно на данном этапе решает определенные социальные цели. В прямой зависимости от установок правящих политических сил вариативно реализовались функции государства в деле преобразований – как спонтанные или в той или иной мере управляемые, руководимые государством методами социальной политики. Чаще всего оба подхода дополняли друг друга, и все большая часть перемен осуществлялась усилиями государства.

Движение политического маятника, например, во многом обуславливает используемые в практике способы и пути прямой и косвенной приватизации. Они в разной степени сочетают экономические цели приватизации с ее социальными целями (прямым и косвенным доступом общества к приватизированному имуществу), что выражается в предпочтении одной из трех основных моделей (вариантов) приватизации: денежно-рыночной, государственно-административной или общественно-наделительной.

Поскольку становление частнособственнических отношений органически связано с первоначальным накоплением капитала, эта проблема с неизбежностью упирается в вопрос, является ли и в какой степени объективной неизбежностью обнищание значительной части общества в процессе формирования и концентрации отечественного частного капитала? [13. S. 22] С ней связана и проблема эффективности принятых методов проведения трансформации: како-

вы должны быть экономические и социальные затраты? Какие из них социально приемлемы?

Повсеместно признано, что обеспечить социальное развитие общества без эффективного государства невозможно, однако формы и методы такого участия меняются, при этом, как правило, доля такого участия уменьшается. Но в любом случае, как считают специалисты по проблемам системной трансформации С.П. Глинкина и Т.В. Чубарова, государство не должно полностью уклоняться от социальной ответственности за граждан, проводить курс на самостоятельное выживание малообеспеченных и менее устойчивых слоев населения, минимизировать социальные гарантии помощи беднейшим слоям [1. С. 16].

Как подчеркивает Ю.К. Князев, научно формируемая социальная политика государства призвана базироваться на комплексном многофакторном анализе и сопоставлении всех плюсов и минусов не только в настоящий момент и не только для населения и его отдельных слоев, но для общества в целом. Она должна включать весь комплекс мер по оздоровлению социально-экономической сферы и повышению благосостояния людей и всего общества как в настоящем, так и в будущем [14. С. 116].

Попытки реформаторов региона найти оптимальный вариант социально-экономической трансформации в западных образцах и опереться на экспертизы приглашенных специалистов пришлось на десятилетие серьезных экономических трудностей для самого Запада с его отказом от прежних социальных завоеваний государства благосостояния. Распространившаяся на Западе в период послевоенного развития идея социального равновесия в 1990-х годах все более теряла популярность. Не оправдывались надежды ряда западных теоретиков (Р. Дарендорфа и др.) на то, что разнообразие вариантов рыночной экономики позволит осуществить оптимальный выбор при помощи переговоров между различными социальными силами, что привлекательной станет немецкая модель социальной рыночной экономики, что, наконец, социальные завоевания самих постсоциалистических стран окажут благотворное воздействие на западную экономику (см. [15]).

Между тем системная трансформация в регионе оказалась оплачена очень высокой социальной ценой – утратой значительной части достижений в социальной сфере, потерей ощущения стабильности и социальной защищенности. По сравнению со средним стандартом Евросоюза наиболее высокий в регионе доход на душу населения в Словении составил 68%, в Польше и Эстонии – 40 и 37%, в Болгарии и Румынии менее 30% [16]. Поэтому регион Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европы изначально не мог предложить весомых эталонов социальной рыночной экономики, как и рецептов по преодолению безработицы.

Ситуация в ряде балканских государств была резко осложнена тем, что там на социальную сферу негативно повлияли военные конфликты. Ухудшились показатели социального благосостояния, значительно сократились государственные расходы в этой сфере.

Переход стран региона к рыночной экономике с неизбежностью повлек за собой рост безработицы, которая уже в 1993 г. приобрела черты структурной. В Польше, Венгрии и Эстонии преобразования осуществлялись быстрее всего, но с высокими социальными затратами, в том числе со значительным ростом потерь на рынке труда.

Массовая потеря работы естественным образом началась уже в первые годы рыночных преобразований, когда было остановлено множество различных предприятий, в том числе градообразующих, закрывались сельскохозяйственные кооперативы, проводились сокращения в органах государственного управления. Безработицу подхлестнули сопровождающаяся увольнением работников приватизация государственных предприятий (где к тому времени существовал большой скрытый избыток рабочей силы), низкая эластичность рынка труда, несоответствие предложения и спроса на рабочую силу по профессиям и квалификации.

Относительно низок ее уровень был только в Чехии. Однако и здесь она росла в связи с продолжением реструктуризации экономики – при относительно невысокой цене социальных затрат затянутого и несколько деформированного процесса преобразований.

Динамика уровня безработицы в регионе с середины первого десятилетия трансформации составляла, если сравнить средние показатели 1995 и 2003 г.: в Венгрии – 11.7 и 6%, в Чехии – 2.9 и 10%, в Словении – 14.5 и 11%, в Румынии – 9.5 и 11%, в Болгарии – 11.1 и 14%, в Словакии – 13.1 и 17.9%, в Хорватии – 15.1 и 20%, в Сербии и Черногории – 24.7 и 34%, в Македонии – 36.9 и 40% [10. С. 284].

Повсюду все очевиднее проявлялись симптомы нового тревожного явления – безработности, стабильного исключения с рынка труда значительных отрядов трудоспособного населения. В Центрально- и Юго-Восточной Европе тяготы структурных перемен были особенно обременительны в силу того, что именно здесь безработица чрезвычайно быстро превращалась в опережающую рецессию постоянную безработность. Это была уже не традиционная безработица, вызванная временным снижением занятости вследствие действия конъюнктурных циклов, а все полнее выражающее современные тенденции явление длительного, в большей мере наследуемого устранения с рынка труда больших социальных (профессиональных и др.) групп, лишения их возможности быть занятым в соответствии с квалификацией и устремлениям (см. [17. С. 108–111]). Выход из этой ситуации первоначально виделся в интеграции в Европейское Сообщество, но он оказался лишь частичным и временным.

Глобализация и информационная революция везде принципиально меняли разделение общества на привилегированных и испытывающих социальную деградацию, порождали чувство потери статуса и исключения из социальной жизни и в страновом, и в региональном измерении. Во время структурных преобразований региона именно здесь особенно большая часть трудящихся попала под этот каток.

Перед расширением Евросоюза 1 мая 2004 г. средний уровень хронической безработицы («безработности» в течение более 12 месяцев) у 15-ти стран составлял 3.1%, что было равно 41.4% общего числа безработных.

Наиболее благополучными на тот период были страны Северной Европы, которые ранжируются по тем же показателям (в процентах) следующим образом: Нидерланды (0.7 и 26.7), Дания (0.9 и 19.7) и Швеция (1 и 21), к которым была близка Австрия (0.8 и 19.2). Более напряженной ситуация была в группе ведущих европейских стран: Великобритании (1.2 и 23.1), Франции (2.9 и 33.8), Германии (3.9 и 47.8), Италии (5.3 и 59.2). К последней приближалась готовившаяся к вступлению в ЕС «вышеградская четверка», в которой ситуация складывалась

наиболее благополучно для региона – Венгрия (2.5 и 44.8), Чехия (3.7 и 50.7), Словакия (10.2 и 59.8) и Польша (10.5 и 52.5) [18. S. 240].

Венгрия решала эту проблему, ведя политику полной занятости. Уровень хронической безработицы в Польше и Словакии был самым высоким (на уровне или выше 18% трудоспособного населения), превышая тот же показатель в США и Норвегии в 20 раз, в Канаде и Нидерландах в 15 раз, в Венгрии – в 4 раза и почти в 3 раза в Чехии [18. S. 239].

Безработность как постоянное вытеснение с рынка труда и исключение из социальной жизни не была временным следствием трансформации строя. От нее не защищали ни высокая квалификация, ни работа на предприятиях, связанных с современными отраслями, например с информатикой, ни обучение (переобучение) для работы в банковском секторе.

В странах Центрально-Восточной Европы, особенно в Словакии и Польше (где резко изменилась структура экономики и в сельском хозяйстве высвободилась значительная часть рабочей силы), а также в балканских государствах (кроме Румынии) безработность в деревне превратилась в серьезную экономическую и политическую проблему. В Словении, Румынии и Болгарии перелив части рабочей силы в сельское хозяйство, наоборот, частично снизил уровень безработицы.

Попытки смягчить безработность путем миграции в более развитые страны временно меняют ситуацию. Однако она стимулирует другое негативное явление – отъезд за границу наиболее образованных, энергичных и динамичных молодых людей, являющихся важнейшим фактором экономического развития страны.

Постоянная безработность повлекла за собой различные негативные явления, в том числе лишение возможности зарабатывать на содержание себя и своей семьи, сокращение спроса и покупательной способности. Безработность предопределяла серьезные общественно-политические последствия, сужая рамки социализации и создавая угрозу для общественного порядка.

Смягчение этого социального бедствия социальными пособиями было эффективно, обеспечивая поддержание жизни, когда кризисные явления носили временный характер, но их более длительное применение оказалось вредным. Оно создало навык минимизации запросов при минимизации усилий, становящийся традицией целого социального слоя. Пособия стали источником преступности – удовлетворения запросов на лучшую, более престижную жизнь и достижения удовлетворения потребностей средствами организованной преступности при нарастании активной деморализации.

Если в течение всех 1990-х годов большинство трудящихся региона ожидали от рынка благосостояния, то в начале XXI в. мифологемы этого ряда остались в прошлом, хотя еще и в 2005 г. 44% населения считали, что систему следовало изменить.

Материальная ситуация малоимущих более благополучной Венгрии – многодетных семей, жителей отдаленных деревень и поселков, а также поселений с ныне закрытым одним градообразующим предприятием, семей с единственным кормильцем, цыганских семей существенно ухудшилась. Резко снизилась занятость женщин, особенно в возрасте 35–55 лет, была ограничена сеть детских садов и других социальных учреждений (см. [19]). Подсчеты ЕС отнесли даже Венгрию, Чехию и Словакию к числу стран со слабой программой пенсионного обеспечения [20].

Венгерские социалисты выступили с программой снижения налогообложения и расширения социального обеспечения (см. [21]), хотя отток «портфельных» инвестиций не позволил реализовать социал-демократическую программу Ф. Дюрчяня и вызвал массовое протестное движение.

Общество все в большей степени адаптируется к условиям капиталистического строя, хотя в Польше в 2006 г. 64% опрошенных считали основным противоречием антагонизм богатых и бедных, отмечая усиление социальной дифференциации. Динамика польского общественного мнения наглядно прослеживается на примере критической оценки состояния рынка труда, сравнения взглядов на проблемы безработицы в течение неполных последних двух десятилетий. В польских социологических опросах в 2006 г. за свободу увольнений высказались 16.9% по сравнению с 71.5% в 1991 г., терпимо отнеслись к явлению безработицы 13.9% по сравнению с 25.6% в том же 1991 г. Руководящую роль государства в экономике позитивно оценили соответственно 30.9% вместо 19.4%, предпочитали занятость на государственном предприятии 45% (26% – в собственной фирме и только 13% – на частном предприятии). Было повсеместно признано, что частные фирмы более рентабельны, но что трудовой кодекс и регулярность выплат лучше соблюдаются на государственных предприятиях [22. S. 5–8].

Поскольку «невидимая рука рынка» оказалась весьма жесткой, жадной и не очень «чистой», вновь ожили надежды на спасительную роль эгалитаристских и этатистских установок. Не оправдавшие себя неолиберальные концепции стимулируют рост критицизма по отношению к «реальному капитализму». По данным польского Центра исследования общественного мнения, две трети жителей Польши считают, что его функционирование носит неудовлетворительный характер. В 2006 г. равные части населения высказались «за» и «против» него, при том, что категория «за» (17% – жители больших городов, лица с высшим образованием, в возрасте 26–34 лет, предприниматели и работники частного сектора, учащиеся и студенты), как правило, одобряла «капитализм с человеческим лицом».

Большинство, согласно «Социальным диагнозам» проф. Я. Чапиньского, как правило негативно оценивает результаты преобразований (позитивно в 2000 г. – 7.7%, в 2003 – 6.1% и в 2005 г. – 7.4%). Влияние перемен на свою жизнь как «очень» или «скорее» отрицательное в 2000 г. охарактеризовали 65.4%, в 2003 г. – 68% , в 2005 г. – 56.1%. Одним из главных минусов преобразований считается чрезмерная дифференциация доходов («против» – 94%). Работающие (!) предлагают выровнять их уровень («за» – 43%), введя верхнюю границу («за» – 60%) [22. S. 5–8].

Весьма важный момент – даже наличие занятости отнюдь не всегда обеспечивает работающим социальный минимум. Не оправдавшиеся за почти два десятилетия трансформации надежды многомиллионных масс трудящихся Польши вылились в ныне самый популярный протестный лозунг: «Кто украл у нас нашу победу?»

При этом на конфликт между частными предпринимателями и наемными рабочими указывали 50%, а с национальным капиталом – 34% респондентов. Руководитель проекта «Работающие поляки 2006» проф. Ю. Гардавский указывает на сохранение на частных польских предприятиях, несмотря на констатацию со стороны 22.7% эксплуатации и 34.5% – кумовства и блата, как правило хорошего климата и позитивных представлений об отечественном бизнесе: «Демон-

страция богатства раздражает, но если частный владелец моего предприятия не кичится богатством и ведет себя прилично, то он – “наш”».

Новым, все более значимым конфликтогенным фактором становятся социальная деградация и рост претензий на занятие или сохранение партнерских позиций в общественной жизни со стороны деградировавших в разном смысле отдельных лиц и самых различных групп людей, требование признания их равноправной позиции с одновременным сохранением особой идентичности – этнической, расовой, культурной, половой, идеологической, религиозной, сексуальной, трудовой и возрастной.

С ростом уровня образования молодой части общества усиливается ее стремление к самореализации через творческую, партнерскую позицию в трудовых коллективах, что соответствует как новым требованиям роста производительности и инновационной экономики, так и разнообразным стремлениям к партнерским отношениям деградирующих социальных групп.

Наиболее обездоленное большинство не имеет возможностей противостоять подобным явлениям ни экономически, ни политически, сколько-нибудь эффективно защищая свои интересы в политическом процессе. Пройдя через испытания кризисных лет заката «реального социализма», эти социальные слои пока по инерции проявляют максимум приспособляемости, сводят до минимума свои коллективные социальные требования, сдерживают подспудный социальный протест, формулируют постулаты, ведущие к утверждению и отстаиванию социального характера рыночной экономики, до полного утверждения которой региону еще далеко. Пока беднейшие социальные слои, включаясь в основном в нерыночные трудовые отношения, преимущественно формируют «экономику бедности».

Поиски путей исправления этой ситуации, предпринятые крупными польскими социологами, вынудили их обратиться к главным авторам трансформации – премьерам, министрам, спикерам палат парламента, лидерам основных политических партий и другим ведущим экспертам. Они отнесли к одной из двух самых болезненных проблем общественной жизни проблему усиления массовой социальной деградации, исключения трудящихся из общественной жизни, а его причины определили как носящие трансформационный, демографический, экономический, политический и социальный характер.

Все опрошенные эксперты увидели выход из этой ситуации в необходимости вмешательства государства, его поддержки и обеспечения социальной защиты, независимо от их политической ориентации – либеральной, социал-демократической или иной. В качестве оптимальной в большинстве случаев выделялась модель социального государства [23. S. 237], которое, оставив позади «реальный социализм», будет активно поддерживать предпринимательство, бороться за снижение цены преобразований (ограничение нищеты и безработности) во имя создания для всех основных социальных групп шансов найти свое место при новом строе [24. S. 51–52].

Создаваемые глобализацией новые социальные проблемы в известной степени регулируются документами Европейского Сообщества, в том числе Хартией Европейского Союза 2000 г., Европейской социальной хартией в редакции 1996 г., Социальной хартией Совета Европы и Хартией основных социальных прав работников 1989 г. Однако достаточно тщательно проработанные две последние не были инкорпорированы в правовую систему ЕС. Комплексное решение этих проблем тормозится рядом государств, прежде всего не следующей Со-

циальной хартии ЕС Великобританией, проводящей самостоятельную социальную политику через «Know Hay Fand».

При создании Европейского Союза в Маастрихтском договоре (1992) был обозначен курс на продвижение решения социально-экономических проблем, на постепенную реализацию Социальной хартии 1989 г. Периодически удается только актуализировать основные положения социальной политики, принципиально важные именно для стран региона. Было согласовано создание сектора работ с неполной занятостью. В Лиссабоне (2005) рассматривался, в частности, вопрос о более эффективных мерах по борьбе с явной и скрытой безработицей.

Евросоюз в значительной мере силами социалистов предпринимает меры, которые позволили бы оптимизировать сочетание экономического развития и социального обеспечения, постоянно поддерживать социальный диалог между представителями работодателей и работников, а также государственных структур. В Центрально-Восточной и Юго-Восточной Европе не прививались предпринимавшиеся в Евросоюзе меры в направлении сохранения и развития трехстороннего диалога, согласования путей решения экономических и социальных проблем (см. [25]). Одна из главных причин этого: во всем регионе традиционно остаются недоразвитыми механизмы социального диалога, большим дефицитом – распространенные в ЕС политические и социальные обычаи, принимаемые меры по достижению социального консенсуса. Даже в Польше, где исполнявший функции министра труда социал-демократ Я. Куронь предложил опереться при проведении экономических преобразований на социальный пакт правительства, предпринимателей и профсоюзов и инициировал соответствующие переговоры, ни одна из трех сторон не была готова к ним. В 1993 г. профсоюзы форсировали отставку принявшего этот курс правительства.

Политика, программно исключавшая достижение социального консенсуса, вскоре привела к потере доверия со стороны значительной части населения региона и стала препятствием на пути оптимального социально-экономического развития.

Во время саммита ЕС в Барселоне европейская модель предусмотрела программы, нацеленные на сокращение числа лиц, которым угрожает нищета, на рост занятости, инвестиций в образование, квалификации и мобильность рабочей силы, на создание постоянных систем социального обеспечения. Именно деятельность по инвестированию в повышение квалификации кадров и качество рабочих мест должна обеспечить Евросоюзу сохранение конкурентоспособности по сравнению с США и другими развитыми странами.

Новые члены ЕС, будучи связаны с европейской социальной моделью, пересматривают основные направления своей социальной политики и приводят законодательство в соответствие с общеевропейскими стандартами и требованиями ЕС, приспособляясь к общим подходам к обеспечению социальной защиты населения. Эти надежды получили на ряд лет реальное подтверждение, но волнообразные изменения экономической конъюнктуры, не будучи систематически подкрепляемы продуманной социальной политикой, вновь обернулись дополнительными тяготами для социальных низов. Появились сомнения в объеме и справедливости распределения расходов – слишком большой цены и эффективности проведенных преобразований.

Американские экономисты и социологи на основе статистических материалов ВВ и ЕБРР за истекшее 15-летие установили, что в подавляющем большинстве проходивших трансформацию стран Европы в ходе затяжного экономиче-

Динамика ВВП на душу населения и «уровня счастья» в постсоциалистических странах [26]

Страна	1990–1993	1995–1997	1999–2002	2003 ВВП в \$
Словения	6.29	6.46	7.23	19150
Чехия	6.37	–	7.06	16357
Хорватия	–	6.18	6.68	11080
Польша	6.64	6.42	6.20	11379
Словакия	6.15	–	6.03	13494
Эстония	6.00	5.00	5.93	13539
Венгрия	6.03	–	5.80	14584
Босния и Герцеговина	–	5.46	5.77	5967
Болгария	5.03	4.66	5.50	7731
Латвия	5.70	4.90	5.27	10270
Румыния	5.88	–	5.23	7277
Литва	6.01	4.99	5.20	11702
Албания	–	–	5.17	4854
Македония	–	–	4.56	5491

ского спада произошел существенный сбой оценок населением собственного благополучия, удовлетворенности жизнью (так называемым «уровнем счастья»). (Индекс экономического благополучия граждан формируется на основе оценки гражданами экономической ситуации в стране, своего финансового положения и курса правительства). Прослеживается увеличение разрыва между объективными показателями и степенью удовлетворенности жизнью (см. Табл. 2).

Судя по показателям третьей колонки, тенденция к более высокой оценке показателей и того, и другого порядка четко намечена в Словении и Чехии. В остальных случаях нередки существенные расхождения между ними, видны явные колебания, и стабильной близкой перспективы значительного улучшения ситуации практически нет.

Социальная ситуация в условиях недовольства значительной части населения социальными и политическими последствиями рыночной экономики во многом остается сложной и неустойчивой. Обостряется борьба за электорат, защищающий в значительной степени потерявший свои позиции принцип социальной справедливости. На этой почве усиливается конкуренция либералов, политиков правого и левого центра, социалистических партий, а также подчеркивающих свою социальную идентичность, но на самом деле популистских, национал-консервативных сил, искусственно использующих или имитирующих левые социальные идеи. Таковы недавно избранная польская партия «Право и справедливость» братьев Качиньских, словацкая Народная партия – Движение за демократическую Словакию В. Мечиара, партия ФИДЕС – Венгерский гражданский союз В. Орбана и др.

Формирование новой социальной политики, адаптация сложившихся систем управления к новациям нового этапа развития общества непосредственно связаны с удовлетворением социальных потребностей современного общества, с оптимизацией роли ослабленного, потерявшего ряд прежних функций государства и определением соответствующих идеологических установок. Оно диктует создание такой системы социальной защиты населения, которая обеспечивала бы согласование интересов различных социальных групп и разрешение социаль-

ных противоречий. Трансформация предписывает значительные изменения в целях, средствах и методах социальной политики как одного из важных направлений малоэффективного государственного регулирования.

Новая социальная политика призвана быть более конструктивной, основанной на идеологии консенсуса, новых организационных формах и финансовых механизмах. Ее разнообразие диктуется различиями в уровне экономического развития субрегионов и отдельных стран, состоянием политической системы, обстановкой мира или войны, национальными и культурными традициями.

Различные государства, особенно на разных этапах движения политического маятника, могут затрачивать разные финансовые средства на социальную сферу, в той или иной мере обеспечивать гражданам социальные гарантии. Цели социальной политики могут варьироваться, как и способы реализации одинаковых целей. Правда, как обязательная закономерность социальной политики, сохраняется общий пакет мер непосредственного государственного вмешательства в социальную сферу: так или иначе, в той или иной форме гарантируется поддержка в случае наступления социальных рисков – болезни, старости, материнства, потери работы и др.

Неолиберальные концепции оставили в наследство экономической политике представления о том, что первоочередным является решение задачи достижения быстрого экономического роста, который откроет путь к решению социальных проблем. Практика показывает, что они ошибочны: реформирование основных сфер должно идти синхронно, реформы в социальной сфере – подкрепляться другими структурными и институциональными реформами, взаимодействовать с ними. Только это гарантирует успех.

Современное состояние глобализации (в том числе трудный процесс трансформационных преобразований) ставит задачу принятия специальной системы мер по социальной защите трудящихся и населения в целом. Как свидетельствует Ю.К. Князев, большинство ученых из пошедших по пути капиталистического развития бывших стран «реального социализма» к настоящему времени считают наиболее привлекательной моделью не радикально-либеральную, а социально-регулируемую рыночную экономику, позволяющую в том или ином объеме сохранить былые социальные завоевания. Собственно, в конституциях и была записана формула «социального государства», хотя нигде не удалось воплотить ее в жизнь, в частности из-за неизбежного приспособления социальной сферы «к новой экономической реальности» [14. С. 117].

Ввиду прохождения через этап приоритетной либерализации и первоначально накопления нигде не удалось быстро достичь оптимального баланса между рыночными и централизованными механизмами, преодолеть спонтанность и хаос.

Традиционно признающие левые ценности партии, вынужденные по ходу движения политического маятника приходить к власти и осуществлять политику системной трансформации, систематически смещаются вправо и чаще всего задерживаются в центре. В силу этого они проводят социолиберальную политику, сближаются и блокируются с соседями справа по политическому спектру. Их политика объективно переводится на вектор учета происходящих в мире глобализационных изменений, намечающихся и развивающихся тенденций переходного периода. При этом происходят выхолащивание базовых ценностей социальной политики (социальной справедливости, социальной солидарности и ответственности), подмена их либеральными ценностями, прежде всего индивидуализмом, хотя он в известной мере компенсируется самоорганизацией и вза-

имной поддержкой в рамках пока еще слабых в регионе институтов гражданского общества.

С.П. Глинкина и Т.В. Чубарова видят в качестве важнейшей основы решения социальных проблем «дальнейшее углубление демократии с ее идеей партнерства и участия», диалог со всеми заинтересованными силами, «прежде всего неправительственными организациями, а также социальными партнерами», при продвижении государством демократических ценностей [1. С. 16].

К сожалению, в странах региона пока преобладает низкий профессиональный уровень дискурса относительно проблематики социального государства и социальной рыночной экономики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Глинкина С.П., Чубарова Т.В. Системная трансформация и социальная цена реформ: Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). М., 2006.
2. Григорьева Н.С. Социальные потребности и социальная политика: роль международных организаций в реформе социальной сферы стран с переходной экономикой: Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). М., 2006.
3. Rzeczpospolita. 1992. 24 IV.
4. Human Development Report, United Nations Development Programme. New York; Oxford, 1997.
5. Csaba L. Social Change in Central and Eastern Europe: general Trends and national Patterns // Tiuger. Working Paper Series. Warsaw. October 2006. № 98.
6. Kofman J., Roszkowski W. Economic Transformation: New Europe. The Impact of the First Decade. Warszawa, 2006. Vol. 1. Trends and Prospects.
7. Dutkiewicz P., Suchan V. The Twins of Post-Communism and Globalization // New Europe. The Impact of the First Decade. Vol. 1. Trends and Prospects. Warszawa, 2006. Vol. 1.
8. Шевяков А.Ю., Кирута А.Я. Измерение экономического неравенства. М., 2002. С. 67; Евстигнеева Л.П., Евстигнеев П.Н. Экономический рост: либеральная альтернатива. М., 2005. С. 175–177.
9. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформации в конце XX – начале XXI в. В 2-х т. М., 2005. Т. I. Преобразования.
10. Россия и Центрально-Восточная Европа: трансформация на рубеже веков. М., 2004.
11. Kołodko G.W. Strategia dla Polski. Warszawa, 1994; Kołodko G.W. Od szoku do terapii. Ekonomia i polityka transformacji. Warszawa, 1999.
12. Program gospodarczy – główne zadania i kierunki. Warszawa, 1989.
13. Kowalik T. Nowy ład społeczny: ani konieczny ani pożądany // Polska przed nowymi problemami. Warszawa, 2000.
14. Князев Ю.К. Социальная рыночная экономика – конечная цель рыночных реформ в пост-социалистических странах // Модели системной трансформации и социальная цена реформ (опыт России, СНГ и стран ЦВЕ). М., 2006.
15. Dahrendorf R. Reflections on the Revolution in Europe. London, 1990.
16. Wprost. 1999. 22 II.
17. Гульчинский М. Левые силы перед лицом новых социальных вызовов // Мир перемен. 2005. № 5.
18. Kabaj M. Bezrobocie w III Rzeczypospolitej // Polska. Ale jaka? Warszawa, 2005.
19. Tóth I. Gy. Jövedelemeloszlas: a gazdasági rendszerváltástól az uniós csatlakozásig. Budapest, 2005.
20. Libération. 2006. 2 XI.
21. Tóth I. Gy. Államhívő magyarok (Hungarians believe in their state) // Figyelő. 2006. Vol. 50. № 16.
22. Dryll I. Mentalność po «przejsiach» // Nowe Życie Gospodarcze. 2006. № 15.
23. Jarosz M., Nalewajko E. Konkluzje. Elity jakie mamy // Transformacje. Elity. Społeczeństwo. Warszawa, 2007.
24. Kozarzewski P. Społeczeństwo i elity o transformacji // Transformacje. Elity. Społeczeństwo. Warszawa, 2007.
25. Hemerijck A. The Self-Transformation of the European Social Models // Why We Need a New Welfare State. New York, 2002.
26. Smart Money. 2006. 15 V. № 9.

© 2009 г. Н. И. БУХАРИН

РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИЕ КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ В НАЧАЛЕ XXI века

В 1990-е годы в Российской Федерации (РФ) и Республике Польша (РП) культурный обмен резко сократился, хотя и интерес, и связи сохранились. В частности, в эти годы в Польском телевизионном театре было поставлено 88 спектаклей 46-ти российских авторов. В 1998 г. русская литература в РП по тиражам занимала одиннадцатое место, а по числу названий – двенадцатое. Тогда было опубликовано лишь 15 русских изданий общим тиражом 95 тыс. экземпляров. В 1999 г. среди иностранной художественной литературы русская составляла 2%, а ее тираж – менее 1% [1. С. 184]. В польских театрах лишь изредка ставились российские пьесы, даже всемирно известных классиков, а в кинотеатрах демонстрировались лишь фильмы Н. Михалкова. Еще в январе 2001 г. польский еженедельник «Polityka» писал, что «российская культура у нас неизвестна и не желанна» [2].

Ситуация стала меняться в начале XXI в., когда российские и польские власти, руководствуясь тезисом, что *культуры обоих народов издавна проявляют взаимный интерес и ценят друг друга, что культура остается наиболее эффективным и надежным мостом между двумя странами и народами*, стали самым активным образом поддерживать и интенсифицировать культурный обмен. Культура является той сферой, которая в наибольшей степени свободна от политических конфликтов и способствует строительству добрососедских отношений. В силу исторических причин, общих славянских корней русская и польская культуры очень близки друг к другу.

Это касается всех областей культуры – кино, театра, музыки, изобразительного искусства и литературы. Польская культура вновь становится частью российской культурной реальности. Не только в Москве, Санкт-Петербурге и Варшаве, но и в провинции стали проводиться дни культуры, показы фильмов, выставки, гастроли театров, выступления творческих коллективов. Изменились технические возможности знакомства россиян с польской культурой. Польские фильмы можно посмотреть на DVD (в 2006 г. в Москве быстро разошелся диск «Культурное польское кино»), а произведения некоторых польских писателей можно прослушать на CD (например, в 2006 г. был выпущен диск в формате MP3 со стихами Т. Ружевица «Как хорошо»). Вновь получают развитие контак-

Бухарин Николай Николаевич – канд. ист. наук, ведущий научный сотрудник Института экономики РАН.

ты между деятелями культуры, возрождаются совместное творчество и совместные проекты. В самое последнее время в связи с охлаждением взаимных политических отношений значение культурных связей еще больше возросло. Знакомство с культурой друг друга способствует преодолению барьеров и негативных стереотипов, порождает интерес друг к другу.

Во взаимные культурные отношения, кроме государственных структур, постепенно начинают включаться с обеих сторон и первые частные субъекты – издательства и агентства, что свидетельствует о выгоде части этих контактов в коммерческом отношении. Российские кинематографисты все чаще снимают свои фильмы в Польше. Польские кинооператоры (считается, что там сильная операторская школа) приглашаются для съемок российских фильмов.

В 2006 г. польская медиальная Группа ИП открыла свое представительство в Москве, чтобы установить сотрудничество с российскими телеканалами и производителями. В начале 2007 г. она запустила в Польше телеканал «Война и мир», на котором польский зритель имеет возможность посмотреть советские и российские фильмы.

В 2000–2006 гг. визитной карточкой Польши в России стали частые визиты выдающихся польских кинорежиссеров и показы их фильмов. Речь идет о таких мастерах, как А. Вайда, К. Занусси, Е. Гоффман, фильмами которых восхищаются российские зрители.

В частности, традиционный XII фестиваль нового польского кино в марте 2003 г. в Санкт-Петербурге открылся показом фильма знаменитого кинорежиссера Р. Поланского «Пианист». Сам режиссер по этому поводу специально посетил северную столицу России. На открывавшую фестиваль премьеру в кассе Дома кино все билеты были распроданы. В программу фестиваля были включены восемь польских фильмов, которые пользовались успехом у зрителей.

В Москве в апреле 2003 г. при большом стечении публики прошла декада «Анджей Вайда и новое польское кино». Во ВГИКе великому польскому режиссеру был вручен диплом за большой вклад в «национальную и художественную культуру» и присвоено звание почетного доктора. В сентябре 2003 г. в Москве, в Музее кино, состоялась ретроспектива фильмов Т. Конвицкого.

2–11 апреля 2004 г. в Москве прошел кинофестиваль «Панорама современного польского кино». В его программу были включены наиболее заметные фильмы последних лет всемирно известных польских мастеров и молодых кинематографистов. Во время кинофестиваля широко известный в России режиссер Е. Гоффман получил звание почетного доктора ВГИКа. Другой режиссер, М. Лозинский, для студентов ВГИКа провел несколько занятий. В феврале 2004 г. фестиваль польского кино прошел в Хабаровске. В июне 2005 г. в рамках фестиваля «Польская весна» в Центральном музее кино состоялся показ лучших фильмов Польши 2000–2003 гг. В сентябре 2005 г. в Благовещенске в рамках III Открытого российского кинофорума на Дальнем Востоке прошла ретроспектива польского кино. В ноябре 2005 г. состоялись Дни польского фильма в Красноярске. За десять дней красноярцы смогли не только увидеть дюжину полнометражных фильмов, но и посмотреть выставку польского киноплаката и др. В апреле 2006 г. в Санкт-Петербурге прошел очередной XV Фестиваль нового польского кино. Были показаны фильмы «Персона нон грата», «Симметрия», «Мой Никифор» и «Ее зовут Юстына». В сентябре 2006 г. в петербургском киноцентре «Родина» была открыта выставка фотографий, сделанных выдающимся польским режиссером К. Кесьлевским. Публика имела

возможность увидеть и его фильмы. В октябре 2006 г. в Калининграде состоялась ретроспектива фильмов К. Занусси, на открытии которой присутствовал сам режиссер, а в ноябре 2006 г. в Москве – К. Кесьлевского. В январе 2007 г. в Москве Р. Поланскому была вручена премия Национальной кинематографической академии «Золотой Орел». В марте 2007 г. российский телеканал «Культура» отметил семидесятипятилетний юбилей Е. Гоффмана. Программа называлась «Монолог в 4-х частях. Е. Гоффман».

В Польше, в свою очередь, в апреле 2002 г. состоялись «Встречи с российским кино», организованные Международным объединением кинематографистов славянских и православных народов при сотрудничестве с Российским центром науки и культуры в Варшаве, Национальной фильмотеккой и другими культурными организациями. В апреле 2004 г. в Варшаве прошла неделя российского кино, а в январе 2006 г. состоялась ретроспектива фильмов А. Кончаловского.

Польские сюжеты все больше привлекают внимание российских документалистов. В мае–июне 2005 г. прошла премьера документального фильма о польских узниках советского лагеря. В 1944–1946 гг. часть бывших солдат Армии Крайовой были интернированы в СССР и попали в лагерь НКВД № 270, который находился в Боровичском районе Ленинградской области (теперь Новгородская область). Фильм «Дело Романа Бара» снял российский режиссер-документалист Юрий Бурцев. Этот фильм был показан в Петербурге на одном из телеканалов и телеканале «Мста» (Боровичи) [3]. В 2005 г. состоялась премьера документального фильма российского режиссера Тамары Ягжины «Иоанн Павел II».

В 2005 г. фирмой «Eureka Media» и Польским телевидением при поддержке Института им. Мицкевича были организованы четыре творческие мастерские «Россия – Польша. Новый взгляд» для 12 молодых документалистов. В результате создано 10 получасовых документальных фильмов – пятью россиянами о Польше и пятью поляками о России. Целью проекта было взаимное познание молодыми кинематографистами, не обремененными стереотипами прошлого, правды друг о друге. Самыми удачными были признаны три фильма – «Электричка» Мачея Цуского, «Молитва» Алены Полуниной и «Семена» Войцеха Касперского. В 2006 г. фильмы были показаны в Польше на телеканалах TVP1 и TVP Kultura, а в России на телеканале «Культура».

В 2004–2005 гг. студия Н. Михалкова «Три Тэ» участвовала в производстве фильма К. Занусси «Персона нон грата». Сам Михалков снялся в одной из главных ролей. «Это картина об отношениях между польским и русским мужчинами, – сказал российский актер и режиссер, – замешанных, как и отношения между нашими странами, на болезненной любви друг к другу» [4]. В фильме Е. Штура «Любовные истории» (1997) одну из ролей сыграла известная российская актриса И. Алферова. Польская актриса Б. Тышкевич снималась в нескольких российских фильмах, в том числе в фильме М. Пташука «В августе 44-го» (2001). Польские актеры М. Доменецки и К. Грушка сыграли в исторической мелодраме А. Прошкина «Русский бунт» (2000). С. Шакуров снялся в фильме А. Вайды «Пан Тадеуш» (1999).

К. Занусси знает русских кинематографистов давно и много работает с ними. В 2005 г. польский режиссер по просьбе режиссера В. Хотиненко работал над сценарием телевизионного фильма «Паломничество в Вечный город» и принял в этом фильме участие как рассказчик об апостоле Петре. В 1998 г. Занусси по-

лучил диплом почетного доктора ВГИКа. Он периодически (раз в год–полтора) приезжает в Москву на неделю для проведения мастер-класса на Высших курсах режиссеров и сценаристов.

В октябре 2006 г. А. Вайда приступил к съемке фильма «Post Mortem. Катынская повесть». В интервью газете «Московские новости» он сказал: «Я подспудно думаю о российском зрителе и не хочу, чтобы мой фильм стал политическим» [5. 2006. 6 X].

К сожалению, в российском кинопрокате практически отсутствуют польские фильмы. Правда, их показывают по каналам российского телевидения. В Польше ситуация противоположная: на польском общественном телевидении российские фильмы практически отсутствуют, а кинопрокат демонстрирует в основном фильмы Н. Михалкова и некоторые российские блокбастеры. Например, в 2005 г. на польский экран вышел фильм «Ночной дозор», а в 2006 г. – «9 рота» Ф. Бондарчука. Кроме блокбастеров, в 2004 г. в польском кинопрокате можно было увидеть «Возвращение» А. Звягинцева и «Русский ковчег» А. Сокурова.

В последние годы важными событиями в российских регионах и городах являются дни польской культуры, позволяющие российской публике шире познакомиться с культурой Польши. География проведения таких дней является широкой.

Прежде всего, в мае 2001 г. в Москве, Санкт-Петербурге и Владимире под патронажем министерств культуры России и Польши прошли Дни польской культуры в Российской Федерации, которые не проводились 16 лет. Поэтому, открывая их, министр культуры РФ М. Швыдкой сказал: «Мы очень рады, потому что принимаем здесь друзей, по которым соскучились и которых давно не видели» [6. 2001. 18 V].

Открыло программу Дней «Танго с леди М» – эмоциональное выступление известного Познаньского балета. За ним последовало вокальное выступление Ядвиги Раппе с произведениями Ф. Шопена и В. Лютославского. А вслед за этим был гвоздь программы – выступление мировой звезды классической музыки, композитора и дирижера К. Пендерецкого. Он дирижировал хором Национальной филармонии Польши. 15 мая пришедшие в Большой зал Консерватории присутствовали на московских премьерах «Te Deum» и Второго скрипичного концерта «Метаморфозы» Пендерецкого. А закончилась череда премьер в Малом зале Консерватории исполнением «Секстета» – одного из последних произведений композитора.

В рамках Дней состоялся также концерт произведений всемирно известного польского композитора Г.М. Гурецкого. В московскую программу Дней вошли также ретроспектива фильмов А. Вайды и М. Лозинского, выставка сакрального искусства Е. Новосельского, выставка плаката «Трудная польская дорога к демократии» и др.

Весной–летом 2003 г. во время празднования 300-летия Санкт-Петербурга состоялся фестиваль «Польша в Петербурге» – различные выставки, выступления польских мастеров, уличные представления, концерты и т.д. В октябре 2003 г. в рамках торжеств была открыта выставка «Современное польское искусство».

Дни польской культуры в течение 2004–2006 гг. прошли также во многих российских регионах: Красноярске, Иркутске, Якутии, Карелии, Нижнем Новгороде, Уфе, Архангельске, Котласе, Тюмени, Мурманске, Гатчине, в Примор-

рье. Они сопровождались показом польских фильмов, организацией выставок, «круглых столов», литературными и музыкальными вечерами, фестивалями и т.п. В сентябре–ноябре 2006 г. в Пскове в рамках праздничных мероприятий, посвященных 425-летию героической обороны Пскова от войск польского короля Стефана Батория, прошли Дни польской культуры «Через культуру к взаимопониманию», чтобы таким образом, «возможно, сблизить польский и русский народы» [7].

Важнейшим событием в культурной жизни обеих стран стали сезон российской культуры в РП, проходивший с ноября 2004 г. по январь 2005 г., и сезон польской культуры в РФ – с марта по октябрь 2005 г., а в рамках их – российско-польский проект «Warszawa – Moskwa. Москва – Варшава. 1900–2000», который осуществлялся под патронажем президента РФ В.В. Путина и президента РП А. Квасьневского. В Варшаве выставка была открыта в ноябре 2004 г., в Москве – в марте 2005 г. К ней на двух языках был издан обширный каталог, в который вошли также исследования российских и польских авторов о русской и польской культурах в различных ее областях.

Организаторы проекта поставили своей целью сопоставить историю искусства двух стран в XX в. Экспозиция включала более 350 произведений, не только из крупнейших музеев России и Польши, но и из региональных музеев, а также частных коллекций двух стран. Диапазон выставки был очень широк: живопись, скульптура, графика, плакат, фотография, имеющие универсальное значение и отражающие выдающиеся художественные достижения. В российскую часть экспозиции были включены произведения более чем 130 авторов.

Представлен был весь опыт изобразительного искусства XX в.: символизм, авангард, 30-е годы, военные сороковые, послевоенный соцреализм и независимое искусство 80-х годов. По мнению М. Швыдкого, руководителя Федерального агентства по культуре и кинематографии, «выставка – плод честных дискуссий, ставший примером для российско-польских отношений. Экспозиция рассказывает о том, как страдали оба народа в XX веке. То, что достигнуто, оплачено терпением и болью» [5. 2004. 17 XII].

И в Варшаве, и в Москве выставка вызвала большой интерес публики, ее посетили около 100 тыс. человек с каждой стороны. Всплеск интереса к советскому и российскому искусству в Польше генеральный координатор проекта «Варшава – Москва» Г. Вишневицкий объяснил так: «Старшее поколение поляков начало понимать, что долгое отсутствие контактов с русской культурой обедняет их жизнь. А молодежь, отягощенная комплексом социалистического прошлого, стала задаваться вопросом: что это за Россия, о которой все говорят, а мы ничего не знаем?» [5. 2004. 17 XII].

Программа Польского культурного сезона в России включала в себя почти 30 позиций. В его рамках, кроме вышеупомянутой выставки, были открыты еще две – выставка, посвященная польскому писателю В. Гомбровичу, а также выставка молодых художников двух стран, работы которых были созданы после 2000 г. под названием «P.S. За красным горизонтом». Театром «Провизориум» из Люблина и Национальным театром из Варшавы были показаны три пьесы Гомбровича. Состоялись ретроспектива польского кино и ряд концертов, в том числе К. Пендерецкого, многочисленные выступления польских джазовых музыкантов в московских и питерских клубах и др. После многолетнего отсутствия приехал польский саксофонист и композитор З. Намысловский. Он сыграл два концерта в Москве и принял участие в джазовом фестивале в Казани.

В 2005 г. на протяжении 11 месяцев в рамках польского сезона в России в Центре имени Мейерхольда при участии Федерального агентства по культуре и кинематографии, министерств культуры и иностранных дел РП, комитета по культуре Москвы, Института им. Мицкевича и Польского культурного центра осуществлялась программа «Польский театр вчера и сегодня». В частности, в ее рамках прошли гастроли Центра театрального мастерства «Гардзенице» со спектаклем В. Станевского «Электра». В октябре 2005 г. в Центре им. Мейерхольда прошли Дни Т. Кантора. В Москву приехали сотрудники краковской Крикотеки – Творческого архива Кантора. За четыре дня программы российские зрители смогли увидеть записи пяти последних спектаклей его театра. В 2005 г. в центре можно было получить исчерпывающую информацию о прошлом и настоящем польского театра и о тех связях, которые объединяют его с театром российским.

Была продолжена традиция обращения театров к драматургическому наследию соседей. С начала нового века пьесы польских драматургов все чаще ставятся в российских театрах, а пьесы российских авторов – в театрах Польши. В январе 2003 г. в варшавском Всеобщем театре состоялась премьера «Закулисной истории» А.П. Чехова, являющаяся адаптацией рассказа русского писателя. В этом же году Нижегородский театр «Комедия» поставил пьесу польского автора Д. Новаковского «Губы Микки Джагера» в режиссуре Е. Небезиной. В мае 2005 г. в Лодзинском театре им. Стефана Ярача состоялась премьера пьесы хабаровского драматурга К. Костенко «Клаустрофобия». Осенью 2005 г. в Котласском драматическом театре к Дням польской культуры режиссером В. Ивановым был поставлен спектакль «Дамы и гусары» по пьесе польского драматурга Александра Фредро. В ноябре 2005 г. Большой театр – Национальная опера в Варшаве поставил балет А. Хачатуряна «Спартак». В январе 2006 г. в варшавском театре «Современный» состоялась премьера пьесы «Ваше превосходительство» по повести Ф. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» (режиссер И. Цывинская). В марте 2006 г. в Театре им. Моссовета режиссер П. Хомский поставил спектакль «Мораль пани Дульской» по пьесе польского драматурга Г. Запольской. В последние годы большой популярностью среди российских режиссеров пользуется пьеса В. Гомбровича «Ивонна, Бургундская принцесса» Впервые эта пьеса была поставлена в 1999 г. в Новосибирске, в 2004 г. – в Центре Мейерхольда и Театре наций, в марте 2006 г. в московском театре «Эрмитаж». 30 сентября 2006 г. в сосновецком Театре Заглембя состоялась премьера постановки по роману М. Булгакова «Мастер и Маргарита» (режиссер А.М. Марчевский). В октябре 2006 г. постановка режиссера Б. Сасс «Наказание и преступление» по Ф. Достоевскому в варшавском Театре Атенеум была признана критикой неудачной. В октябре 2006 г. режиссер Р. Виктюк поставил комедию Г. Запольской «Масенькие супружеские преступления» («Козырь»), а в январе 2007 г. режиссеры московского театра «У Никитских ворот» М. Розовский и А. Молотков – пьесу Мрожека «Полиция».

22 марта 2005 г. в Мариинском театре в Санкт-Петербурге состоялась премьера оперы «Мадам Баттерфляй», режиссером которой был М. Трелинский. Постановка была осуществлена в тандеме со своим единомышленником, российским сценографом Б. Кудличкой. В феврале–марте 2004 г. всего за шесть недель А. Вайда поставил в московском театре «Современник» «Бесы» Ф.М. Достоевского, в начале 2006 г. А. Кончаловский – в варшавском «Театре на Воли» «Короля Лира» В. Шекспира. Эта постановка была своеобразным по-

дарком Д. Ольбрыхскому в честь его 60-летия. Однако она была признана театральными критиками неудачной. Польские газеты на разные лады ругали работу русского режиссера. «Провал мастера» – так называлась одна из рецензий [6. 2006. 25 П]. Однако этот спектакль уже больше года идет при полном зале, с аплодисментами. В марте 2006 г. в Орле в театре «Свободное пространство» польский режиссер Б. Мрувчиньский вместе со своим другом орловским режиссером Б. Голодницким поставил пьесу С. Мрожека «Бойня». В начале 2007 г. польский режиссер А. Бубень стал главным режиссером петербургского Театра Сатиры на Васильевском.

Главный режиссер Александринского театра в Петербурге и руководитель Творческого центра им. Мейерхольтда в Москве Валерий Фокин является своего рода рекордсменом по постановке российских пьес в Польше. В последние годы он поставил в Ополе, в Театре им. Ярача в Лодзи «Ревизора» и «Женитьбу» Н. Гоголя, «Свадьбу» А. Чехова, в Театре Словацкого в Кракове «Мертвые души» по роману Гоголя, «Бовок» по произведению Ф. Достоевского, «Нашего человека» А. Островского и др. Российский режиссер является заслуженным деятелем искусств Польши.

Начинают сотрудничать между собой российские и польские театры – Большой театр – Национальная опера (Варшава) с Государственным академическим Большим театром (Москва) и Мариинским театром (Санкт-Петербург), Театр Народовы в Варшаве и Александринский театр в Санкт-Петербурге. В 2004–2005 гг. в Национальной опере в Варшаве в партиях Тоски, Аиды, Абигайль («Набукко») и Турандот с успехом выступала солистка Мариинского театра, сопрано И. Гордей. В 2006 г. в московском Большом театре в опере «Евгений Онегин», поставленной Д. Черняковым, на роль исполнителя главного героя был приглашен известный польский баритон М. Квечень.

Гастроли театров, музыкальных коллективов обеих стран, участие их в международных фестивалях вновь стали частым явлением в культурной жизни России и Польши. Большим событием в культурной жизни российской столицы стали гастроли Варшавской оперы на сцене Большого театра в декабре 2002 г. Молодая польская режиссура в лице К. Трелиньского продемонстрировала новый подход к классической опере. Московскую публику изумила новая трактовка оперы П.И. Чайковского «Евгений Онегин». Кроме этой знаменитой российской оперы варшавский Большой театр показал лучшие польские оперные спектакли – «Король Рогер» К. Шимановского и «Страшный двор» С. Монюшки. В декабре 2002 г. московский Большой театр показал в Варшаве оперы «Хованщина» М. Мусоргского и «Любовь к трем апельсинам» С. Прокофьева.

Известный польский драматург С. Мрожек в октябре 2002 г. был почетным гостем театрального фестиваля «Балтийский дом» в Санкт-Петербурге. Через два месяца, в декабре, в Москве прошли гастроли Театра Е. Гротовского, организованные «Школой драматургического искусства» при участии министров культуры РП и РФ. В мае 2005 г. состоялись однодневные гастроли варшавского Театра Народовы, который на сцене МХАТ им. Чехова показал спектакль по пьесе «Оперетта» В. Гомбровича в постановке известного режиссера Ежи Гжегожевского.

В январе 2005 г. в Варшаве и Кракове прошли гастроли Малого драматического театра, который показал «Дядю Ваню» А. Чехова. По окончании спектакля сдержанная польская публика устроила труппе овации стоя. В сентябре 2006 г. польский Театр Народовы со спектаклями «Мерлин» режиссера А. Спи-

щак и «Школа жен» в постановке Я. Энглерта принял участие в первом международном театральном фестивале «Александринский» в Петербурге, а Театр им. Стефана Ярача выступил там с экстремальным спектаклем К. Костенко «Клаустрофобия».

Российские театры ежегодно участвуют в Международном театральном фестивале «Контакт». В 2003–2004 гг. награды увозили молодые российские режиссеры И. Вырыпаев и В. Рыжаков. Последний с артистами Торуньского театра имени Вилама Кожицы поставил спектакль «Я» [6. 2005. 9 VI].

Уже несколько лет в Международном фестивале пантомимы в РП участвует петербургский театр «Лицедеи» – очень популярный среди польской публики. Польские специалисты назвали спектакль этого театра «Семянуки» «показом абсолютного мастерства» [8].

С 2002 г. российские творческие коллективы участвуют в Лодзи в фестивале «Диалог четырех культур» (польской, еврейской, русской и немецкой). В 2006 г. в рамках этого фестиваля трижды со спектаклем «Высоцкий» выступил Театр на Таганке. После спектакля польская публика несколько минут стоя аплодировала российским артистам. Состоялся показ фильмов классиков российского немого кино.

В сентябре–октябре 2006 г. мотивом XVI Международного театрального фестиваля «Балтийский дом» стал «польский акцент». Актеры Театра Повшехны показали спектакль «Запасевич играет Беккета» в постановке режиссера А. Либеры. Варшавский Театр Народовы представил спектакль «Космос» по роману В. Гомбровича (режиссер Е. Яроцкий), который получил премию дирекции фестиваля. Творчеству Гомбровича был посвящен отдельный день фестиваля с лекцией известного театроведа Н. Кирай «Театральное чтение Гомбровича» и фотовыставкой «Пишу пьесы, а в театр не хожу. Театр Витольда Гомбровича».

В феврале 2004 г. в Варшаве прошли гастроли Александринского театра им. Пушкина из Санкт-Петербурга. В ноябре 2005 г. в Варшаве он показал спектакль «Двойник» по Ф. Достоевскому. В то же время в варшавском Театре Народовы польской публике московским театром «Современник» была представлена «Шинель» по повести Н. Гоголя, в которой роль Акакия Акакиевича играла известная российская актриса М. Неелова. Этот спектакль посетил А. Вайда, который его прокомментировал следующим образом: «Овации звучали не только потому, что «Шинель» – спектакль замечательный, а актриса играет великолепно. Я думаю, что поляки, которые находились в этом зале, хотели показать, каковы наши подлинные чувства к россиянам. Это очень важно в столь сложный политический момент. Самый верный путь к сближению – через культуру» [9].

7 мая 2003 г. в Варшаве прошли выступления Санкт-Петербургского государственного мужского балета В. Михайловского. В начале 2005 г. он уже гастролировал в 14 польских городах. Этот коллектив впервые приехал в Польшу в 2003 г. и с тех пор бывает в этой стране ежегодно. В декабре 2005 г. он привез с собой балеты «Лебединое озеро» и «Жизель». Именно в Кракове состоялось его двухтысячное выступление.

Российские и польские музыканты и исполнители регулярно участвуют в ежегодных международных музыкальных фестивалях в Польше и России.

В октябре 2005 г. в Челябинской филармонии выступил польский квартет кларнетистов «Кларибель». В 2005 г. в Польше – оркестр «Алексан», Д. Мацув и Е. Мачетина. В августе того же года на открытии Шопеновского фестиваля в

Душниках Здрое играл известный российский пианист Григорий Соколов. В 2005 г. в Летнем фестивале камерной музыки в Хеле под Гданьском приняла участие пианистка О. Русина. В том же году в «Декабрьских вечерах Святослава Рихтера» участвовал польский пианист Петр Андрушевский. В июле 2006 г. в Калининграде состоялось выступление органиста из Польши М. Стефаньского.

В 2004–2007 гг. все рекорды популярности в Польше поставил Академический ансамбль песни и пляски Российской Армии имени А.В. Александрова. В феврале–марте 2005 г. во время гастролей он дал 30 концертов, на каждом из которых присутствовали более 2 тыс. человек. В Катовице на концерт пришли 8 тыс. зрителей, во Вроцлаве – более 5 тыс. Хор выступил также в президентском дворце, в марте 2006 г. он гастролировал в 21 городе Польши. Это было третье самое большое турне по стране. Во время выступления в Бельско Бяле, когда хор запел по-польски «Красные маки на Монте Касино», публика встала, а на глазах многих зрителей были слезы. Польская газета «Dziennik Zachodni» написала: «Это была прекрасная музыка, была культура, объединяющая народы, это было восхищение мастерством артистов ...» [10].

Известный польский композитор К. Пендерецкий в последнее время раз в два года приезжал в Россию, в основном в Санкт-Петербург и Москву. В июне 2001 г. в Санкт-Петербурге во дворе Эрмитажа состоялось исполнение его циклопической оратории «Семь врат Иерусалима». В мае 2006 г. Пендерецкий дважды дирижировал Новосибирским симфоническим оркестром. В июне 2006 г. в Петербурге в рамках фестиваля «Июньские встречи» польский композитор дал концерт, в котором прозвучали два «Te Deum» – А. Брукнера и самого маэстро. В октябре 2006 г. К. Пендерецкому в Петербурге была вручена международная премия за развитие и укрепление гуманитарных связей в странах Балтийского региона «Балтийская звезда». По случаю вручения премии в Ротонде Мариинского дворца камерный хор «Lege Artis» под руководством заслуженного деятеля искусств России Б. Абальяна исполнил произведения композитора.

В марте 2005 г. в Петербурге в Большом зале консерватории под управлением польского дирижера Е. Максимиюка впервые была исполнена Вторая симфония выдающегося польского композитора В. Лютославского.

Современная польская эстрада уже не известна в России. Это касается также и российской эстрады в Польше (исключением являлась группа «Тату», которая начала свое восхождение в хит-парадах Европы именно с этой страны в марте 2002 г.). В 2003 г. в Москве с успехом выступила известная польская эстрадная певица Марыля Родович. Одна российская газета написала, что ее помнят и любят как одну из соцзвезд [11]. В ноябре 2006 г. в Варшаве прошел Фестиваль русской песни – первое такое мероприятие за последние двадцать лет в Польше. Цель его приблизить к польскому населению то, что происходит на современной российской эстраде.

Уже много лет функционирует Музыкальный салон Генерального консульства РП в Санкт-Петербурге. Этот салон является детищем консула по вопросам культуры Г. Грали. Благодаря его колоссальной энергии, его авторитету как ученого и тонкого знатока музыки в Петербург на протяжении нескольких лет неоднократно приезжали выдающиеся мастера культуры Польши. В Москве высоко ценят Музыкальный салон Посольства РП в РФ. Важную роль в популяризации польской культуры в России играют Польский культурный центр в Москве и Отдел культуры и науки Посольства РП в РФ.

Существуют творческие контакты между российскими и польскими художниками. В июне 2005 г. в конференц-зале красноярского музейного комплекса на Стрелке была открыта VI Красноярская биеннале. Мероприятие началось перформансом польского автора «Перемещение ценностей – ценность перемещения». В июле–августе 2005 г. калининградские художники приняли участие в международном пленэре, который прошел в Польше в городке Безледы. В феврале 2005 г. в Кракове в галерее «Око для искусства» была открыта выставка «Польша – Россия. Встреча или столкновение», на которой представлены работы польских и российских художников новой волны. В 2005 г. в пленэре в Оструде приняли участие три художника из России – Н. Бочаров, О. и Е. Дацко. В марте 2005 г. в Калининграде открылась выставка художницы М. Дольняк «Глазами души».

В последние годы Россия и Польша стали все чаще обмениваться различными выставками – художественными, фото и др. В декабре 2002 г. в Музее истории Москвы состоялась выставка «Рождественские традиции Кракова», на которой было представлено 20 вертепов, созданных в 1940–1990 гг. В мае 2003 г. в том же музее прошла выставка «Варшава в графике XVII–XX веков».

30 марта 2004 г. в Москве в здании Государственного музея им. А.С. Пушкина, а 5 мая в Санкт-Петербурге была открыта выставка «Отвергая и восхищаясь. Из истории культурных отношений между Польшей и Россией». В 2003–2004 гг. в восьми польских городах прошла выставка «100 лет российского плаката» из собраний Государственной российской библиотеки в Москве. В декабре 2004 г. в историко-художественном музее была развернута выставка «Польская национальная культура в Калининграде». На ней были представлены живопись, керамика, иконы, вышивка, куклы в национальных костюмах – работы, выполненные руками членов общества «Полония». В 2005 г. в Москве, Саратове и Самаре состоялась выставка скульптур С. Гомо-Поплавского, в Москве, Иркутске и Красноярске – выставка о В. Гомбровиче.

В октябре 2005 г. в Познани была открыта фотовыставка РИА Новости «Музей архитектуры под открытым небом – Санкт-Петербург XX века». На ней были представлены более ста цветных и черно-белых фотографий Северной столицы, сделанных в течение XX ст. После Познани выставка была показана в городах Пила, Конин, Калиш, Вроцлав, Валбжих, Ополе и, наконец, в октябре–ноябре 2006 г. – в Варшаве.

Музеи Московского Кремля приняли участие в крупной международной выставке в Польше, которая была открыта 9 ноября 2005 г. в Королевском замке в Варшаве. Выставка была посвящена 300-летию польского и российского Ордена Белого Орла. В сентябре–ноябре 2006 г. в Королевском замке была открыта выставка «Серебро XV–XIX вв. с земель Речи Посполитой обоих народов и современной Польши из собраний российских музеев».

Осенью–зимой 2005–2006 гг. в Иркутске, Москве и Санкт-Петербурге прошла фотовыставка «Путь к свободе через «Солидарность» в Европу», посвященная знаменитому польскому профсоюзу.

С конца 1990-х годов ренессанс в России переживает польская художественная литература. В начале столетия наряду с новыми изданиями классиков – Б. Пруса, Г. Сенкевича, Ю. Словацкого, Ц. Норвида, Б. Лесьмяна, К. Галчиньского и других – наблюдается всплеск переводов из современной польской литературы. В течение последних нескольких лет на русский язык были переведены практически все известные современные польские писатели и поэты. В 2001–

2005 г. были изданы более 200 произведений польских писателей. Это как серьезная литература, так и детективы, массовая популярная литература.

Вновь стали многочисленными визиты польских писателей в Россию, на встречи с ними приходит все больше российских читателей. В сентябре 2001 г. в связи с XIV Московской международной книжной выставкой-ярмаркой нашу страну посетил классик и легенда польской литературы Т. Ружевич. На этой ярмарке польская литература была включена в панораму новой российской книжной жизни. В 2002 г. в России побывала Й. Хмелевская. В 2003 г. Москву посетили Я. Гловацкий, М. Гретковская и Т. Конвицкий, а в 2004 г. – С. Хвин, П. Хюлле, А. Либер, З. Крушинский и А. Видеманн. В декабре 2004 г. в Петербурге в редакции журнала «Звезда» состоялась встреча с писателем Ю. Хеном. В сентябре 2005 г. на XVIII Московскую книжную ярмарку приехали такие польские авторы, как Д. Масловская, В. Кучок и Е. Сосновский. В декабре 2006 г. в связи с выходом на русский язык книги «Польская Сибириада» Красноярск посетил и встретился с читателями друг В. Астафьева З. Домино. В Польше переводов российской литературы издается значительно меньше.

Из современной литературы можно назвать таких известных авторов, как А. Битов и Л. Петрушевская. Вошел в обиход и новый русский «модернизм» в лице В. Сорокина и В. Пелевина. Произведения последнего издает варшавское издательство «WAB», которое узнало о российском писателе от немецких издателей и английского литературного агента. Из современных авторов наиболее известен В. Ерофеев и его «Энциклопедия русской души», которая воспринимается поляками как антирусское произведение, и книга «Хороший Сталин». Польский читатель может также прочитать на польском языке произведения Т. Толстой и Л. Улицкой. В последние годы были изданы романы А. Варламова, Ю. Полякова, Ю. Дружникова, Л. Бородина и др. Популярными становятся книги Б. Акунина и А. Марининой. В 2006 г. вышла антология российской поэзии в переводе известного польского поэта В. Ворошильского «Мои Москали».

В сентябре 2005 г. на XVIII Московской книжной ярмарке Польша участвовала в качестве почетного гостя: польские издательства представили последние книги польских авторов на российскую тематику. В ноябре–декабре в Москве на седьмой ярмарке интеллектуальной литературы (non/fiction) основным зарубежным гостем стала Польша, которую представляли писатели Ольга Токарчук, Михал Витковский, Славомир Схуты. Эти ярмарки показали, что польской литературой и встречами с польскими писателями все больше начинают интересоваться не только полонисты, но и простые читатели.

Все эти культурные события свидетельствуют о том, что в последние годы растет интерес к российской культуре в Польше, а к польской – в России. По мнению Г. Вишневого, в начале нового века процесс американизации в Польше ослаб, и «вернулось естественное восприятие русской культуры как одной из самых значимых в мире. Но это не совсем спонтанный процесс, а результат целенаправленных действий» [12]. Однако по сравнению с предыдущей эпохой современная российская культура не в состоянии в РП пробиться к самой широкой публике. В РФ польская культура также становится достоянием в основном элитарной части российского общества. Как сказал бывший посол в России С. Меллер, польская культура уже не будет в России столь популярной, как в 1970–1980-е годы, но возможность познакомиться с нею имеют все больше россиян [13].

К деятелям культуры обеих стран возвращается состояние совместных творческих контактов, совместного творчества. В новых условиях возрождается процесс взаимопроникновения двух культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вышгород. 2006. № 5–6.
2. Polityka. 2001. № 1.
3. Невское время. 2005. 9 VI.
4. Комсомольская правда. 2005. 1 IX.
5. Московские новости.
6. Независимая газета.
7. www.regions.ru.
8. Rzeczpospolita. 2005. 30 VIII.
9. Известия. 2005. 12 XI.
10. Dziennik Zachodni. 2006. 21 III.
11. Собеседник. 2006. 29 III.
12. Россия и Польша: парадоксальная любовь. Беседа с Гжегожем Вишневым // www.polit.ru (2005, 16 декабря).
13. Rosja – Dni kultury polskiej // Informacyjna Agencja Radiowa. 2005. 10 III.

© 2009 г. *И. В. РЫЖОВ*

КОСОВСКИЙ КРИЗИС И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Косовский кризис стал одним из поворотных моментов в современных международных отношениях, поскольку способствовал формированию совершенно новой международной системы. Последние элементы эпохи «холодной войны» постепенно отошли в прошлое, в частности от двухполюсного мира мы вошли в эпоху, в которой есть место только для одной сверхдержавы, то есть США, которые по совокупной военной, экономической, политической мощи обгоняют любую отдельно взятую страну. В случае с Косово можно усмотреть грубое использование силы при решении конфликтов в обход ООН (что в принципе осуждается международным правом). Однако не все государства мира, даже из числа союзников США, поддержали операцию НАТО по урегулированию кризиса и предотвращению «гуманитарной катастрофы» в Косово.

Наряду с Китаем и Россией такой страной стал и Израиль, заявивший свое несогласие с политикой военного вмешательства в урегулировании Косовского кризиса (см. [1. С. 644–695]).

Израиль сформулировал собственную позицию, в соответствии с которой призывал к скорейшему урегулированию Косовской проблемы и прекращению военной операции против Югославии. В частности, возникновение на территории Косово и Метохии плацдарма так называемого «зеленого интернационала» и укрепление здесь позиций албанских исламистов рассматривается израильским руководством как фактор угрожающий и европейской системе безопасности, и безопасности самого еврейского государства [2. С. 22].

Однако позиция Израиля не может рассматриваться однозначно. В первую очередь стоит указать на мягкость формулировок израильского правительства в отношении кризиса в Югославии. В частности, в одном из своих выступлений по данному вопросу министр иностранных дел А. Шарон подчеркнул, что Израиль продолжает оставаться «надежным другом Соединенных Штатов» и призвал США и НАТО сделать все возможное, дабы покончить со страданиями невинных жертв и способствовать возобновлению переговоров между конфликтующими сторонами [3]. В то же время некоторые израильские газеты

Рыжов Игорь Валерьевич – канд. ист. наук, доцент, докторант Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.

утверждали, что Шарон назвал операцию НАТО «отвратительной интервенцией», что позднее было опровергнуто МИД Израиля [4. С. 6].

Такая двойственная позиция израильского руководства имеет под собой серьезные основания, связанные с обеспечением собственной безопасности. Прежде всего, израильские политики четко увидели в албанском вопросе в Югославии большое сходство с проблемой палестинского населения в самом Израиле. Требования и тех, и других сводятся к обретению независимости и собственной государственности, а основным средством борьбы за осуществление поставленных целей являются террористические акты, направленные на устрашение как мирного населения, так и властных структур.

Вместе с тем, если провести сравнительный анализ действий израильского руководства и югославских властей относительно наведения порядка на территориях, охваченных конфликтом, и борьбы с лидерами террористических и сепаратистских организаций, можно сделать вывод, что и Израиль, и Югославия пользовались очень похожими методами. Это, в частности, и антитеррористические операции, и переговоры с лидерами сепаратистского движения. Наряду с вышеперечисленным стоит отметить, что обе страны ощущали на себе давление со стороны государств, которые поддерживали требования сепаратистов. В случае Израиля это «враждебное арабское окружение», а для Югославии – в первую очередь Албания и Хорватия, которые оказывали поддержку албанским террористам в Косово и осуществляли политический нажим на руководство Союзной Республики Югославии (СРЮ). В то же время позицию Югославии ослабляло несогласие западных держав с политикой, проводимой сербскими лидерами в автономном крае Косово. Однозначное осуждение действий сербских властей подогревалось помимо всего прочего информацией, поступавшей из западной прессы, культивировавшей «антисербскую истерию» в сознании общественного мнения многих стран.

Таким образом, израильское правительство связывало события в Югославии с проблемой собственной безопасности, понимая, что неосторожные шаги Израиля могут привести к непоправимым последствиям для него самого. Так, безоговорочная поддержка албанских экстремистов в Косово (что было краеугольным камнем для западных держав) могла бы посеять определенные надежды у палестинского населения страны. Кроме того, такая позиция создавала прецедент вмешательства во внутренние дела государства, что в дальнейшем могло бы использоваться арабскими странами в отношении Израиля по вопросу Палестины. Однако однозначное и открытое осуждение действий НАТО могло бы вызвать осложнения в отношениях с западными партнерами, в первую очередь с Соединенными Штатами Америки. Не исключено, что данное осложнение опять же негативно отразилось бы на процессе урегулирования палестинского вопроса.

Израильское руководство, учтя все «за» и «против», выбрало политику балансирования, предусматривающую недопущение политических осложнений с Соединенными Штатами и в то же время осуждение действий Североатлантического альянса в отношении СРЮ.

Первоначально израильское руководство выбрало политику поддержки ООН в действиях по отношению к Югославии. В частности, оно заявило о согласии со всеми санкциями ООН, наложенными на Югославию, и о поддержке всех усилий мирового сообщества, направленных на мирное разрешение проблемы. В рамках проводимой политики Израиль осуждал террористические

атаки против мирных граждан, проводимые обеими сторонами. Так, выступая в Кнессете 18 января 1999 г., А. Шарон осудил события в Рачаке и призвал югославское правительство разрешить международное расследование этого инцидента, по результатам которого виновные должны быть преданы в руки правосудия [5]. В то же время он призвал не разрывать отношения с Союзной Республикой Югославией, за что высказались несколько членов израильского парламента.

В частности, политическое руководство Государства Израиль предприняло попытку сближения с Российской Федерацией во время Косовского кризиса. В рамках российско-израильского сближения премьер Б. Нетаньяху призвал конгресс США как минимум на полгода отложить введение санкций против России за экспорт военных технологий в Иран. Поясняя свои действия, он выразил уверенность в том, что за полгода американцы и израильтяне смогут убедиться, что Россия не допускает утечек технологий в эту страну [4]. Такие заверения были получены премьером в ходе его визита в Москву в начале военной операции НАТО против Югославии.

Наряду с осуждением натовской операции против Югославии Израиль оказывал серьезную помощь албанским беженцам из Косово, показывая тем самым, что не приветствует политику С. Милошевича в отношении мирного албанского населения. Министерство иностранных дел Израиля и военно-воздушные силы страны провели совместную операцию по оказанию медицинской помощи косовским беженцам на территории Македонии и Албании. Миссия развернулась в 12 км севернее македонского населенного пункта Стенковича, где были организованы приемная для нуждающихся в медицинской помощи беженцев и полевой госпиталь. В состав миссии вошло около 70 человек медицинского персонала, к которым присоединились также техники и лабораторные работники [6]. Наряду с медицинской помощью Израиль предпринял и другие гуманитарные акции для косовских беженцев (в основном албанцев). В частности, усилиями израильской молодежи были организованы лагеря для молодых беженцев из Косово.

После завершения бомбардировок Югославии и введения на территорию Косово военного контингента НАТО политика израильского руководства несколько изменилась, приняв более прозападный характер в данном вопросе, нежели это было ранее. Возможно, это изменение было вызвано сменой политического руководства в стране, в результате которого израильским премьер-министром стал Э. Барак.

Уже в июле 1999 г. Э. Барак заявил во время своего визита в Лондон, что «Косовский кризис и то, как он был урегулирован президентом Б. Клинтон и Т. Блэром, показали нам прекрасный пример того, как лидеры свободного мира должны действовать на мировой арене» [7]. В этом же заявлении премьер-министр Израиля назвал С. Милошевича деспотом, которого «приструнили» посредством «эффективной операции», проведенной государствами «свободного мира». Видимо, это заявление послужило знаком того, что израильское руководство не собирается ссориться с лидерами западного мира из-за Югославии, тем более что она уже свою войну проиграла.

Однако дальнейшее урегулирование в Косово, а именно процесс политического и экономического восстановления края после введения сил НАТО, вызвало некоторое недовольство со стороны израильских властей. При урегулировании палестинского вопроса они часто ссылались на печальный опыт миротвор-

чества в югославской провинции Косово, где, по мнению большинства израильских политиков, миротворческая операция обернулась геноцидом сербов и резким усилением исламистских террористов, которым уже «тесно» в Косово. Здесь видели в этом аналогию с ближневосточной ситуацией, поскольку в арабском мире и в Палестинской автономии слишком много сторонников «Палестины от воды до воды» (от реки Иордан до Средиземного моря) [8].

Некоторые израильские общественные деятели и ученые, говоря о посткризисной ситуации в Косово заявляли: «Мы и они (евреи и сербы. – *И.Р.*) находимся в одной лодке... И сербы, и израильтяне подвержены американо-европейскому давлению в поддержку мусульманского населения», у Сербии и Израиля «отнимают» часть родины в угоду албанцам и арабам соответственно [9].

В то же время в период Косовского кризиса и процесса его урегулирования укрепились сербско-израильские связи в сфере военно-технического сотрудничества. Необходимо отметить, что оно началось еще в 1992 г. после визита делегации израильского оборонного ведомства в Белград. В частности, за два месяца до начала бомбардировок СРЮ югославские пилоты посетили на МИГ-21 израильские военные базы, где израильские эксперты в области авиастроения провели осмотр югославских машин на предмет их возможной модернизации [10].

Указанное сотрудничество в основном шло через неправительственные каналы, и израильтяне готовы были его разорвать при любом проявлении беспокойства со стороны США [10].

После окончания военной операции НАТО против СРЮ сербско-израильское сотрудничество в военной сфере вышло на новую ступень развития. В первую очередь, изменилось отношение к самой идее военной кооперации со стороны израильских властей. Данная сфера межгосударственных отношений приобретала официальный правительственный характер. В 2003 г. министр обороны Сербии и Черногории Б. Тадич нанес визит в Израиль с целью «укрепления связей» между двумя государствами [11]. В ходе переговоров Тадича с бригадным генералом А. Мизрахи была обсуждена возможность усовершенствования сербского вооружения на израильских заводах.

Вместе с тем свое развитие получили и другие области сербско-израильского сотрудничества. В частности, активизировалась деятельность израильских инвесторов в сербскую экономику. О значимости этих инвестиций говорит заключение соглашения между двумя странами об инвестициях. Целью соглашения стала защита израильтян от «дискриминации со стороны других инвесторов» [12]. В 2005 г. по заявлению посла Израиля в Сербии, в этом балканском государстве работало 80 израильских инвесторов, а двусторонний товарооборот превысил 30 млн долл. [13].

На рубеже XX–XXI вв. достаточно активно проходил процесс развития двусторонних дипломатических отношений, совершенствовалась нормативно-правовая база межгосударственного сотрудничества. Так, в указанный период были заключены следующие двусторонние соглашения: Соглашение о сотрудничестве в области здравоохранения и медицины (1996), Соглашение о сотрудничестве в сфере культуры, образования и науки (1998), Соглашение о сотрудничестве в сфере сельского хозяйства (1999), Соглашение об авиаслужбах (2001), Соглашение о взаимном обеспечении и защите инвестиций (2004), Соглашение между Правительством Республики Сербия и Правительством Государства Израиль о торговом и экономическом сотрудничестве (2006). На регулярной основе проводились взаимные визиты на высоком и высшем государственных уровнях [14].

На современном этапе, когда вопрос о статусе Косово для сербского правительства вновь обострился, что связано с определением статуса края, руководство Сербии пытается заручиться поддержкой Израиля для преодоления разногласий со странами Запада. Во время официального визита в Израиль 5 ноября 2006 г. министра иностранных дел Сербии В. Драшковича последний заявил о поддержке своей страной израильского руководства в борьбе с терроризмом, которая для Государства Израиль во многом также является борьбой за сохранение самого государственного суверенитета. При этом у Сербии есть основания получить поддержку еврейского государства именно ввиду схожести проблем, с которыми сталкиваются обе страны в проведении своей внешней и внутренней политики, а также в связи со схожими методами, применяемыми в сфере обеспечения национальной безопасности, прежде всего в сфере борьбы с исламским экстремизмом [15].

Таким образом, израильскую политику балансирования в отношении Косово можно охарактеризовать как противоречивую и неоднозначную, что во многом объясняется объективными факторами, повлиявшими на ее формирование. В то же время Израиль добился поставленных целей, не потеряв доверительных отношений с Соединенными Штатами и еще раз подтвердив свое стремление бороться с исламским экстремизмом. Важным достижением внешней политики Израиля стало сохранение и укрепление экономических позиций в Сербии и Черногории в начале XXI в., особенно в области военных технологий и инвестиционных вложений. После конфликта в Косово 1999 г., в ходе его дальнейшего урегулирования израильскому руководству на современном этапе удалось достичь неплохих результатов во взаимоотношениях с сербским руководством, в развитии торгово-экономических связей, а также на некоторых других направлениях внешней политики. В частности, сходные положения в позициях России и Израиля привели к сближению этих стран, что можно рассматривать в качестве определенного внешнеполитического потенциала в деле урегулирования ситуации, сложившейся на Балканах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуськова Е.Ю. История югославского кризиса (1990–2000). М., 2001.
2. Сатановский Е.Я. Израиль в современной мировой политике. Вероятные стратегические противники и стратегические партнеры. М., 2001.
3. www.mfa.gov.il/MFA/About+the+Ministry/MFA+Spokesman/1999/FM+Sharon+Statement+on+Kosovo.htm.
4. Пименов В. Неожиданный союзник? // Иностранец. 1999. 14 IV.
5. www.mfa.gov.il/MFA/About+the+Ministry/MFA+Pressreleases/1999/FM+Sharon+Condemns+Kosovo+Massacre.htm
6. www.mfa.gov.il/MFA/Library/1990_1999/1999/Israeli+Aid+to+Kosovo+Refugees.htm
7. [www.mfa.gov.il/MFA/Government/Speeches+by+Israeli+lead+ers/Press+Conference+by+British+PM+Blair+and+Israel+PM+Barak.htm](http://www.mfa.gov.il/MFA/Government/Speeches+by+Israeli+leaders/Press+Conference+by+British+PM+Blair+and+Israel+PM+Barak.htm)
8. www.utro.ru/articles/200103281555006593.shtml
9. www.geocities.com/zincisrael/features/f52media_hostile_to_Serbs.htm
10. www.janes.com/defence/news/Kosovo/jfr990401_02_n.shtml
11. www.globes.co.il/serveen/globes/docview.asp?did=713909&fid=942
12. www.globes.co.il/serveen/globes/docview.asp?did=775049&fid=1725
13. <http://news.polpred.com/?act=text§ion=3&id=43497&country=13>
14. <http://belgrade.mfa.gov.il/mfm/web/main/Document.asp?SubjectID=2020&MissionID=101&LanguageID=0&StatusID=3&DocumentID=-1>
15. <http://www.mfa.gov.il/MFA/About+the+Ministry/MFA+Spokesman/2006/Serbian%20FM%20Draskovic%20visits%20Israel%205-Nov-2006>

Российские и славянские исследования: научный сборник. Минск, 2007. Вып. II. 262 с.

Исторический факультет Белорусского государственного университета издал в Минске второй сборник научных работ «Российские и славянские исследования», посвященных широкому спектру славяноведческой проблематики. В отличие от первого выпуска сборника, вышедшего в 2004 г., который можно считать сугубо «белорусским», второй содержит статьи ученых из нескольких стран, опубликовавших свои материалы на русском, белорусском и украинском языках. Сборник по содержанию преимущественно историографический, так как в нем приоритет отдан работам, всецело или частично посвященным проблемам славянской историографии, оценке и обзору исследований по славянской истории, главным образом в европейских и американских странах. При этом, естественно, доминируют темы собственно белорусской и российской истории, а также общие для восточных славян проблемы древнерусского государства и древнерусской народности.

Дать хотя бы беглую оценку всех материалов сборника (их более 30) в небольшой рецензии, конечно же, не представляется возможным, поэтому мы сосредоточимся на общей его характеристике и подробнее рассмотрим главный перспективный научно-издательский замысел редколлегии, отраженный в предисловии к выпуску, напечатанном на белорусском языке (С. 5–6).

Историографическая, основная, часть сборника содержит весьма разнородные

материалы, касающиеся модели изучения советской истории 1930-х годов англо-американскими советологами (В.И. Меньковский), взгляда академика В.И. Пичеты на проблему древнерусской народности (Н.А. Юсова), отображения широкого спектра вопросов в журнале Международного аграрного института «Аграрные проблемы» (Г.Ф. Матвеев), современной оценки и понимания налогово-даннической системы древнерусского государства (С.Н. Темушев), исследования истории Золотой Орды (А.В. Мартынюк), изучения языковой проблемы в римско-католической церкви Белоруссии (В.В. Яновская) и некоторые другие. Тесным образом к этой части примыкает раздел обзоров и рецензий на отдельные книги, а также кратких аннотаций на новые издания, по объему составляющий пятую часть всего сборника.

Большое внимание в сборнике уделено источниковедению – это как бы особая вторая его часть. Некоторые тексты этой части одновременно касаются и историографии, например, статьи В.И. Ермоловича «Источники и историография государства и права Сербии VI–XIV вв. (современный взгляд на древнюю и средневековую сербскую историю)», и В.Н. Темушева «Литовско-тверская граница (проблемы интерпретации источников)», а чисто источниковедческими являются статьи А.В. Попова «Документы по истории Первой мировой войны в музеях и архивах русского зарубежья» и Р.П. Храпачевского «Монгольские и ки-

тайские источники XIII–XIV вв. о Восточной Европе». К этой части примыкает раздел «Публикации», содержащий выдержки из показаний В.И. Пичеты во время его нахождения под следствием с сентября 1930 г. по август 1931 г.

Следует признать весьма удачным раздел «Научная жизнь», в котором помещены следующие рубрики: «Приглашение к дискуссии» (статья «Национальная история в “тисках” терминов, дефиниций, парадигм” О.А. Яновского), «Центры и школы славистики и русистики» (обзоры «Научный центр истории сталинизма в Восточной Европе» Т.В. Волокатиной и «Современная канадская инфраструктура изучения славистики» В.И. Меньковского и М.А. Шабасовой), «Научные конференции» (обзор А.М. Литвина, И.Ю. Воронковой и В.В. Здановича о конференциях Института истории НАНБ 2004–2005 гг. по истории Великой Отечественной войны, информация об учредительной конференции Международной ассоциации исследователей самиздата 25–26 ноября 2005 г. в Будапеште с публикацией некоторых выступлений, прозвучавших на ней: О. Заславской – «Архив самиздата в фондах «Открытое общество»», А. Даниэля – «Советские диссиденты и самиздат», Э. Комароми – «“Самиздат” и советская культура», В. Меньковского – «Советский самиздат и западная советология: история общего и противоположного») и «Диссертации», открывающаяся кратким историографическим введением О.А. Яновского «Диссертационные исследования по российской и славянской истории в Республике Беларусь (1991–2005 гг.)», предваряющим список соответствующих докторских и кандидатских диссертаций по истории России, славянской истории, общим проблемам российской и славянской истории, истории Белоруссии в контексте российской и славянской истории.

Наряду с представителями белорусской, болгарской, украинской и польской академической и вузовской науки в сборнике приняли участие многие российские ученые. Любопытно, что в отличие от своих белорусских коллег, тематика их материалов весьма далека от проблем белорусской истории и касается в основ-

ном судеб западных и южных славян. Тем интереснее взгляды белорусских исследователей на российское славяноведение и даже российскую историческую науку в целом, особенно если учитывать весьма слабый пока интерес в ней к истории Белоруссии и особое пристальное внимание белорусов ко всему, что делается в России, включая научную сферу. Такие оценки белорусских ученых встречаются в ряде статей сборника, причем в одной весьма важной констатации некоторые из них перекликаются. «Приходится констатировать, что и сегодня, по прошествии столетий, терминологическое и смысловое обеспечение российской истории как науки в значительной степени несет в себе отголоски великодержавности, непонимания проблем национальной истории соседних народов, тем более братских белорусов и украинцев. Не хотелось бы это состояние списывать на современные проблемы в развитии российской государственности» (С. 227). «Что касается непосредственно современной российской историографии, то в большинстве своем она остается на позициях сохранения «единой и неделимой России», оправдания имперских методов управления многочисленными нациями и народностями, которые входили в состав европейско-азиатской империи Романовых» (С. 161). При этом, правда, «имперские» «методологические подходы современной российской историографии» предлагает даже научный журнал «Ab Imperio», а среди прочих российских ученых «имперский подход» «демонстрирует», например, «представитель современной российской историографии М. Долбилов» (С. 157–158).

Несомненно, подобные утверждения во многом объясняются фрагментарностью знаний о происходящем в российской науке, разорванностью связей между учеными стран СНГ и Балтии. Все это как нельзя лучше свидетельствует в пользу необходимости создания соответствующих условий и инструментов общения представителей гуманитарных наук разных стран мира и прежде всего, конечно же, славянских. Вот почему предложение редколлегии о создании на базе рецензируемого сборника соответствующе-

шего научного ежегодника, который в дальнейшем можно было бы трансформировать в научный журнал, необходимо всячески поддержать, так как есть возможность превратить его в международную трибуну историков-славистов, сделать специальным периодическим изданием по проблемам россиеведения и славистики, в котором будут концентрироваться и исследовательские итоги белорусской гуманитарной науки, в частности, белорусской историографии. Хотелось бы только увидеть в названии

нового периодического издания соответствующие уточнения с помощью введения определений «гуманитарные» или «исторические» исследования. И еще, тираж издания пока ничтожно мал – всего 100 экземпляров, что более чем досадно, ибо сборник представляет несомненный интерес не только для белорусских ученых, но и специалистов из других стран, изучающих славянский мир и Россию в целом.

© 2009 г. Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Шавинская

Славяноведение, № 1

Русские о Сербии и сербах. СПб., 2006. Т. 1: *Письма, статьи, мемуары / Сост., вступ. ст., закл. А.Л. Шемякина; комм. А.А. Силкина, А.Л. Шемякина.* 684 с. (Серия «*Bibliotheca Serbica*»).

Трагические события 1990-х годов в бывшей Югославии вновь «открыли» для многих наших соотечественников проблему единства и разобщенности славянского мира. Под пером некоторых бойких публицистов сербы превратились в неких «идеальных» русских, верных своим устоям, не растерявших национальное достоинство и «историческую память». Противоположный лагерь ощетинился критикой мифа о «русско-сербской дружбе», опровергая какое-то особое «родство», из чего порой следовал поспешный вывод, что России вообще нечего делать на Балканах. Но реальность богаче готовых схем.

Собранные А.Л. Шемякиным свидетельства показывают, что с тем же узнаванием и неузнаванием себя в другом столкнулись и те русские, которые побывали в Сербии во второй половине XIX – начале XX в. Выходцев из пореформенной, расколотой сословными и классовыми различиями самодержавной России не могло не поразить сербское «мужицкое царство» с *такой* простотой отношений между «верхами» и «низами» общества, каковую нельзя и помыслить в мире бюро-

кратических церемоний и социальных контрастов. Сербские крестьяне («селяки») очень похожи на малороссов, но в то же время чем-то в обычаях и в быту – на турок. Один путешественник вспоминает, как неожиданно для него попутчики в поезде по пересечению сербской границы *вдруг* поменяли фески на шляпы (с. 395). В столице Сербии – Белграде часто можно было услышать немецкую речь, но лишь две улицы, быть может, похожи на европейские. При этом комфорт в местных гостиницах обеспечивают «пришельцы» с австрийского берега, поскольку местные жители, с их самостоятельной крестьянской закваской, никак не хотят идти в услужение «господам». Сочетание Европы и Азии, традиционного уклада жизни и привнесённой извне «цивилизации» тоже привлекало русских наблюдателей, знакомых с этой проблемой у себя дома сначала по спорам «славянофилов» и «западников», затем – консерваторов и либералов рубежа веков.

В первый том воспоминаний, путевых заметок, писем, статей, популярных очерков о Сербии и сербах вошли произ-

ведения сорока русских авторов. Первая публикация (корреспонденция И.С. Аксакова) относится к 1860 г. Последняя (мемуары Г.Н. Трубецкого) повествует о начале – 1914–1915 гг. – Первой мировой войны. Составитель во введении к книге провел анализ социального облика этих путешественников и мемуаристов (с. 6–8). Здесь и ученые, и дипломаты, военные, журналисты, деятели славянских организаций, добровольцы времен Восточного кризиса 1875–1878 гг., предприниматели и профессиональные революционеры, подвизавшиеся в печати. Есть и литераторы-путешественники, зарабатывавшие на хлеб насыщенный рассказами о дальних странах. Авторы различает и социальный опыт, и уровень знаний об описываемой стране, и специфика интереса к ней, и жанровые особенности их произведений. Присутствуют в этом списке и дамы-просветительницы, так что можно сопоставить их взгляд с «мужскими» впечатлениями от патриархального уклада сербской жизни. Среди публикуемых текстов, за исключением единственного архивного документа, нет неизвестных: большинство из них рассыпаны в дореволюционной периодике, некоторые выходили отдельными книгами или брошюрами. Но следует согласиться с А.Л. Шемякиным: взятые вместе эти сорок свидетельств более чем полувекового периода развития страны действительно дают весьма репрезентативный комплекс и заставляют о многом задуматься.

Составитель предлагает несколько проблемных тем, которые можно обсуждать, анализируя собранные материалы: господствующие представления о народе и власти, коллективе и личности, мире и войне, прошлом и будущем, «своем» и «чужом» в традиционном обществе. Кроме того, заметки о Сербии оказываются своеобразным зеркалом, в котором отражается «русская душа». Этнонациональные стереотипы и автостереотипы, осмысление русских социальных реалий сквозь призму «инога», но культурно близкого опыта как некой альтернативы своего развития, сопоставление восприятия русских путешественников и западных европейцев, побывавших в Сербии, –

все это интересные и перспективные направления для дальнейших исследований. Не говоря уже о захватывающей дух реконструкции «балканской модели мира», открытии «*homo balkanicus*» в его первозданной чистоте. Впрочем, не стоит, наверное, преувеличивать значение архетипической составляющей исторического процесса. В конце концов, ментальные структуры формируются им же.

Самого же А.Л. Шемякина интересует прежде всего специфика модернизационных процессов в Сербии. Эту тему он обсуждает и во введении, и особенно подробно в заключительной статье к тому (с. 639–670). Свидетельства русских подтверждают основную мысль автора: за фасадом европейских нововведений в виде конституций и парламентаризма, многопартийности, современной системы образования и воинской службы скрывались устойчивые структуры традиционного общества, определяющие не только поведение простого «сеяка», но и элитарных слоев сербского общества. Ускоренная модернизация, проводившаяся сверху то без особого плана, спонтанно, то в соответствии с определенной идеологией, целенаправленно, тем не менее, привела лишь к поверхностному усвоению форм, а не содержания чуждых институтов. Просто удивительно, как часто наблюдатели, которых отделяют друг от друга несколько десятилетий, свидетельствуют о власти традиции, повторяясь почти слово в слово. Время идет, но в Сербии ничего не меняется. А если меняется, то крайне медленно.

В чем же дело? Как тут не власть в соблазн все объяснить «природными» качествами сербского народа, свято оберегающего свою глубинную суть? Попытки «традиционалистского» истолкования прошлого уравнивают победно-либеральные реляции сторонников «европейского выбора» в современной сербской историографии. Суждения Шемякина одинаково далеки от обеих крайностей, диктуемых идеологическими пристрастиями.

Сила традиции объясняется замедленной эволюцией социальной структуры, сохранением дедовской агрокультуры в условиях устойчивого плодородия почвы

и благодатного климата, резервом свободных земель, гарантирующим страну от аграрного перенаселения. Кроме того, парцеллярная земельная собственность, закрепившаяся в Сербии после ухода турок, при отсутствии крупных хозяйств, которые могли бы «душить» мелкие, предопределила господство самодостаточного натурального хозяйства с адекватной ему формой организации – родственной хозяйствующей общиной-*задругой*. Именно в ней воспроизводились традиционные ценности, жизненные ориентиры, модели поведения и т.д. Город в довоенный период еще не обрел своей экономической основы и оставался лишь административным центром, при этом границу между ним и сельской округой часто невозможно даже различить. Сказанное разрушает привычное для марксистской догматики представление о непременно быстром развитии капитализма в случае радикальной ломки «феодалного уклада» в деревне.

Социально-экономический облик Сербии нуждается в уточнении на основе более детальных исследований. Впечатления путешественников, не обнаруживших в сербской деревне той нищеты, безысходности и забитости, которые стали почти привычными в России, конечно, не достаточны для окончательных выводов, однако симптоматичны. К слову, исследовать экономический строй и социальную структуру сербского общества гораздо труднее, чем наше пореформенное отечество, поскольку в Сербии отсутствовал институт земства, обеспечивший российских исследователей богатым статистическим материалом.

Главная ценность источников, собранных Шемякиным, в том, что всегда проявляется в свидетельствах иностранцев. Путешественник обращает внимание на «привычные» для местных жителей стороны жизни, поскольку для него они непривычны. Эти «рутинные» с точки зрения обыденного опыта детали вовсе не попадают во «внутренние» источники как само собой разумеющееся. Другое дело, правильно ли путешественник понимает местную специфику. Культурная близость русских предохраняет их от сильных искажений в изображении серб-

ского колорита, хотя полностью ошибки исключить нельзя. Важно отметить еще один аспект: в путевых заметках и мемуарах, представленных в томе, немало ярких портретов политических и культурных деятелей Сербии, разговоров с ними на разные темы, высказываний, невосполнимых другими источниками.

Многие русские наблюдатели не ограничивались фиксацией увиденного и услышанного в Сербии. Они пытались проанализировать и оценить специфику сербского общества, проникнуть в суть «национального характера». Наиболее глубокие аналитики, такие, например, как П.А. Ровинский или Л.Д. Троцкий, дают замечательные обобщения, значение которых не потерялось и до сих пор, хотя нередко они идут вразрез с «генеральной линией» прежней историографии. У того же Ровинского, наблюдавшего приход к власти либералов на рубеже 1860–1870-х годов, можно встретить критические замечания по поводу «естественной» сербской демократии, сохранившейся под спудом турецкого угнетения: «В это время «Видовдан» (полуофициальное консервативное издание. – М.Б.), кричавший прежде постоянно, что сербский народ незрел для свободных учреждений, стал проповедовать, что сербский народ способен к тому больше, чем всякий другой. Но, конечно, тот был бы крайне глуп, кто поверил бы в такую неестественную и быструю метаморфозу. Не имея достаточного просвещения, но, сделавши некоторый успех настолько, что это заметно и постороннему, сербы преувеличивают свои успехи и приписывают их каким-то особым способностям, которыми обладает их народ» (с. 67–68). Ровинский указывает при этом на временной фактор, «сжатые» темпы развития современного государства, необходимость и возможность заимствования чужого опыта. В то же время, демократ по убеждениям, он считает рост бюрократии и полиции (на каждые 50 белградских жителей – один страж порядка) в стране, где нет сословий, религиозных, национальных и имущественных противоречий, наносным и вредным влиянием австрийского неоабсолютизма. Не слишком ли легкое объяснение? Не

останавливаясь на нем, Ровинский указывает на слабость местной интеллигенции, которая «...в сущности слишком мало отделяется от массы» (с. 70). И наконец, незавершенность национального объединения, необходимость вечно «стоять на карауле», накладывает отпечаток на общественно-политическую жизнь Сербии: «Рядом с воинственным героизмом вы не встречаете нигде мужества гражданского» (с. 109–110).

Рассуждения о «сербском характере» являются сквозной темой для многих русских наблюдателей. По мнению Ровинского, рядом с отвагой и бесстрашием в сербах соседствуют самодовольство и самообольщение, практицизм сочетается со склонностью «поидеальничать дешево образом» (с. 54, 68). Другие пишут о «лености сербов», что объясняется эгалитарной социальной средой и достатком в хозяйстве, основанном на примитивных началах, о гостеприимстве и отзывчивости, сочетавшихся с тем, что «серб прежде всего эгоист, торгаш, всегда и всюду соблюдающий по возможности только свои интересы» (с. 181–183, 200–201; ср. с. 234–235). Или: «Серб добродушен, беспечен, несколько легкомыслен, подвижного характера с резкими переходами от страстного воодушевления до полного упадка духа и обратно; к своей семье и дому очень привязан...» (с. 259). Склонность к мистицизму, предрассудкам и суевериям противостоит индифферентности в отношении церкви. Русских путешественников удивило отсутствие послушников и монахов в местных монастырях, превратившихся в памятники былого величия. «Несколько загадочна эта психология сербской серой массы», – констатирует А.В. Амфитиатров (с. 462). Двойственность характеристик определяется, очевидно, социальной сущностью крестьянина – работника и хозяина одновременно, – но сюда же примешивается противоречие между традиционным обществом и вызовами «современного» по форме и в проекте государства.

Отношение к государству сербского «селяка», готовность к самопожертвованию во имя решения национальных задач, развитость самосознания – еще одна сквозная тема в сочинениях русских путе-

шественников. Категоричен будущий вождь российских консерваторов князь В.П. Мещерский, побывавший в Сербии в начале Восточного кризиса 1875–1878 гг.: «...Нравственные побуждения войны, честь, патриотизм, услуга угнетаемым братьям – для него (народа. – М.Б.) понятия или чувства несуществующие, а внешние или материальные заботы, как то: увеличение земли, добыча, королевская корона – все это для него мысли, никогда не бывавшие в его голове. Народ сербский – нечто вроде пастухов Аркадии – не нуждается ни в какой конституции и даже в ни в каком правительстве» (с. 161–162). О равнодушии сербского общества к войне 1876 г. пишут и русские добровольцы, столкнувшиеся с непониманием того, что движет «селяками», чьи интересы ограничены его собственной «кучей» (домом), но в еще большей степени циниками-интеллигентами. Разочарование в придуманных «братьях-славянах», конечно, было продиктовано военными неудачами. Но, как тонко заметил Г.И. Успенский, это разочарование приправлено подспудным осознанием несовершенства той страны, откуда прибыли добровольцы: «Они были сконфужены прочностью заграничного человека, его достоинством, его умением жить; были сконфужены тысячами заграничных пустяков, сконфужены как дети, как ребенок, которому не подарили таких же фольговых часов, какие подарили его приятелю-ребенку» (с. 220–221).

Путешественники охотно рассказывают, как сербский патриотизм воспитывается в задруге, в семье, песнями о Косовской битве, о гайдуках и т.д. Но лишь некоторые признают, что это песенное сознание весьма зыбко, ему не достаёт «гражданственности», которую можно было бы воспитать в хорошей школе. «... Видно, что инстинкт работает, а мысль не оформлена» (с. 462). Политизация крестьян в виде кофейных диспутов с участием местных священников и учителей, партийная демагогия и мелкие распри разочаровывают и русских наблюдателей, и их сербских собеседников в лице лучших представителей интеллигенции. С другой стороны, Амфитеатров замечает: «А разбираются в политике *своей*

(курсив мой. – М.Б.) мужики сербские прекрасно, и не облукавить их, ни провести за нос никакому хитроумному Одисею из интеллигентов» (с. 467). Вот только, каковы границы этой «своей» политики? К судьбе Боснии и Герцеговины собеседники русского журналиста проявили мало участия, ссылаясь на волю «великих держав» (с. 463).

Отзывы русских, наблюдавших сербскую армию во время Балканских войн 1912–1913 гг. и в начале Первой мировой, совершенно иные, нежели у добровольцев 1876 г. Социал-демократ Ст. Вольский, начавший свои заметки с предубеждения против ура-патриотизма, не смог скрыть восхищения собранностью сербского общества, готовностью воевать, лишенной и дешевой экзальтации, и страха за жизнь: «...Нация как-то спаяла воедино свои различные элементы, слила в одно целое предание темной старины, тревоги настоящего и запросы будущего, и на этом пламенном костре энтузиазма жжет безропотно свои лучшие силы, и без слез провожает на смерть своих детей, и отдает жертвы за жертвами» (с. 539). Свидетельствует ли это о прогрессе всего сербского общества, включая крестьянскую массу, или это заслуга радикалов, сумевших консолидировать политическую элиту и подготовиться к ведению военных действий? Ответить на этот вопрос не так-то легко. Наблюдатели указывают на демократизм порядков в сербской армии, ее сплоченность, отсутствие со-

словной границы между рядовым и офицером. Но ведь она отсутствовала и ранее.

Вообще, в свидетельствах русских путешественников и мемуаристов немало расхождений, обусловленных их собственным мировоззрением, которое никак нельзя сбрасывать со счетов. Довверяться полностью их суждениям нельзя. Учитывать и сопоставлять их с другими источниками необходимо. Записки путешественников являются незаменимым пособием в области исследования представлений о себе и «другом».

Тексты, публикуемые в сборнике, снабжены подробными примечаниями А.А. Силкина и А.Л. Шемякина. Комментаторам пришлось проделать немалую работу, собрав сведения не только о сербских реалиях (персоналии, населенные пункты, исторические памятники, партии, периодические издания и т.д.), но и о русских авторах, их окружении и других деталях. Эти сведения способствуют верному пониманию текстов. В необходимых случаях указаны и явные фактические ошибки их авторов.

В ряду других исследований последнего времени рецензируемая книга и сопутствовавшие ей статьи А.Л. Шемякина обозначают поворот к «исторической антропологии» в отечественной славистике.

© 2009 г. М.В. Белов

Славяноведение, № 1

В.А. ХОРЕВ. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки. М., 2005. 231 с.

Книга очерков известного российско-го литературоведа-полониста В.А. Хорева является логическим завершением многолетнего исследовательского проекта, посвященного изучению стереотипов восприятия поляками и русскими друг друга, результатом которого стало издание нескольких сборников статей поль-

ских и российских ученых. В.А. Хорев был одним из первых российских исследователей, инициировавших и популяризовавших внедрение имагологического подхода к изучению польско-российских отношений на материале литературы.

Краткую характеристику своего взгляда и подхода к проблеме формиро-

вания этнических стереотипов, а также обоснование принципов имагологического изучения польской и русской культур В.А. Хорев дает во вступлении. Он подчеркивает, что имагология не сводится к изучению исключительно стереотипов или автостереотипов, но их содержание, изменение и формы закрепления в общественном сознании во многом определяют место и образ Другого в «картине мира». Этот образ, в свою очередь, независимо от степени своей субъективности, «имеет не меньшее историко-культурное значение, чем сама действительность» (с. 12). Задачи своей работы автор видит в анализе отражения «ключевых событий совместной русско-польской истории в русской литературе» с точки зрения формирования в ней стереотипа поляка и его роли «в упрочении долгоживущего общественно-исторического мифа, который по своим законам генерализует и унифицирует явления и обладает большой силой убеждения» (с. 42). Вместе с тем он не останавливается на своем видении теоретической проблемы соотношения, и, как следствия, особенностей исследования Образов – Представлений – Стереотипов в литературе, используя эти понятия как синонимичные.

Книга состоит из девяти очерков, восемь из которых посвящены различным этнокультурным представлениям поляков и русских, проявившихся в русской (главным образом) и польской литературе (а также публицистике, критике, политических документах и т.п.) XIX–XX вв. В каждом из очерков рассматривается комплекс произведений; их выбор продиктован развитием польско-русских отношений. При этом В.А. Хорев обращается как к сугубо художественным текстам, так и к паралитературным сочинениям – литературе путешествий, критическим очеркам и историческим обзорам литературы, в меньшей степени – мемуарам и историко-философским трудам.

В первом очерке «Русский европеизм и становление польского этнического стереотипа в русской литературе» рассматриваются некоторые значимые вехи русского восприятия Польши в широких хронологических рамках – от Средневековья до наших дней. Отношение к

Польше, польской культуре и к полякам в России в течение длительного времени выстраивалось в рамках конфессионального неприятия, а с XVIII в. переосмыляется в контексте более общего противостояния – русской и западноевропейской культур. В этом отношении вряд ли обоснованно согласие автора с утверждением В. Щукина – «Проблема отношения к Европе – одна из постоянных проблем русского самосознания» (с. 17). Без определенных оговорок о том, что понимать под термином «русское самосознание», и как трактовать само понятие «Европа», о каком историческом периоде идет речь и т.д., такое заключение без комментариев и доказательств выглядит неубедительным. В.А. Хорев исследует главным образом русскую литературу Нового и новейшего времени, и для этого периода миф Европы, действительно, являлся весьма (если не наиболее) существенным для выстраивания цивилизационно-культурной ориентации. Анализ представлений о Польше и поляках в контексте складывания и изменения российского мифа о Европе дает возможность выявить черты, которые совпадают с польским автостереотипом, и негативные оценки поляка как носителя европейской культуры (в первую очередь бытовой и политической). Окцидентальность польского соседа вместе с тем была русским лучше известна, более понятна и в силу геополитического положения воспринималась особенно враждебно.

Фольклорные, литературные, публицистические тексты единодушны в своем осуждении поляков – «злочестивых еретиков» и «коварных ляхов», впрочем, в той же мере, как в аналогичных польских источниках русские обозначаются непременно «схизматиками», «варварами» и «рабами». Эти факты не вызывают удивления, так как противостояние «своих» «чужим» всегда строится на основе этноцентризма. Автор обращает внимание на то, что эти средневековые определения отличаются постоянством, оставаясь необычайно устойчивыми тогда, когда на смену противостоянию двух государств с разным типом политического устройства приходит эпоха сосуще-

ствования двух народов в границах единого государства – Российской империи.

Фиксируя «живучесть» прежних и появление новых негативных стереотипов в российской историографии первой половины XIX в. и в трудах славянофилов, В.А. Хорев предлагает рассматривать их не только как отражение взаимоотношений двух соседних народов, осложненных военными конфликтами и межконфессиональными противоречиями, но как «часто не осознаваемый, реальный диалог двух культур» (с. 26). Такое нестандартное, расширительное понимание диалога позволяет автору интерпретировать создание образа соседа обеими сторонами если не как позитивный, то, во всяком случае, как плодотворный процесс, в котором есть место для взвешенных оценок, для размышлений о причинах непонимания и неприятия. Это, в конечном итоге, способствует поискам и – позже – объяснениям собственной идентичности.

В существующей историографии вопроса (как польской, так и российской) часто отмечается, что начиная с XVII в. Польша оказывала сильное влияние на русскую культуру, являясь своеобразным посредником между Западом и Россией, что именно в «польской одежде» (В.О. Ключевский) Россия познакомилась с достижениями западноевропейской исторической, философской и отчасти технической мысли. Об этом свидетельствует, как считает автор, появление первых русских «западников» – начиная с А. Курбского и И. Хворостинина и заканчивая князем В. Голицыным. Диалог, таким образом, понимается как смена «притяжений и отталкиваний», притягия и отторжения. Потому, начиная с нового периода русской истории, можно говорить о двух постоянно развивающихся и полемизирующих друг с другом взглядах на Польшу: негативном (выражавшемся в традиционной консервативно-православной позиции, и, позже – славянофильской) и позитивном, выразителями которого являлись в первую очередь западники разного толка (от подражателей «ляшским» модам и читателей польских книг до принципиальных противников «отсталой и рабской Руси»). Параллельно и в Польше – с ослаблением и разде-

лением Польского государства – все более утверждается образ русского варвара, причем главной причиной отсталости видятся именно отличительные свойства государственного устройства и политической культуры России.

«Польский вопрос» в России, по мнению В.А. Хорева, изначально был вписан в европейский контекст, и отношение к нему во многом зависело от культурной и политической ориентации автора того или иного произведения. В частности, в каразинских «Письмах русского путешественника» «Россия и Европа не противостоят друг другу» (с. 32), но такая взвешенная позиция (в том числе и в отношении к Польше) стала скорее исключением в русской культуре следующих двух столетий. Однако необходимо иметь в виду, что и российская публицистика, и историософия первой трети XIX в., как и много позже, выражала мнение определенных кругов элиты общества, не зная, или даже игнорируя те стереотипы русского восприятия поляка, которые продолжали оставаться неизменными в низах социума. Традиционные представления, как показывают исследования фольклора и реконструкции народной картины мира, остаются неизменными, но на этом этапе они еще не освоены, не осознаны теми, кто создает рассматриваемые автором книги тексты. На мой взгляд, механизмы формирования стереотипов в письменной и устной культуре существенно различаются; поэтому видимое (содержательное и формальное) их сходство может быть поставлено под сомнением контекстуальным и историческим анализом.

В очерке «Стереотип Польши и поляков в русской литературе накануне и после национально-освободительного восстания 1830 г.» проанализированы наиболее важные и болезненные проявления польско-русской неприязни в связи с событиями Ноябрьского восстания. Автору удалось доказать, что негативно-критическое и даже во многом унижающее польское национальное достоинство отношение русского образованного общества к полякам формировалось на протяжении нескольких десятилетий – начиная с разделов Речи Посполитой. Ключевыми этапами на этом пути являлись худо-

жественные «отклики» на двухсотлетнюю годовщину Смутного времени, и воспринятая крайне отрицательно пронаполеоновская позиция поляков в русско-французском военно-политическом противостоянии 1804–1814 гг. Как отмечает автор, многие литературные сюжеты и образы этого времени стали позже шаблонными.

Восстание 1830 г. разделило русское общество по-новому. Не сравнение с Европой, а различное понимание патриотизма лежало в основе российской рецепции «польского вопроса». В нем «по разные стороны баррикад» оказались Пушкин и Одоевский, Чаадаев и Герцен; в антипольском стане объединились такие несхожие по своим взглядам деятели, как Тютчев и А. Бестужев, Жуковский и Лермонтов, поляки по происхождению Ф. Булгарин, Н. Греч. В.А. Хорев акцентирует внимание на том, что именно русская «антипольская» политическая поэзия 1830-х годов породила стереотип, «который детерминировал образ мышления или поведение массового читателя» в России (с. 55). При этом речь идет не только о стереотипе поляка, но и о новом наборе черт для собственной характеристики, существенной позитивной чертой которого стал государственный (имперский) патриотизм в его официальном триединстве – «православие, самодержавие и народность». Как верно замечает автор, ключевой идеей в этом поэтически-политическом дискурсе является не столько отрицание Другого, сколько интуитивная апелляция к чувству единства и общности «русских» (в широком их понимании) народов перед лицом разрушающего политическое и государственное единство мятежа. Интересно предпринятое автором в этом контексте сопоставление используемых в поэзии и драматургии «ключевых слов» и определений, которое позволяет уловить некоторую закономерность в функционировании литературных клише, становящихся стереотипными.

В очерке «А. Мицкевич и польский стереотип отношения к России. Мицкевич и Пушкин» В.А. Хорев обращается к образу России и русских в творчестве Мицкевича и в польском романтизме. Он приходит к заключению о том, что многие

негативные черты и поэтические определения зачастую почти буквально повторяют автохарактеристику русских (например, Герцена, Погодина, Чаадаева, Некрасова и др.); различается лишь их интерпретация (с. 70–71). Но и в России, и в Польше поэзия польского романтизма способствовала распространению и закреплению в качестве литературных клише стереотипных образов поляков и русских.

В очерке, посвященном «польской теме» в русской художественной литературе и записках путешественников в 1860–1880 гг., («Польский вопрос в России после восстания 1863 г.») В.А. Хорев приводит спектр различных оценок и суждений русских писателей и публицистов о событиях 1863 г. и Польше вообще. Рассматривая позиции славянофилов и западников, демократов и почвенников, он вновь обращается к вопросу о мифах русской культуры XIX в. – мифах Европы и Святой Руси – и подчеркивает их историко-культурную обусловленность, а не идеологическую предвзятость в отношении к Польше и полякам. Как воспевание свободолюбивого поляка, так и его «шельмование» – в равной степени результат одного и того же процесса – попытки русской мысли выработать стратегию развития своего государства и общества.

Процесс формирования нового типа предубеждений, продиктованных политической конъюнктурой и идеологическим прессом, проанализирован В.А. Хоревым на примере оценок творчества польского поэта Яна Каспровича в русской и советской литературной критике (очерк «Восприятие варшавского позитивизма в России. Ян Каспрович в русской критике и переводах»). Автор рассмотрел их в контексте отношения к польскому позитивизму в целом. Несмотря на кардинальные (как кажется на первый взгляд) отличия дореволюционной – взвешенной и явно симпатизирующей польскому позитивизму как общественно-политической программе – критики от интерпретаций советского периода с господством «вульгарно-социологического метода» (с. 116) оба подхода, как доказано автором, исходили из общей установки. Определяющим критерием являлись в первую очередь не художе-

ственные достоинства литературных произведений (даже поэзии), а их социальная и общественная значимость, политическая (в широком смысле слова) ангажированность. В этом процессе отсутствовал некий отдельный, особый негативизм восприятия Каспровича именно как польского автора; он продолжал рассматриваться как поэт-позитивист. На этом примере можно видеть, как стереотипы подвергались влиянию идеологии, что в некоторой степени снижало степень этнонациональной предубежденности, заменяя ее зачастую голословной критикой в жестких рамках цензуры.

Несколько иначе выглядит образ Польши и поляков в русской и советской прозе и поэзии начала XX в., и позже, в межвоенные двадцатилетие («Русские литераторы о Польше в начале XX века. Стереотип поляка в русской литературе в межвоенные годы»). В литературе «демократического» направления продолжали отчасти функционировать польские романтические стереотипы страдающего поляка-патриота, борца за свободу своей родины. В период Первой мировой войны возродился и мотив польско-русского братства. Но в 1920–1940-е годы вновь стал актуальным негативный образ поляка, типичный для русской словесности первой половины XIX в., однако теперь «картина единого польского общества, охваченного национальными стремлениями в ущерб российской государственности, сменяется – в соответствии с идеологической доктриной – схемой общества, раздираемого классовыми противоречиями» (с. 128). На примере произведений Маяковского, Бедного, Бабеля, Зощенко, очерках и репортажах Эренбурга, Сейфуллиной, Л. Никулина и других В.А. Хорев реконструирует собирательный образ поляка, в котором вновь значительное место занимают прежние негативные характеристики (кичливость, заносчивость, коварство и т.п.), которые дополнены новыми, социально-непривлекательными, «буржуазными» чертами. Эти оценки не касаются польского народа (в узком смысле слова) – «трудящихся», выражение чувства солидарности с которым становится одной из глав-

ных идейных тенденций советских произведений соцреализма.

С изменением геополитической ситуации, к концу Второй мировой войны, задачи политической пропаганды увязываются с масштабными планами новой культурной политики как в будущей социалистической Польше, так и в СССР – в отношении к ней. Создание нового, позитивного образа поляка, его искусственное конструирование «сверху», для нужд масштабной культурной политики, рассмотрено Хоревым в очерке «Москва и культурная политика в ПНР». Акцент, как показывает автор, был сделан на создании положительного образа поляка в СССР и русского (советского человека) в Польше. Идея, что сознанием человека можно манипулировать при помощи средств художественной пропаганды, не подвергалась сомнению. Для реализации планов в области цензуры, издательской политики, переводческой практики были задействованы огромные силы и средства. Господствовавшая в политических кругах недооценка устойчивости польских национальных культурных традиций также не способствовала эффективности избранной тональности навязанного Польше псевдиалога между нашими культурами, актуализировав прежний и породив новый негативный образ русско-го в польском сознании.

Иначе складываются представления о Польше и поляках в советской литературе послевоенных лет («Польша в послевоенной русской литературе»), в которой на первое место выходят мотивы пережитой трагедии войны, общности страшного военного опыта. Несмотря на бдительность цензуры, не допускавшей переводов и публикаций произведений, рассказывавших о запретных страницах недавней истории (Катынский расстрел, Армия Крайова, Варшавское восстание), эта тема стала центральной в процессе сближения польской и русской культур послевоенного двадцатилетия. Акцентирование общего, а не отличного и враждебного; восхищение польской художественной и бытовой культурой породило в 1960–1970 гг. новый, романтизированный образ Польши как страны свободы, «самого веселого барака в концлагере»,

страны, продолжающей бороться за свободу в новом для периода оттепели значении этого слова. Разрушение негативных стереотипов и развенчание антипольских предубеждений с их длительной историей стало важнейшим итогом советской литературы 1945–1990 гг. Однако в последние пятнадцать лет и в Польше, и в России – как с грустью констатирует выдающийся русский полонист, столь много сделавший для укрепления польско-российских научных и культурных связей – появились новые художественные и публицистические произведения, в которых вновь на первом месте – живучие и непобедимые антирусский и антипольский мифы с утрированными образами и агрессивным настроением. И русофобы, и полонофобы, – утверждает В.А. Хорев, – новые плоды этого воинствующего этноцентризма, продукт новой политической и культурной эпохи.

Заключительный очерк «Взгляд русского полониста на польскую литературу XX века» – попытка автора обозначить основные и наиболее важные пути польско-русского взаимодействия и культурного диалога, намеченные с помощью литературы. Литература, и особенно хорошая литература, по мнению автора, может и должна стать средством борьбы с политическими и идеологическими заблуждениями и фобиями.

Книга В.А. Хорева может служить примером научной работы, весьма сложной в обстоятельствах польско-русского спора–диалога, и успешной попыткой реализации имагологического подхода на материале литературоведческого исследования.

© 2009 г. М.В. Лескинен

Славяноведение, № 1

И.А. СЕДАКОВА. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст. М., 2007. 432 с.

В книге И.А. Седаковой изучается болгарский родинный текст – выраженный средствами различных культурных кодов комплекс традиционных представлений болгар о рождении человека и его судьбе.

«Тема» и «место» часто соседствуют в филологических исследованиях разного ранга, но далеко не всегда их сопряжение оказывается мотивированным и позволяет читателю понять, почему для изучения данной темы понадобилось обращение именно к этой (а не какой-нибудь другой) локальной традиции. Одна из характеристик творческого почерка И.А. Седаковой, отличающая все ее работы, в том числе рецензируемую книгу, состоит в том, что в них непременно присутствует глубинная внутренняя мотивация, объясняющая явно и неявно взаимо-

действие частей исследовательского механизма, в данном случае – «родинной» темы и лингвокультурного пространства Болгарии (за которой в известной мере стоят Балканы в целом).

Точкой, определяющей место золотого сечения на смысловом отрезке, соединяющем родинный текст и Балканы, оказывается тема судьбы, которая, с одной стороны, обнаруживает концептуальную доминанту родинного текста, с другой – может быть признана лингвокультурным «специалитетом» Балкан. Здание работы спроектировано и выстроено так, что, проходя по разным аналитическим «этажам» исследования, читатель не упускает из виду триаду р о д и н ы – с у д ь б а – Б а л к а н ы, которая видится ему все более стереометрично. Многомерность создается тем, что чита-

тель знакомится с самыми разнообразными формами символического отражения родин в знаковом языке культуры (лексика и фразеология языка, фольклорные тексты и нарративы, ритуальные практики, верования), восстанавливающими родинный текст в максимальной целостности и связности. Следуя традициям Московской этнолингвистической школы, автор усматривает за этими разноплановыми данными единую символическую картину мира, специфика которой во многом определяется «географией культуры».

Таким образом, в книге впервые осуществлена целостная этнолингвистическая реконструкция обширного фрагмента традиционной символической картины мира, отражающего представления о рождении человека, которые характеризуют определенную лингвокультурную традицию (в данном случае болгарскую) в ее взаимосвязях с другими традициями в пространстве, времени и социуме (в контексте Балкан и славянского мира).

Интересен представленный автором подход к моделированию объекта исследования: казалось бы, он задан в традиционном тематическом ключе (и в этом плане «родины» являются такой же классической для этнолингвистики темой, как «животные», «демонология», «календарь» и др.), однако тематические рамки раздвигаются и уточняются за счет введения концептуальной составляющей: исходя из того, что родинный текст символически осмысляет не только рождение, но и программирование новой жизни, автор включает в него эпизоды, которые были бы неуместны при узком логико-тематическом взгляде на объект исследования (например, празднование первых шагов ребенка, обучение его речи, традиции имянаречения).

Аутентичный материал, положенный в основу исследования, относится не только к болгарской, но и к другим славянским традициям. И.А. Седакову отличает особый стиль в работе с материалом: его составляющими являются и умение представить материал во всем его богатстве и коллекционной полноте (один только библиографический «пункт» – 213

рукописей из архива Ст. Романского, содержащего полевые записи участников семинара по этнографии, сделанные в 30–40-е годы XX в., – мог лечь в основу отдельного исследования), и существенный собственный вклад (многочисленные полевые записи автора, которые не только использованы в тексте, но и щедро поданы в приложении, открывающем доступ к ним другим исследователям), и постоянная включенность в материал, заставляющая присоединить к традиционным объектам этнолингвистического анализа факты Интернета, примеры из художественной литературы, наблюдения над современными городскими практиками и т.д.

Во введении к книге дается подробный анализ литературы вопроса (точнее, двух «вопросов», изучаемых в книге) – исследований, посвященных славянским родинам, и работ, посвященных языковой и культурной специфике Балкан, а также авторская трактовка ключевых терминов исследования – *родинный текст*, *балканизм* и др.

В I части – «Слово. Имя. Речь» анализируется всё, что может «сказать» о родинах система болгарского языка (общенародный язык и говоры) и шире – вербальный код традиционной культуры: нарицательная лексика и фразеология (гл. 1), антропонимикон и прагматика имянаречения (гл. 2), предписания и запреты в области речевого поведения (гл. 3). Эта часть призвана фокусировать все последующее изложение: язык выделяет основные смысловые элементы текста более полно, структурированно и последовательно, чем другие коды культуры, поэтому, несмотря на принципиально комплексный характер исследования, автор придает данным естественного языка особое значение, делая их сеткой координат работы.

И.А. Седакова приводит ценные микросистемы фактов, подчиненные разным принципам организации: от ключевого понятия родинного текста – к реализующим его словам во всем многообразии их диалектных вариантов ('внебрачный младенец' – *курванче*, *найденче*, *шумник*...; 'беременная' – *голема*, *дебела*, *непразна*, *пълна*, *трудна*... и др.); от слова-

концепта (*лехуса* 'роженца'; *късмет* 'судьба', *нефела* 'о чем-либо плохом, несчастье' и т.д.) – к семантической структуре окружающих его словесных пространств – деривационного гнезда и шире – морфо-семантического поля; от прагматической установки – к практике номинативной деятельности с помощью имен собственных (подбор имен, закрепляющих связи между близнецами, связь носителя имени со святым, в день которого он родился, и проч.) или к правилам ритуализованного речевого поведения перед родами, в ходе их, а также по отношению к ребенку (табу на использование при ребенке слов, которые магически могли бы сообщить ему нежелательные свойства своих денотатов, – *жабче* 'лягушонок', *кученце* 'песик', *мачка* 'кошка'; внедрение в «детское пространство» предметов, которые ассоциируются со звучанием и способствуют развитию речевых навыков младенца, – грецкие орехи, звенящие и стучащие столовые приборы и т.п.).

Значимость проделанной здесь работы не только в полноте сводок и детальной интерпретации конкретных фактов (семасиологической, ономасиологической, лингвогеографической, этимологической, культурологической, символическо-прагматической и др.), но и в акцентах, которые, как говорилось выше, ставятся «на судьбу и Балканы»: в смысловом поле изучаемых слов проводятся линии от «родинных» значений к семантике судьбы ('родимое пятно' > 'недоброе предзнаменование'), а в лексическом пространстве родинного текста выделяются балканизмы ('очистительная молитва роженцы' и т.д.).

Отметим, что 2-я глава данной части представляет интерес не только в плане магистральной для книги проблематики, но и с несколько неожиданной стороны – с точки зрения теории имени собственно-го. Анализ практики имянаречения в Болгарии показывает, что господствующий до сих пор в отечественной ономастике взгляд на асемантическую личную имен во многом «русскоцентричен»: болгарский антропонимикон обнаруживает семантическую (с сильной аксиологической мотивацией) природу личного име-

ни. Болгары до сих пор дают детям имена, которые, по народным представлениям, могут останавливать череду детских смертей в семье (*Стоян/ка*, *Живко/Живка*) или наоборот – череду рождений (*До-стан/Доста*, *Запрян/Запряна*), содержать пожелание крепкого здоровья (*Камък*, *Желязко*), «сладкой» жизни, радости (*Блажка* – «сладкая», *Радка*), отражать время рождения (*Величка* – на Пасху, *Христо* – на Рождество, *Цветанка* – в Вербное воскресенье (болг. *Цветница*) и др.).

Часть II – «Рождение и жизненный сценарий» знакомит читателя с основными образами, мотивами и сюжетами, функционирующими в родинном тексте болгар и транслирующими представления о зависимости судьбы человека от обстоятельств его рождения. В «персонажном» ряду особое место занимают образы народного православия и мифологии: Богородица (гл. 4), демоны судьбы – *орисници*, *наречници* (гл. 5), «субботные» люди – те, кто родились в субботу и наделенные, по народным верованиям, демоническими свойствами (гл. 8). Богородица и демоны судьбы «патронируют» родины (разумеется, с различными установками и результатами), они являются персонажами-«субъектами», которые «исконно» обладают сверхъестественной силой, в то время как «субботные» люди – это персонажи-«объекты», чья демоничность выступает как следствие особых обстоятельств рождения и, таким образом, оказывается «благоприобретенной» (демоническими свойствами наделяются также дети, рожденные от связи женщин со змеем; дети, имеющие родимые пятна, – *белег* или *нишан* и т.д.).

Среди мотивов, значимых для родинного текста, автор выделяет матримониальные и репродуктивные мотивы (гл. 6), а также мотив повтора (гл. 7), которые определяют особенности протекания жизненного сценария, его «нормативы»: супружеская жизнь и наличие детей являются нормой, характеристикой жизненного благополучия, в то время как повтор (повторенное, «вторичное» действие или событие – повторное кормление грудью ребенка, которого ранее отлучили от груди, появление «вторых» родителей (маче-

хи или отчима), повторный брак и др.) – нежелательным эпизодом жизненного сценария.

Рассматриваемые сюжеты имеют выразительную этнокультурную подоплеку, а сюжет о демонах судьбы, являющийся во многом наследием греческой мифологии, вообще может быть признан едва ли не самым сильным балканизмом.

Различные смысловые линии, которые обнаруживаются в ходе анализа заявленных образов и тем, объединяются важнейшим для данной книги концептом – концептом судьбы, имеющим органическую связь с родинным текстом. С одной стороны, как говорилось выше, концепт судьбы является доминантой родинного текста, с другой – родины определяют организацию этого концепта: в народной культуре базовая формула судьбы (разумеется, не единственная) двухчастна – «если при рождении (перед рождением) X, то в будущей жизни случится Y». При этом X и Y, как правило, связаны разного рода «проекционными» отношениями – предметным отождествлением, в широком смысле слова «метафорой» или условной символизацией (к примеру, если при пеленании ребенка использовали слишком длинные ленты, он долго останется неженатым; если мать после рождения дочери не будет заливаться, побыстрее встанет, то будущая невеста раньше сможет выйти замуж). Таким образом, обстоятельства родины становятся основанием «метафоры» (загадки) судьбы, своего рода кодируемым денотатом, разгадывать который человек будет собственной судьбой.

В целом авторская интерпретация такого сложнейшего концепта, как судьба, и его роли в родинном тексте представляется убедительной и диалектичной. Но все же хочется поделиться следующим сомнением.

Кажется, в некоторых случаях автор трактует судьбу настолько широко, что она может быть приравнена к «программированию» жизни. Программирующие действия, предпринимаемые в рамках традиции по отношению к детям, многочисленны и разнообразны: они направлены на то, чтоб у девочки были хорошие волосы, чтоб мальчик был румяным, и

проч. Безусловно, за этими действиями следует признать программирующее содержание, но стоит ли такое программирование считать способом воздействия на судьбу? Автор, вроде бы, полагает, что это так, поскольку результаты вышеназванных действий и им подобных вписываются в цепочки вроде «хорошие волосы → красота (здоровье) → удачное замужество → счастливая судьба». Действительно, для народной культуры с ее достаточно замкнутой системой оценок и высокой степенью проективности конкретных и абстрактных признаков такая цепочка правдоподобна. Но все-таки следует ли говорить о «закладывании» румянца именно в терминологии судьбы – категории во многом иррациональной? Фактом какого «языка» становится в этом случае *судьба* – языка традиции или метаязыка исследователя? Частью языка народной традиции является лексическое и символическое поле судьбы, этот язык несомненно признает судьбой, например, замужество (болг. диал. *късмет* ‘судьба’ → ‘жених’, рус. *суженый*), но «судьбонность» румянца не маркирована. Значит, это исследовательская многоходовая проекция, правомочность которой по отношению к народной традиции, нам кажется, нуждается в особом обосновании.

Часть III – «Ритуал. Обряд. Праздник» посвящена анализу ритуальной составляющей родинного текста, которая рассматривается на примере праздника первых шагов ребенка. Стимулирование ходьбы ребенка – это широко распространенный (если не универсальный) предмет ритуальных практик разных народов, однако особое празднество в честь первых шагов можно считать балканизмом. Автор уделяет внимание обрядовой терминологии (название праздника, как правило, совпадает с обозначением ритуального хлеба, который выпекается по этому случаю: болг. *проиџналник*, *проходница* и др.), символике ритуальных действий (к ним относятся в первую очередь движения – бег, вращение, прыжки; выпекание хлеба и его раздача), персональному ряду (особые роли исполняли мать, свекровь, повитуха, крестная и т.п.), хронотопу (обязательно в новолуние, в среду и др.), словесным формулам

(Да тропти детето като кобила – «Пусть топают ребенок, как кобыла») и т.д. Смысловый комплекс, реализующийся в празднике первых шагов, переключается с символикой действий превентивного плана, которые направлены на избавление от страха перед ходьбой и лечение «сидяк»; такие действия тоже становятся объектом анализа в этой части книги.

Книга снабжена богатым вспомогательным аппаратом, имеющим самостоятельное научное значение. В приложениях даны материалы полевых записей автора (1983–2004 гг.) из пяти болгарских сел, снабженные переводом, а также 11 этнолингвистических карт, которые иллюстрируют отдельные разделы текста книги. На картах представлены ареальные характеристики обозначений роженицы, некрещеных младенцев, очистительной молитвы, праздника первых шагов ребенка, названий и объяснений причин появления родимых пятен на теле ребенка, поверий и обрядовых действий, связанных с культом Богородицы, названий и поверий, относящихся к демонам судьбы, верований о субботних людях, особенностей реализации мотива повтора, временной приуроченности гаданий о будущем ребенка. Представленная в книге библиография является крупнейшим сводом литературы по болгарской этнографии и этнолингвистике на русском языке. Очень полезен для читателя также предметно-тематический указатель, составленный в традициях московской этнолингвистической школы и дающий ключ к монографии как к тезаурусу народной культуры болгар.

Говоря о «сквозных» достижениях автора, характеризующих работу в целом, особо отметим самую дальнюю разработку понятия «балканизм», за которым стоит более широкое понятие, его можно условно обозначить как *лингвокультурный регионализм*. Выделение таких фактов (если они касаются не столько «материально-языкового», сколько семантико-мотивационного уровня) – дело трудное и опасное. Этнолингвистике известны примеры «развенчанных» специалистов, когда феномен, казавшийся специфичным для данной традиции, вдруг начинает обнаруживать точные со-

ответствия за пределами обозначенного исследователем ареала, – и уникальное оборачивается едва ли не универсальным. От этого не застрахован никто – и мы долго еще не выйдем на тот уровень анализа, когда все лингвокультурные традиции (хотя бы генетически, контактно или типологически близкие) нам будут известны с одинаковой и максимальной полнотой. Поэтому помочь должны не только и не столько «абсолютные» критерии специфичности/универсальности (полученные в результате внешнего по отношению к конкретной традиции сопоставления), сколько внутренняя реконструкция, которая опирается прежде всего на частотность и регулярность фиксации факта внутри традиции и его функцию – роль в картине мира. Чтобы выполнить условия внутренней реконструкции, надо фронтально владеть традицией, сведя к минимуму лакуны, и видеть факты концептуально, сверяя их с историко-культурной и языковой ситуацией в регионе. Эти непростые условия отлично выполняются автором книги, обнаружившим многие убедительные примеры балканизмов. Сравни, к примеру, понятие ‘некрещеный ребенок’, фиксируемое во многих традициях, но на Балканах обретающее особую регулярность и разнообразие форм воплощения, в первую очередь с помощью ксенонимов *еврейче, турче, циганче* и других, что, очевидно, вызвано особой яркостью этноконфессиональных различий в тесноте «балканского котла» (достаточно сказать, что индекс, приведенный в диссертации, насчитывает более 200 реализаций данного понятия, включая фонетические и другие варианты, а такие фундаментальные русские диалектные словари, как СРНГ [1] и СРГК [2], в сумме дают всего 5: *безымённый, богдан, лопарь, лопарка, лопень*).

Основные положения книги и интерпретации языковых и культурных фактов, предлагаемые автором, не вызывают концептуальных возражений. В некоторых случаях возникают вопросы, развивающие тему (см. выше обсуждение вопроса о соотношении судьбы и программирования жизни). Можно сформулировать и отдельные мелкие замечания.

Думается, особая отмеченность детей с двумя макушками (с. 260) должна интерпретироваться скорее не в связи с семантикой повтора, а с негативной символикой «двойки» (наличие двух макушек аномально, сравни пейоративную семантику «двуличных», «двуязычных» в разных индоевропейских языках).

Еще одна «придирка». Говоря о переключках лексики болгарских родін с отдаленными славянскими диалектами – севернорусскими (с. 14), автор приводит в качестве примера болг. *викам* ‘кричать, звать (= приглашать)’, которое, как указывается в книге со ссылкой на Фасмера, имеет параллели в севернорусском *вякать* (с. 14, 18). Однако Фасмер имел в виду не *вякать* (которое является не севернорусским словом, но фактом общерусского просторечия, к тому же фиксируется в белорусском языке [3. Т. 2. С. 300]), а *викать*, распространенное, по новейшим данным, не только на Русском Севере и в дочерних урало-сибирских говорах, но и в диалектах московских, тульских, вятских [1. Вып. 4. С. 270]. Поэтому, думается, это слово не совсем подходит на роль аргумента к сочувственно цитируемому автором тезису Л.В. Куркиной о наличии сепаратных связей южнославянских языков с севернославянскими диалектами как параметре лингвогенетического анализа славянских языков (с. 14); к тому же оно относится к звукоподражаниям – самому «типологическому» классу лексики. Возможно, среди языкового материала, изучаемого в работе, есть другие факты, имеющие переключки с севернорусскими говорами, но эти связи эксплицитно не обозначены. Еще один «имплицитный» пример, который нам удалось найти, – пара болг. *шуле* ‘незаконнорож-

денный ребенок’ – сев.-рус. *шуликун* ‘нечистый дух’ (с. 44): в то же время последнее слово (с вариантами *чиликун*, *силыхан* и т.п.), больше столетия вызывающее этимологические споры, все-таки более убедительно интерпретируется не на славянской почве [4. С. 700–701].

Эти мелочи, конечно, несоизмеримы с богатством идей и конкретных решений, которыми наполнена рецензируемая книга. Она обогащает как объективное поле этнолингвистики, так и ее методологическую базу: в ней представлен новый вариант синтеза собственно лингвистических и культурологических способов анализа материала, вариант, в котором органично сочетается «узкая» и «широкая» этнолингвистика при лидирующей роли первой. За этой работой стоит авторитетный ученый с высокой степенью научной ответственности, индивидуальной стратегией и нестандартной, чуждой формализма, синтетичной манерой научного поиска. Думается, что книгу ожидает счастливый «късмет».

© 2009 г. Е.Л. Березович

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–. Вып. 1–.
2. Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–2005. Вып. 1–6.
3. Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Мінск, 1978–. Т. 1–.
4. Аникин А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. М.; Новосибирск, 2000.

КОНФЕРЕНЦИЯ «КАРЕЛ КРАМАРЖ»

С 31 октября по 2 ноября 2007 г. в Праге при содействии председателя правительства Чешской республики Мирека Тополанека состоялась международная научная конференция, посвященная 70-летию со дня смерти первого чехословацкого премьер-министра Карела Крамаржа (1860–1937). Организаторами конференции выступили: Институт чешской истории философского факультета Карлова университета, Институт Масарика–Архив АН ЧР, Высшая школа CEVRO, Исторический институт АН ЧР, магистрат и архив г. Праги. Оргкомитет конференции составили Любош Велек и Ян Билек. Конференция проходила в Мраморном зале Клам-Галлосова дворца, предоставленного архивом г. Праги. С приветственными словами к участникам конференции выступили: директор Института истории АН ЧР проф. С. Ракова, заведующий Архивом г. Праги В. Ледвинка, директор Института чешской истории философского факультета Карлова университета проф. М. Главачка, директор Института–Архива Масарика И. Шедивы, проф. Института CEVRO М. Новак. В этом научном форуме приняли участие ученые из Чехии, Германии, Австрии, Болгарии, России. Среди них – научные сотрудники академических институтов, преподаватели университетов и вузов, работники музеев и архивов. Всего было заслушано и обсуждено более 40 научных докладов, касавшихся различных сторон жизни и деятельности К. Крамаржа.

Основная идея конференции состояла в том, чтобы проанализировать и интерпретировать политическую и общественную активность чешского политика в тесной связи с менявшейся обстановкой в Центральной Европе.

Крамарж вступил в политику в 90-е годы XIX ст. в период перехода к так называемой «массовой политике», став в 30 лет самым молодым депутатом австрийского парламента от национально-либеральной Чешской партии свободомыслящих (младочехов). Прекрасное образование, финансовая независимость и, в первую очередь, личные способности (ораторское искусство, хорошая ориентация в вопросах экономики и международных отношений) сделали его вскоре одним из ведущих политиков империи. Крамарж являлся членом совместного австро-венгерского органа, решавшего общие внешнеполитические, военные и финансовые проблемы дуалистической монархии, с 1897 г. входил в президиум рейхсрата, занимая одно время должность первого заместителя председателя. Одновременно Крамарж с 1894 г. состоял депутатом чешского сейма. Парламентская деятельность Крамаржа продолжалась почти полвека.

В начале XX в. Крамарж стал признанным лидером партии младочехов, сумев превратить ее в партию современного типа. Его политическая деятельность принесла ему известность за пределами Чехии и Австрии, участие в неославистском движении обеспечило контакты в различных славянских странах и землях,

в том числе достаточно тесные с государственными и политическими деятелями России, министрами, депутатами Государственной думы и Государственного совета П.А. Столыпиным, В.А. Маклаковым, А.И. Гучковым, М.Г. Акимовым, Н.А. Хомяковым и др. По масштабам своей деятельности Крамарж стал европейским политиком.

Антиавстрийская позиция Крамаржа в годы Первой мировой войны чуть не стоила ему жизни: военный суд вынес смертный приговор, который позже в связи с династическими изменениями был заменен тюремным заключением. Будучи символом национально-освободительного движения на родине, Крамарж после образования Чехословакии в 1918 г. стал первым председателем ее правительства. Деятельность его как премьера продолжалась недолго, но примечательна его участием в исторических событиях – образовании новой республики и определении ее границ на Парижской мирной конференции.

Крамарж оставался лидером достаточно влиятельной Национально-демократической партии, располагавшейся на правом фланге чехословацкой политической сцены. Его славянская политика в межвоенный период выражалась в четкой антибольшевистской позиции и щедрой помощи русским эмигрантам, рассеянным по всему свету.

Выступавшие на конференции докладчики представили новый фактический материал, выявленный в архивных хранилищах, а также проанализировали идейное наследие и политическую практику Крамаржа. В первый день работы конференции рассматривались проблемы происхождения рода Крамаржа, его юность, полученное образование и дружеские связи. Кроме того, анализировалась его деятельность как партийного лидера. В выступлениях второго дня разбирались отношения Крамаржа с австрийскими и чешскими политиками, особое внимание при этом уделялось взаимоотношениям Крамаржа с Масариком. Отдельные блоки конференции посвящались славянской политике Крамаржа, его отношению к России и отношению Крамаржа к словакам и национальным

меньшинствам ЧСР. Последняя группа докладов касалась личной и семейной жизни Крамаржа. На заседаниях последнего дня конференции обсуждались: отношение к Крамаржу чехословацкой интеллигенции, восприятие его как лидера партии национальных демократов представителями различных политических направлений, образ Крамаржа в публицистике межвоенной Чехословакии. В центре внимания находились идейные взгляды и политика Крамаржа.

Докладчики постарались ответить на нерешенные в историографии вопросы: как Крамарж из проавстрийского политика стал антиавстрийским? Был ли он на самом деле национальным героем? Можно ли считать его взгляды в тридцатые годы фашистскими? Действительно ли он являлся партийным лидером? Либерал Крамарж или консерватор? Рассматривать ли его как успешного политика либо неудачника? Интерпретация политики и оценки взглядов этой исторической личности нередко значительно расходились, что вызывало вопросы и острую дискуссию, а это крайне важно для дальнейшего осмысления и правильной оценки роли Крамаржа в чешской истории.

В рамках конференции состоялась презентация книги М. Люстиговой «Карел Крамарж. Первый чехословацкий премьер». Интересна была культурная программа конференции: выставка в Институте CEVRO, посвященная Крамаржу и его супруге Н. Крамарж (Хлудовой-Абрикосовой). Открыл ее премьер-министр ЧР, ознакомив собравшихся со своим видением этой исторической личности. На выставке можно было познакомиться с документами, фотографиями, наградами, личными вещами Крамаржа, портретами его (в том числе кисти Малявина из частной коллекции) и супруги. Прошел просмотр документального фильма (реж. М. Суханек) с историческими кадрами – выступлением Крамаржа в парламенте. Состоялся прием в резиденции чешского председателя правительства на вилле Крамаржа. Участники конференции смогли посетить Ольшанское кладбище, где в крипте православной церкви Успения покоится прах супругов Крамарж.

Конференция если и не ответила на все поставленные вопросы, то помогла сориентироваться в направлениях дальнейшего исследования, обеспечила контакты специалистов академических институтов, преподавателей университетов, сотрудников архивов и музеев. Хотелось

бы отметить ее четкую организацию и прекрасное информационное обеспечение – красочную программу, специальный, посвященный К. Крамаржу, выпуск журнала «История и современность».

© 2009 г. *Е.П. Серапионова*

Славяноведение, № 1

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ОПЫТ ТРАНСФОРМАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СИСТЕМ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ИНСТИТУТОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В XX веке»

2 октября 2007 г. в Институте славяноведения РАН состоялась научная конференция «Опыт трансформации политических систем и общественных институтов в Центральной и Восточной Европе в XX веке» в рамках научного проекта по программе фундаментальных исследований ОИФН РАН «Власть и общество в истории».

В основе концепции конференции – стремление его организаторов, сотрудников Отдела истории славянских народов периода мировых войн, провести дискуссию по научно значимым и актуальным вопросам, связанным с проблемами взаимодействия властных структур и общественных институтов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.

Различные аспекты системной общественно-политической трансформации в этих странах после окончания наиболее значимых глобальных кризисов XX в. – Первой и Второй мировых войн и «холодной войны»: формирование и функционирование новых органов и центров власти, создание правовой базы, общество и его институты, механизмы отношений власти и общества (сотрудничество и противостояние), роль церкви, политических партий и общественных движений во внутривластной жизни

были структурированы для обсуждения в три тематических блока.

В первом из них – «Центральная и Юго-Восточная Европа: взаимоотношения власти и общества в межвоенный период» – прозвучал доклад *Е.П. Серапионовой* о новых механизмах взаимоотношений власти и общества на примере «первой» (домонхенской) Чехословацкой республики. *И.И. Костюшко* в своем выступлении показал процесс перехода от парламентской системы в Польше к авторитарной, проанализировав особенности ситуации в стране и конституции 1921 и 1935 гг. Центральной темой сообщения *А.С. Аникеева* стало влияние национальных проблем на взаимоотношения власти и общества в Королевстве СХС. *Н.С. Пилько* осветила политическую жизнь в Словении в 20–30-е годы XX в., уделив особое внимание деятельности Антона Корощца. *Ю.В. Лобачевой* был затронут историографический аспект данной проблемы в отечественной науке применительно к ситуации в межвоенной Югославии. Сотрудник Института этнологии и антропологии РАН *Р.Н. Игнатьев* в своем докладе показал смысл и социальную функцию сюрреалистической метафоры в литературе балканских стран, обратившись к фигуре

сербского надреалиста Стевана Живадича (творческий псевдоним Ване Бор).

В рамках второго блока – «Проблемы взаимодействия власти и общества в годы Второй мировой войны и после ее завершения» – участники заслушали выступление *Т.А. Покивайловой*, рассмотревшей положение в Трансильвании в годы Второй мировой войны в контексте венгеро-румынского территориального спора. *А.Ф. Носкова* показала роль внешнего фактора в создании ПКНО (1944 г.). *Л.Я. Гибианский* рассмотрел возникновение и функционирование идеомифов, призванных легитимизировать в глазах общества существующую власть, одним из которых можно считать освещение коммунистическим руководством Югославии конфликта Сталин–Тито в 1948–1953 гг.

В третьей тематической части конференции – «Власть и общество: развитие оппозиционных течений в странах Центральной и Восточной Европы в 1970–1990-е годы» – *О.Н. Майорова* остановилась на очередном этапе взаимодействия власти и общества в Польше в 1970-е годы: от событий на Побережье до возникновения единой демократической оппозиции. *Б.Й. Желицки* обратил внимание на некоторые характерные аспекты этой проблемы в Венгрии 50–80-е годы XX в. и появление оппозиционных формирований, которые в 1989 г. осуществили смену государственно-политического строя. *Е.Л. Валева* проанализировала особенности политической ситуации в Болгарии в

конце 1980-х – начале 1990-х годов, показав проявления политического и общественного протеста. Сообщение *Г.Н. Энгельгардта* было посвящено приходу к власти националистической коалиции в Боснии и Герцеговине в 1990–1992 гг.

Несомненно, обращение участников конференции к историческому опыту различных стран ЦЮВЕ, которые по уровню политической культуры, менталитету, языку, истории наиболее близки России, представляет особый интерес. На основе конкретного материала исследователям удалось показать ситуацию в этом регионе в целом в 1920-е, 1940-е и 1990-е годы, выделить общие тенденции и продемонстрировать специфику исторических процессов в отдельных странах. В плане перспектив дальнейшего изучения особое значение, на наш взгляд, представляет попытка историков рассмотреть социокультурный аспект трансформации власти и общества и их взаимоотношений в указанный период.

Остается лишь добавить, что на конференцию были представлены доклады *Н.Н. Станкова* (Волгоградский государственный университет), *А.И. Филимоновой*, *Т.В. Волокитиной*, *Г.П. Мурашко*, *В.В. Марьиной*, а также чешских историков *М. Главачки* и *Э. Ворачека*. Планируется публикация сборника статей, подготовленного на основе материалов конференции.

© 2009 г. *Ю.В. Лобачева*

ПАМЯТИ МОМЧИЛО БОГДАНОВИЧА ЕШИЧА (1921–2007)

24 октября 2007 г. на 86-м году жизни скончался видный ученый-югославист, кандидат филологических наук Момчило Богданович Ешич. Широко эрудированный специалист, он оставил след в изучении и осмыслении ряда ключевых проблем истории и культуры не только родной Сербии, но всего балканского региона.

М.Б. Ешич родился 17 ноября 1921 г. в колубарском уезде Сербии в небогатой крестьянской семье. Человек удивительной биографии, он в молодости стал не только свидетелем, но и непосредственным участником значительных исторических событий XX в. С 1939 г. Ешич участвовал в работе нелегальной коммунистической молодежной организации. Через три месяца после оккупации родного края гитлеровской Германией, 15 июля 1941 г., едва окончив гимназию, он вступил в ряды партизан, участвовал в боях, был секретарем уездной подпольной комсомольской организации, связным Главного штаба партизанских отрядов Сербии. 23 декабря был арестован четниками, передавшими его немцам. В течение нескольких месяцев находился в заключении в Белграде, затем в Германии, а с июня 1942 г. в течение двух лет в концлагере в Норвегии.

Победа Красной Армии под Сталинградом заставила командование вермахта перебросить на восточный фронт значительную часть сил, дислоцированных в Норвегии. Как вспоминал впоследствии Момчило Богданович, в этих условиях и стал возможен дерзкий побег группы югославских заключенных из концлагеря 21 июня 1944 г. и переход через границу в Швецию. В этой нейтральной стране М.Б. Ешич стал одним из лидеров организации югославских политэмигрантов-антифашистов, редактировал газету, одновременно посещая лекции в Стокгольмском университете. Вернувшись в сентябре 1945 г. на родину, где к тому времени прочно установилась коммунистическая власть, он работал в отделе пропаганды Исполкома Народного фронта Сербии, с июня по декабрь 1946 г. был заведующим отделом пропаганды и печати в Исполнительном Народном комитете (мэрии) г. Белграда, одновременно выступал как журналист и учился на юриста в Белградском университете. С декабря 1946 г. находился на службе в армии, а в марте 1947 г. был откомандирован в югославский МИД и в августе того же года направлен на дипломатическую работу в Норвегию первым секретарем посольства.

Дипломатическую карьеру М.Б. Ешича прервал советско-югославский конфликт 1948 г. Молодой дипломат был среди не столь уж малочисленных югославских коммунистов, которые в споре двух государственных лидеров взяли сторону Сталина, увидев в позиции Тито проявление национальной ограниченности. Отказавшись вернуться домой, М.Б. Ешич жил с конца сентября 1948 г. в СССР, работал в организациях югославских политэмигрантов, был одним из редакторов газеты «За социалистическую Югославию». Позже, поддержавший начавшееся сближение СССР и Югославии М.Б. Ешич, всецело сосредоточившийся с середины 1950-х годов на научной работе, воспринимался в Белграде с подозрением. Югославские власти позволили ему впервые после долгого перерыва посетить родину только в 1965 г., а с начала 1970-х годов, после событий так называемой «хорватской весны», в результате связанного с этим ужесточения внутренней политики режима Тито, он вновь попадает на 15 лет в черный список.

Вплоть до начала 1970-х годов свои научные работы М.Б. Ешич подписывал М. Богданов, и в агитпропе ЦК СКЮ долгое время не было ясности, кто из политэмигрантов-коминфор-

мовцев публикует под этим псевдонимом обстоятельные, квалифицированные послесловия к русскоязычным изданиям крупных югославских писателей И. Андрича, М. Крлежи, В. Назора, Б. Чопича и других, а также статьи в энциклопедических изданиях.

Работая с 1954 г. в Институте славяноведения АН СССР, М.Б. Ешич занимался историей сербской литературы, составил несколько сборников произведений югославских писателей, выступал со статьями об идейно-эстетических спорах 1920–1930-х годов и современном литературном процессе в Югославии, был в числе авторов глав по культуре в двухтомной «Истории Югославии» (1963), ставшей вехой в отечественной исторической балканистике. Присущая ему склонность к теоретическим обобщениям проявилась в книге «Сербская сатирическая проза конца XIX – начала XX века и некоторые вопросы теории сатиры» (1962).

Занимаясь литературоведением и историей художественной культуры, М.Б. Ешич проявлял особый интерес к проблемам социального функционирования духовных ценностей, к их рецепции и конкретной аудитории. Позже, начиная с 1970-х годов, он написал также ряд фундаментальных статей по истории школы, образования, культурного строительства в Югославии, разделы в нескольких коллективных трудах. Сопоставительное изучение югославянских культур в Новое и новейшее время подводило его к осмыслению коренных, исторически сложившихся, культурных различий между сербами, хорватами, словенцами, боснийскими мусульманами – народами близкими по языку, но относившимися к разным культурно-цивилизационным кругам. Это многое давало для понимания тех глубинных социальных процессов, которые привели в конце концов к закономерному краху когда-то казавшееся жизнеспособным полиэтническое государственное образование – федеративную Югославию.

С 1981 г. М.Б. Ешич более десяти лет возглавлял подразделение Института славяноведения и балканистики – группу по изучению современных культур европейских социалистических стран, был также руководителем секции научного совета РАН по истории мировой культуры. В это время он проявил себя и как способный научный руководитель молодежи, сочетавший в себе тактичное отношение к индивидуальным научным интересам с умением вписать эти поиски в более широкий исследовательский контекст. С 1992 г. в течение нескольких лет М.Б. Ешич был заместителем директора Института национальных проблем образования, продолжая вместе с тем участвовать и в проектах Института славяноведения (главы по истории сербской литературы в синтетическом трехтомном труде «История литератур западных и южных славян», участие в труде «200 лет сербской государственности». М., 2004). Человек философского склада мышления, при анализе конкретного балканского материала М.Б. Ешич старался все больше выходить на теоретические обобщения, а со временем главным полем его деятельности становятся теория культуры и теория этносов – статьи 1980-х годов о месте культуры в системе общества, доклады на философских конференциях, разделы в коллективных трудах научного совета РАН «История мировой культуры»: «Встречи этнических культур в зеркале языка» (М., 2002), «Человек как субъект культуры» (М., 2003), «Цивилизация. Восхождение и слом» (М., 2003), «Глобализация – Этноизация. Этнокультурные и этноязыковые процессы» (М., 2006) и др. Часть наследия М.Б. Ешича еще ждет своей публикации.

С конца 1980-х годов М.Б. Ешич внимательно следил за развитием балканского кризиса. Хотя Момчило Богданович в это время, как правило, воздерживался от выступлений в прессе по актуальным политическим проблемам бывшей Югославии, собеседники не могли не отмечать точности его прогнозов (в частности, о перспективах развития событий в Боснии и Косово) – сказывались и большой жизненный, в том числе политический, опыт, и глубокое знание истории, духовной культуры, менталитета югославянских народов. Весьма критически относясь к С. Милошевичу, не исчерпавшему, по мнению Ешича, возможностей мирного урегулирования конфликта и несущему свою долю ответственности за кровопролития, он вместе с тем всегда крайне резко отзывался о попытках применения иностранной военной силы при разрешении югославянских межэтнических споров.

Память о Момчило Богдановиче Ешиче – яркой личности и квалифицированном ученом, много сделавшим для сближения российской и югославянских культур, навсегда останется в сердцах людей, его знавших, в том числе его учеников.

CONTENTS

ARTICLES

<i>Uryadova A.V.</i> (Yaroslavl). 1921 Hunger and Russian Emigration in the Slavic Countries.....	3
<i>Mikhailchenko S.I., Tkachenko E.V.</i> (Bryansk). E.V. Spector'sky in Emigration	14
<i>Petrusheva L.I.</i> (Moscow). Russian Emigration School in Europe	25
<i>Stykalin A.S.</i> (Moscow). Russian White Emigration in the Interwar Hungary and the Horthyst Political Elite' Attitude	40
<i>Kosyk V.I.</i> (Moscow). Russian Culture in Slovenia in XX Century (Russians in Theatre).....	52
<i>Yakovkina E.V.</i> (Stavropol). Polish National Question in the Context of Modernization Processes (Based on the History of Polish Territories on the Last Third of XIX – Early XX Cent.).....	62
<i>Yazhborovskaya I.S.</i> (Moscow). Contemporary Central-Eastern and South-Eastern Europe: Problems of Social State and Social Policy	73
<i>Bukharin N.I.</i> (Moscow). Russian-Polish Cultural Contacts in the Early XXI Century	88

COMMUNICATIONS

<i>Ryzhov I.V.</i> (Nyzhny Novgorod). Crisis of Kosovo and Some Features of the State of Israel Policy in South-Eastern Europe	100
--	-----

REVIEW-ARTICLES AND REVIEWS

<i>Labyntsev Yu.A., Shchavinskaya L.L.</i> Российские и славянские исследования: научный сборник	105
<i>Belov M.V.</i> Русские о Сербии и сербах. Т. 1: Письма, статьи, мемуары	107
<i>Leskinen M.V.</i> В.А. Хорев. Польша и поляки глазами русских литераторов. Имагологические очерки	111
<i>Berezovich E.L.</i> И.А. Седакова. Балканские мотивы в языке и культуре болгар. Родинный текст	116

SCHOLARLY LIFE

<i>Serapionova E.P.</i> Conference «Karel Kramarž»	122
<i>Lobatcheva Yu.V.</i> Scholarly Conference «Experience of the Transformation of the Political Systems and Social Institutes in Central and Eastern Europe in XX Century»	124

OBITUARIES

<i>Stykalin A.S.</i> In Memoriam of Momchilo Bogdanovich Eshich (1921–2007)	126
---	-----

Сдано в набор 03.10.2008 Подписано в печать 24.11.2008 Формат бумаги 70 × 100¹/₁₆
Офсетная печать. Усл.печ.л. 10,4 Усл.кр.-отт. 4,9 тыс. Уч.изд.л. 12,0 Бум.л. 4,0
Тираж 462 экз. Зак. 812

Учредители: Российская академия наук, Институт славяноведения РАН
Издатель: Академиздатцентр «Наука», 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский проспект, 32а. Телефон 938-01-20
E-mail: jurslav@rambler.ru; zhurslav@mail.ru
Оригинал-макет подготовлен МАИК «Наука/Интерпериодика»
Отпечатано в ППП «Типография «Наука», 121099 Москва, Шубинский пер., 6

